

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16 2019
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (254) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Фрэнсис Арнольд (1956)*, американский учёный, химик-инженер, лауреат Нобелевской премии по химии.

Фрэнсис Арнольд родилась в Эджвуде, США, в семье физика-ядерщика Вильяма Говарда. С самого начала казалось, что Арнольд сделала все, чтобы не стать биологом. В старшей школе она сбегала на протестные акции против войны во Вьетнаме, потом ушла из дома. В колледже училась плохо, потому что подрабатывала барменшей и таксисткой. Несмотря на это, Арнольд все-таки поступила в Принстон, на факультет аэрокосмической техники (потому что туда было проще всего поступить), бросила учебу, переехала в Италию и устроилась на фабрику по производству ядерных реакторов, заявив, что больше не собирается заниматься наукой.

Но у судьбы были на нее другие планы. Арнольд увлеклась «зеленой» энергетикой, а конкретно — солнечными панелями. Даже когда страну возглавил Рейган и на солнечные панели стали смотреть как на странную причуду непопулярного президента (Картера), она заявляла, что от идеи «зеленых» инноваций уже не откажется, хотя ей и пришлось искать себе новое дело.

Далее Арнольд поступила в Калифорнийский технологический институт на факультет химии. Не желая иметь ничего общего с нефтяной индустрией, она взялась за «рациональный» дизайн новых соединений. Она пыталась найти новые ферменты, которые позволили бы сделать процесс получения энергии менее токсичным, и после нескольких неудач решила перенять технику у лидера — природы. Так Арнольд переключилась на эволюцию белков.

В 2018 году Фрэнсис Арнольд и ее коллеги Джордж Смит и Грегори Винтер получили Нобелевскую премию по химии за свои открытия в области направленной эволюции и создание новых белков. Суть работы Арнольд эксперты премии назвали «революция в эволюции». Она сделала удивительную вещь: законы отбора Дарвина,

действующие миллиарды лет в естественной природе, Арнольд сумела «сжать» в пробирке до нескольких часов, заставила идти эволюцию во много тысяч раз быстрее.

«В каждом организме есть системы защиты, которые помогают ему выживать в самых сложных условиях, блокировать случайные мутации, — прокомментировал работу Арнольд профессор МГУ Владимир Тишков. — А Фрэнсис Арнольд фактически сорвала все замки защиты. Здесь задействована так называемая полимеразная цепная реакция, которая умножает число копий ДНК. Если задать неправильные условия, то реакция будет шлепать копии с ошибками, и у гена появятся случайные мутации. Всего за два часа в пробирке можно получить миллиард случайных копий мутантных генов. Из них 99 процентов окажутся ненужными, а один процент — полезным. Его можно запускать в следующий подобный цикл, улучшая нужные свойства». А следующий шаг был сделан благодаря работам Смита и Винтера. Разработанный ими фаговый дисплей позволяет получать на основе мутантных генов набор мутантных белков с заданными свойствами.

Принесший Арнольд Нобелевскую премию метод пригодился в самых разных областях. Исследовательница «помогла» эволюционировать множеству белков, участвующих в реакциях органического синтеза, научила кишечную палочку производить каротиноиды и необычные аминокислоты, основала компанию по производству биотоплива и даже придумала более дешевый способ синтеза лекарства от диабета.

На сегодняшний день Фрэнсис Арнольд является профессором инженерной химии, биоинженерии и биохимии Калифорнийского технологического института. Она удостоена Национальной медали в области технологий и инноваций и введена в Национальный зал славы изобретателей.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Вдовин Е. А.**
Проблема противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в сети Интернет79
- Волков А. С.**
Взаимодействие представительных органов местного самоуправления и органов внешнего муниципального финансового контроля: вопросы правовой теории и практики..... 81
- Горина А. А.**
Проблема экономических и экологических рисков при принятии решения о прекращении тушения лесного пожара83
- Дзахмышева О. В.**
Особенности правового регулирования отношений в сфере суррогатного материнства на примере зарубежных государств86
- Калинина И. А.**
Понятие и роль гарантии как средства обеспечения исполнения обязательств в международном праве.....89
- Касимова Е. Г.**
Смертная казнь: результаты многовекового существования..... 91
- Козельчук Е. А.**
Проблемы предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной службе.....93
- Косенко И. В.**
Защитник как субъект доказывания в уголовном процессе..... 94
- Ламекин В. С.**
Соотношение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий96
- Макеева С. Б.**
Сделки с пороком субъекта98
- Мельчуков В. А.**
Понятие и сущность законного представительства несовершеннолетнего..... 105
- Мельчуков В. А.**
Особенности оформления законного представительства ребенка 107
- Минин Д. С.**
Правовое регулирование борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, приобретенного незаконным путем 110
- Моклокова Е. Ю.**
Свидетельский иммунитет в гражданском процессуальном праве 111
- Оспан А. К., Бакишев К. А.**
Уголовно-правовой анализ оставления в опасности 113
- Петраченко А. Ю.**
Порядок и способы заключения договоров в гражданском праве 115
- Полякова С. С., Чупрова Е. С.**
Правовые проблемы защиты экологических прав коренных малочисленных народов 118
- Попова Т. В.**
Полномочия президента РФ в области обороны 120
- Сокова А. А.**
Искусственный интеллект: возможности и необходимость его уголовно-правовой охраны 122
- Триполева А. И.**
Административная преюдиция: за и против ... 125

Трынченков Н. А. Концепция гибридных правовых систем в информационную эпоху (на примере судебного прецедента в Российской Федерации)..... 128	Чичерин В. М. Права потребителей в сфере оказания финансовых услуг: анализ и практика..... 144
Ульзутуев Ч. Э. Криминологическая типология личности осужденных женщин 131	Чулюков О. О. Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление 146
Ульзутуев Ч. Э. Криминологические особенности личности осужденных женщин 134	Чулюков О. О. Правовая природа и практическое значение института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление 148
Файзрахманова Л. М., Сибгатова Л. Н. Земельный участок как объект гражданских правоотношений 136	Чупрова Е. С. Обеспечение публичных и частных интересов при законодательном регулировании аудиторской тайны 149
Халеева А. К., Дикаева М. С. Уголовная ответственность за нарушение правил охраны и использования недр..... 138	Шишкина Ю. А. Общественная опасность как категория уголовного права 151
Халеева А. К., Дикаева М. С. Административная ответственность за правонарушения в сфере недропользования 140	Шляйгер А. В. Особенности женской подростковой преступности в России..... 153
Черных И. А. К вопросу о юридическом лице как субъекте преступления 142	

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Проблема противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в сети Интернет

Вдовин Евгений Алексеевич, студент;

Научный руководитель: Целищева Зухра Абдурашидовна, кандидат культурологии, доцент
Нижневартковский государственный университет (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра)

Главной особенностью современного общества является сеть Интернет. Ежедневно человек проводит большое количество своего рабочего и свободного времени в сети. Интернет помогает человеку в саморазвитии, способствует развитию интеллектуальных способностей, дает возможность общения с разными людьми, находящимися даже на разных континентах и многое другое.

Однако помимо положительных свойств интернета существует и негативная, которая может причинить вред не одному человеку: торговля оружием, распространение запрещённых веществ, мошенничество, вербовка. В глобальной сети размещаются противоправные материалы пропагандистского характера, направленные на возбуждение ненависти либо вражды. В последнее время участились случаи вступления молодёжи в экстремистские организации. Согласно статистике Росстата за 2017 год основной возрастной контингент в интернете составляют люди от 14 до 30 лет. Им обещают материальные и духовные блага, возможность быстро и легко реализовать себя в жизни, достичь всего, о чём они мечтали.

Большинство экстремистских организаций ориентированы на подрастающее поколение, что угрожает национальной безопасности и традиционным устоям любого государства. Основную массу международных террористических организаций составляет молодёжь, которая в силу ряда социально-психологических, физиологических и демографических особенностей наиболее восприимчива к идеологическому воздействию.

Приоритетное внимание МТО уделяют следующим категориям молодежи:

- молодёжь, способная воевать на стороне террористов и совершать террористические акты;
- подготовленные специалисты различных сфер профессиональной деятельности (медики, нефтяники, дорожники, специалисты в области сельского хозяйства, химии и физики, переводчики);

- лица, готовые действовать на территории стран проживания, в том числе до определенного времени оседая в «спящих ячейках» и проводя идеологическую (вербовочную) работу;

- радикально настроенные религиозные деятели;
- специалисты в области IT-индустрии, призванные обеспечивать деятельность МТО на качественно новом технологическом уровне, осуществлять акты кибертерроризма, а также организовывать пропагандистскую работу в сети Интернет.

Индивидуальные мотивы людей, согласившихся на вербовочные предложения Международных террористических организаций (далее по тексту — МТО), предметно отражена в исследовании, проведенном отделением Антитеррористического центра СНГ по Центрально-азиатскому региону (г. Бишкек, Республика Кыргызстан) в начале 2015 года.

Она включает в себя:

- 1) идеологические мотивы, религиозного толка:
 - совершить богоугодное дело, чтобы попасть в рай;
 - борьба против кафилов и врагов ислама;
 - борьба против «грешников» и «управляемых ими»;
 - построение «Исламского государства»;
- 2) идеологические мотивы, не связанные с религией:
 - желание действовать и быть активными строителями своей жизни и общества;
 - желание бороться за свободу и справедливость;
 - необходимость иметь социальный идеал;
 - желание быть защитником слабых (женщин, детей, стариков);
 - готовность бороться против «кафирского» режима Б. Асада.

Экстремисты ищут доступные пути, чтобы вступить в дискуссии, спорить, отстаивать свою идеологию, убеждения в интернет-пространстве. Международные террористические организации активно используют ресурсы сети Интернет, и, как правило, проводят агитаци-

онную и вербовочную деятельность, направленную на увеличение числа их сторонников [6, с. 2].

За 2016 год органы прокуратуры Российской Федерации передали в суды порядка 662 уголовных дела о преступлениях экстремистской направленности, пишется в отчете надзорного ведомства [1, с. 9]. В 2017 году было выявлено 785 лица, совершившего преступления экстремистской направленности. В 2018 последовал спад преступлений по 282 статье УК РФ. — 674 случая. По статистике верховного суда РФ около 70% совершённых преступлений были зафиксированы в социальных сетях [1, с. 10].

Можно выделить несколько основных проблем, которые мешают успешному противодействию экстремизма в сети Интернет:

1) отсутствие взаимодействия на международном уровне по вопросам правового регулирования функционирования Интернета, борьбы с преступностью [4, с. 48];

2) отсутствие правовых механизмов и технических возможностей по противодействию анонимности пользователей сети Интернет (например, VPN — обобщённое название технологий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых соединений поверх другой сети);

3) активная деятельность криминалитета, выражающаяся в совершенствовании средств, методов, способов совершения преступлений и сокрытия следов [8, с. 3].

Выходом из сложившейся ситуации является проведение последовательной работы по следующим направлениям:

1) совершенствование нормативно-правовой базы на основе мониторинга зарубежного законодательства;

2) разработка эффективных технических средств противодействия распространению идей экстремизма в сети Интернет;

3) международное сотрудничество и обмен опытом;

4) подготовка соответствующих профессиональных кадров, способных противостоять современной преступности [6, с. 2].

Насущной является необходимость в качественном улучшении методов профилактики, которая должна быть нацелена на нейтрализацию объективных факторов, способствующих совершению преступлений; корректирующее воздействие, снижающий криминогенный потенциал субъективного фактора — умысел совершения преступлений; внесение дисфункции в цепочку криминогенных взаимодействий объективных и субъективных факторов, ведущее к саморазрушению самого процесса приближения к посягательству на совершение преступления [8, с. 67].

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) предусматривает следующие направления

государственной политики в сфере противодействия экстремизму в сфере образования и государственной молодежной политики, носящие преимущественно профилактический характер и нацеленные на молодежь:

1) включение в региональные и муниципальные программы по развитию образования и воспитанию несовершеннолетних мероприятий по формированию у подрастающего поколения уважительного отношения ко всем этносам и религиям;

2) организация досуга детей, подростков, молодежи, семейного досуга, обеспечение доступности для населения объектов культуры, спорта и отдыха, создание условий для реализации творческого и спортивного потенциала, культурного роста граждан;

3) осуществление мер государственной поддержки системы воспитания молодежи на основе традиционных для российской культуры духовных, нравственных и патриотических ценностей [5, с. 68].

Приведем ряд причин, обуславливающих необходимость противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде:

во-первых, в условиях роста радикализации сознания молодежи, экстремизма, усиления распространения идеологии терроризма, а также возрастания террористических угроз именно молодежь становится основной «группой риска», которая наиболее подвержена негативному влиянию. Следовательно, задача по профилактике и противодействию идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде становится чрезвычайно важной;

во-вторых, уровень знаний учащихся в области экстремизма и терроризма, а также тех проблем социально-политического характера, которые они влекут за собой, в настоящее время однозначно недостаточен;

в-третьих, существует необходимость выработки наиболее действенных форм и методов работы молодежью, которые позволят заинтересовать и вовлечь их в совместную деятельность, направленную на противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в обществе.

Складывающаяся международная обстановка, внутриполитическая ситуация и тенденции развития информационно-телекоммуникационных технологий позволяют прогнозировать дальнейшее нарастание объемов использования информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности.

Своевременное предотвращение и пресечение имеющихся угроз зависит от эффективности, систематичности и согласованности проводимых мероприятий, а также от качества взаимодействия всех правоохранительных органов Российской Федерации и всех заинтересованных иностранных государств.

Литература:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2016–2018 г. с. 9–11.

2. Голубев, В., Сайтарлы Т. Проблемы борьбы с кибертерроризмом в современных условиях [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.crime-research.org/library/e-terrorism.htm> (дата обращения 28.03.2019 г.)
3. Голядин, Н. П. Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации / Н. П. Голядин, А. В. Горячев // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2 (20). с. 37–40.
4. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации — ETS № 185: принята в Будапеште 23 ноября 2001 г. с. 36–48.
5. Кочубей, М. А., Мареев П. Л., Смирнов А. А., Сутормина Е. В. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. // ООО «Издательство «Русь», 2018. — 96 с.
6. Кубякин, Е. О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4. с. 1–4.
7. Нефедова, Н. В. Механизмы вербовки в экстремистские организации религиозной направленности / Н. В. Нефедова // Учёные записки крымского инженерно-педагогического университета. Серия: педагогика. Психология. 2017. № 2. с. 122–125.
8. Стукалов, В. В. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // 2016. с. 1–6.
9. Троегубов, Ю. Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. с. 1–6.

Взаимодействие представительных органов местного самоуправления и органов внешнего муниципального финансового контроля: вопросы правовой теории и практики

Волков Андрей Сергеевич, студент магистратуры;

Научный руководитель: Выдрин Игорь Вячеславович, профессор

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Правовое регулирование и основы юридического взаимодействия контрольно-счетного органа с представительным органом муниципального образования устанавливаются Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления», Федеральным законом от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», уставами муниципальных образований, положениями об органах местного самоуправления.

Контрольно-счетный орган отнесен 131-ФЗ к факультативным органам местного самоуправления, то есть его наличие не является

обязательным [3, С. 276]. А. Ю. Лукьянова отмечает, что «наличие контрольно-счетного органа как отдельного самостоятельного органа местного самоуправления в муниципальном образовании не является обязательным. Создание этого органа местного самоуправления отнесено к дискреционным полномочиям самого муниципального образования, является его правом, но не обязанностью» [6, С. 268]. Закон предусматривает наличие контрольно-счетного органа в муниципальном образовании без наделения статуса юридического лица, однако назвать его органом местного самоуправления не представляется возможным, на что указывает в своей работе В. И. Перов «органи-

зационная и функциональная независимость контрольно-счетных органов муниципальных образований может быть реализована в полной мере только при наделении контрольно-счетного органа муниципального района, городского округа правами юридического лица как одного из органов местного самоуправления» [4, с. 57].

С момента создания представительным органом муниципального образования контрольно-счетного органа муниципального образования между ними начинается непосредственное сотрудничество. Однако сотрудничество представительных органов муниципальных образований с контрольно-счетными органами муниципальных образований в рамках правового регулирования только к этой стороне их взаимодействия не сводится. Взаимоотношения между ними имеют сложный многосторонний характер.

Взаимодействие Представительного органа муниципального образования с контрольно-счетным органом муниципального образования реализуется посредством:

- принятия решения о создании контрольно-счетного органа и формировании нормативно-правовой базы для регулирования его деятельности;
- принятия решения о назначении на должность председателя и аудиторов контрольно-счетного органа;
- заслушиваний на заседаниях отчеты по результатам проведенных контрольно-счетным органом мероприятий;

— направлений поручений, либо предложений по проведению контрольных и экспертно-аналитических мероприятий в годовой план работы.

Контрольно-счетный орган в свою очередь:

— проводит финансово-экономическую экспертизу проектов муниципальных правовых актов, а также муниципальных программ.

— представляет информацию о ходе исполнения местного бюджета, отчеты результатах проведенных контрольных и экспертно-аналитических мероприятий

— направляет представителю органу отчеты о результатах своей деятельности, участвует в совместных с представительным органом слушаниях, проводит совместные проверки с комиссиями и комитетами представительного органа.

При проведении комплексного метода исследования, можно сделать вывод, что представительные органы осуществляют контроль в ходе рассмотрения вопросов исполнения местного бюджета на своих заседаниях, заседаниях комитетов, комиссий, рабочих групп, в ходе проводимых представительными органами слушаний и в связи с депутатскими запросами. Контрольно-счетный орган муниципального образования — это постоянно действующий орган внешнего муниципального финансового контроля, который образуется представительным органом муниципального образования и соответственно ему подотчетен, названный термин впервые применен в Федеральном законе от 07.02.2011 № 6-ФЗ [2].

Оказывая влияние посредством реализации своих полномочий по созданию нормативно-правовых основ для контрольно-счетного органа муниципального образования, представительный орган муниципального образования не может вмешиваться в его деятельность. Законом установлено, что контрольно-счетный орган осуществляет свою деятельность самостоятельно и обладает функциональной и организационной независимостью. В своей работе Г.Е. Соловьев указывает «содержанием правового статуса контрольно-счетного органа муниципального образования определено, что он — субъект конституционно-муниципального права, обладающий специальным статусом органа постоянно действующего внешнего финансового контроля на муниципальном уровне, который образуется представительным органом муниципального образования и самостоятельно осуществляет свою деятельность в соответствии с возложенными полномочиями» [5, С 176].

Помимо перечисленных вариантов по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля законодатель впервые наделил полномочиями на осуществление внешнего муниципального финансового контроля контрольно-счетные органы субъекта Российской Федерации: Федеральным законом от 27.12.2018 № 566-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ. Часть 12 статьи 3 — изложена в новой редакции: «В порядке, определяемом законами субъектов Российской Федерации, представительные органы муниципальных

образований вправе заключать соглашения с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации о передаче им полномочий по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля» [2]. На основании выше изложенного, следует вывод, что представительные органы не только внутригородских муниципальных образований городов федерального значения получили право заключать соглашения с контрольно-счетными органами субъектов о передаче им полномочий внешнего муниципального финансового контроля. Теперь это право предоставлено всем представительным органам муниципалитетов.

В целях экономии бюджета представительный орган муниципального образования сможет отдавать предпочтение в пользу контрольно-счетного органа субъекта. Перед представительными органами встает выбор между собственным контрольно-счетным органом и передаче полномочий контрольно-счетному органу субъекта. Порядок взаимодействия, права и обязанности между представительным органом и контрольно-счетным органом субъекта будут регулироваться соглашением о передаче полномочий по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля.

Возникают вопросы, в частности: какое количество муниципалитетов воспользуются данным правом, с каким количеством муниципалитетов контрольно-счетный орган субъекта готов заключить соглашения о передаче полномочий внешнего муниципального финансового контроля, как это может отразиться на взаимодействии?

Сотрудничество представительных органов муниципальных образований с контрольно-счетными органами муниципальных образований остается довольно сложной проблемой, нуждающейся в разрешении на современном этапе развития, определении основных направлений, выявлении и применении эффективных форм и методов их взаимодействия.

Таким образом, в результате исследования моделей и способов взаимодействия представительных органов муниципальных образований с контрольно-счетными органами, можно предложить представителю органу муниципального образования следующие меры по его повышению:

— в зависимости от необходимости и объема бюджетных средств выбрать модель наиболее оптимальную для осуществления внешнего муниципального финансового контроля;

— обеспечить участие представительного органа муниципального образования в планировании работы на очередной финансовый год контрольно-счетного органа;

— особое внимание уделять вопросам и объектам повышенного риска, регулярно рассматривать результаты проведенных контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, проводимых контрольно-счетным органом;

— принимать к сведениям заключения по результатам проведенной экспертизы проектов муниципальных правовых актов о бюджете и муниципальных программ;

— принимать меры воздействия в отношении объектов контроля по исполнению представлений, рекомендаций (предложений) контрольно-счетного органа по устранению выявленных нарушений и недостатков;

— производить контроль полноты и качества исполнения обязанностей, установленных действующим зако-

нодательством для контрольно-счетного органа муниципального образования;

— при наличии в муниципалитете собственного контрольно-счетного органа муниципального образования, способствовать проведению совместной работы с контрольно-счетным органом субъекта.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 N 6-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // СПС КонсультантПлюс.
3. Муниципальное право: учебник / С.Г. Соловьев, Е.Н. Бычкова. М: — , 2015 — С. 461.
4. Перов, В. И. Неурегулированные проблемы в организации и деятельности муниципальных контрольно-счетных органов и предложения по их решению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neuregulirovannye-problemy-v-organizatsii-i-deyatelnosti-munitsipalnyh-kontrolno-schetnyh-organov-i-predlozheniya-po-ih-resheniyu> (дата обращения: 05.04.2019).
5. Соловьев, Г.Е., Алексеева М.Г. Правовой статус контрольно-счетного органа муниципального образования в России: актуальные вопросы теории и практики // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2017. — № 3–4. — с. 171–177.
6. Лукьянова, А.Ю. Правовой статус контрольно-счетного органа муниципального образования и проблемы его определения // Молодой ученый. — 2017. — № 15. — с. 267–270. — URL <https://moluch.ru/archive/149/42255/>.

Проблема экономических и экологических рисков при принятии решения о прекращении тушения лесного пожара

Горина Анна Андреевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В работе анализируются практика применения п. 8.1 Правил тушения лесных пожаров, устанавливающего возможность принятия решения о нецелесообразности тушения лесного пожара и прекращения мероприятий по его тушению, и возможные экологические последствия такого решения. Предлагается разработать и установить такой механизм применения указанной нормы, при котором будут максимально учитываться экологические риски.

По данным Федерального агентства лесного хозяйства Российской Федерации, только в 2017 году ущерб от лесных пожаров составил 21,5 млрд. рублей. По официальной статистике в России ежегодно регистрируются от 10 тыс. до 35 тыс. лесных пожаров на площади от 500 тыс. га до 2,5 млн. га [7, с. 107]. Лесные пожары представляют угрозу как для экономической, так и для экологической сфер, поэтому государство вкладывает значительные средства в реализацию мер по их предупреждению и предотвращению, а законодательство в этой области постоянно совершенствуется. Однако это не исключает проблем и пробелов в правовом регулировании, которые, в частности, связаны с наруше-

нием баланса экологических и экономических интересов в пользу последних.

В 2015 г. в Правила тушения лесных пожаров [3] введено новое положение 8.1, согласно которому стало возможно прекращение и приостановка работ по тушению лесного пожара по решению Комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Основаниями для применения указанной нормы являются следующие условия:

— отсутствие угрозы населенным пунктам или объектам экономики;

— прогнозируемые затраты на тушение лесного пожара превышают прогнозируемый вред, который может быть им причинен.

Целью введения указанной нормы, вероятно, была оптимизация государственных расходов (потерь), связанных с лесными пожарами, путем сопоставления прогнозов экономических затрат на тушение лесного пожара и причиняемого им ущерба и выбора варианта с меньшими потерями. Таким образом, принятие нормы 8.1 Правил тушения лесных пожаров продиктовано экономическими интересами. Однако с порядком применения этой нормы возникают вопросы, так как нормативные акты не устанавливают единых правил подсчета экономической целесообразности принятия решения о прекращении тушения лесного пожара или методики составления прогноза ущерба от лесного пожара.

Рассмотрим, как вопрос применения п. 8.1 Правил тушения лесных пожаров на практике решается уполномоченными Комиссиями субъектов Российской Федерации.

В ряде субъектов Российской Федерации нет практики применения указанного положения. Одним из примеров является Томская область, которая является одним из регионов с высокими рисками возникновения лесных пожаров и, соответственно, с высокими экономическими затратами на мероприятия по предупреждению и предотвращению лесных пожаров. Применение нормы о допустимости прекращения тушения лесных пожаров может привести к гораздо более существенному ущербу, чем первоначально прогнозируемому, как раз из-за высокой пожарной опасности региона в целом. Томская область, как и некоторые другие регионы Западной Сибири, характеризуется заболоченностью территории и большими запасами торфа, одним из свойств которого является легкая воспламеняемость. Горение леса и лесной подстилки легко может привести к торфяному пожару, который не так просто обнаружить и полностью ликвидировать. Процесс горения может продолжаться даже зимой (под слоем снега), на глубине и с течением времени может вызывать новые очаги возгораний [5]. По указанной причине в регионах с повышенной пожароопасностью, каким является Томская область, одномоментно оценить возможные последствия и возможный ущерб от лесного пожара крайне затруднительно, вследствие чего к возможности принять решение о прекращении тушения лесного пожара необходимо подходить с большой осторожностью. Подход, при котором предотвращение экологических рисков от лесных пожаров ставятся выше, чем экономические затраты на их тушение, должен превалировать на всей территории Российской Федерации.

Тем не менее, в ряде субъектов Российской Федерации сложилась практика применения п. 8.1 Правил тушения лесных пожаров. Приведем несколько примеров.

Протоколом заседания Комиссии Правительства республики Коми по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности от 18.07.2017 г. № 7 было принято решение о нецелесо-

образности тушения лесного пожара исходя из того, что стоимость древесины на участке (и соответственно размер ущерба от пожара) составит порядка 239,6 тыс. рублей, тогда как минимальная стоимость затрат на тушение пожара составит 1449 тыс. рублей. То есть стоимость затрат превысит ущерб в 6 раз. Протокол заседания Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности республики Саха (Якутия) от 14.06.2016 г. № 59 в обоснование аналогичного решения приводит цифры 184,4 тыс. рублей и 3,4 млн. рублей соответственно ущерба от потерь древесины и прогнозируемых затрат на тушение пожара.

Из приведенных примеров следует, что в субъектах, которые применяют норму 8.1 Правил тушения лесных пожаров, на практике подсчет вреда, который может быть причинен лесным пожаром, приравнивается к стоимости древесины на участке распространения пожара. Однако экономическая ценность лесов не исчерпывается древесными ресурсами.

Согласно ст. 5 Лесного кодекса РФ, лес представляет собой не только природный ресурс, но и экологическую систему [1]. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» закрепляет, что естественная экологическая система — это объективно существующая часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (растения, животные и другие организмы) и неживые ее элементы взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией [2]. Ученые в области лесоведения также отмечают, что «лесные экосистемы всегда окружены или в них включены другие экосистемы: водные, травяные, болота, пески, скалы и др». [8]

Таким образом, лес как экологическая система помимо древесины содержит и другие ценные природные ресурсы, которые могут быть утрачены вследствие лесного пожара. На территории лесного участка может быть место обитания ценных животных или произрастания редких растений, в том числе, занесенных в Красную книгу РФ или Красную книгу субъектов РФ. В литературе отмечается, что мигрирующие вследствие лесных пожаров животные редко возвращаются к прежним местам обитания [5]. На участках распространения пожара могут быть большие участки дикорастущих плодов и ягод, которые могут быть полностью утрачены, водоемы с рыбными ресурсами, которые загрязняются и замутняются продуктами горения лесов и т. д. Все эти ресурсы также представляют экономическую ценность, имеют стоимость и должны учитываться при подсчете возможного ущерба от лесного пожара.

В связи с этим, представляется необходимым разработка и принятие ряда нормативных актов, устанавливающих объемы и стоимость различных природных ресурсов, которым наносится ущерб лесными пожарами, а также порядок определения суммарного ущерба.

Более того, при подходе к оценке прогнозируемого ущерба от лесного пожара только по стоимости древе-

сины экологические последствия лесных пожаров не учитываются вовсе. Майорова Л. П. называет целый ряд неблагоприятных последствий для компонентов природной среды [6]:

- изменяя атмосферную циркуляцию лесные пожары оказывают влияние на погоду;
- во время пожаров в атмосферу поступает большое количество химических веществ, представляющих существенный риск для здоровья населения;
- пожары вызывают существенные изменения в почвах, в частности теряется часть органического вещества, уменьшается количество почвенных животных, увеличивается опасности эрозии.
- лесные пожары способствуют заболачиванию лесных территорий, увеличивают риск наводнений;
- во время лесных пожаров в бассейнах рек наблюдаются изменения химического состава не только поверхностных, но и подземных вод, одним из последствий которого является нарушение экологического равновесия и воспроизводства рыбных ресурсов;
- лесные пожары могут вызвать изменение состава лесных биоценозов;
- происходит уничтожение травяной подстилки, что приводит к усилению водной и ветровой эрозии, выносу осадками мелкозема и органических веществ;
- как следствие лесных пожаров происходит смена хвойных лесов с высоким экологическим эффектом на производные, вторичные мелколиственные леса, экологическая роль которых ниже.

Таким образом, первоочередным для органов, осуществляющих правовое регулирование в области охраны и защиты лесов от лесных пожаров (прежде всего, Министерства природных ресурсов и экологии РФ и Федерального агентства лесного хозяйства) должен быть вопрос соотношения экономических последствий лесных пожаров с экологическими, а не сравнение только экономических показателей, как это существует в настоящее время. Необходимо провести оценку не только фактического ущерба, который можно посчитать сразу после пожара, но и последствия, которые могут проявиться в будущем, имеют кумулятивный характер или могут в дальнейшем существенно изменить экологическую обстановку на определенной территории. Одним из возможных результатов такого исследования может быть вывод, что экологические интересы должны иметь приоритет вне зависимости от возможных затрат государства на тушение лесных пожаров. В таком случае целесообразно отменить положение 8.1 Правил тушения лесных пожаров.

Литература:

1. Лесной кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: фед. закон от 04.12.2006 № 200-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Неком. Версия. М., 2018.
2. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: фед. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Неком. Версия. М., 2018.

Другим вариантом решения поставленной проблемы может быть установление такого правового регулирования вопроса применения рассматриваемой нормы, при котором прогнозируемые экологические последствия суммировались бы с экономическими и уже эта цифра подлежала бы сравнению с прогнозируемыми затратами на тушение лесного пожара. Это более сложный вариант, требующий разработки и принятия нормативного акта, который будет устанавливать объекты оценки и правила расчета экономического и экологического ущерба для каждого из них.

Методика расчета прогнозируемого вреда, который может быть причинен лесным пожаром, может быть разработана на основе Инструкции по определению ущерба, причиняемого лесными пожарами, утв. Приказом Рослесхоза от 03.04.1998 № 53. Инструкция включает в суммарный ущерб от лесного пожара [4]:

- стоимость потерь древесины на корню;
- ущерб от повреждения молодняков естественного и искусственного происхождения, ущерб от повреждения ресурсов побочного лесопользования, расходы на тушение лесных пожаров;
- стоимость сгоревших объектов и готовой продукции в лесу (снижение стоимости объектов и готовой продукции, поврежденных пожаром);
- расходы на расчистку горельников и дополнительные санитарные рубки в насаждениях, поврежденных лесными пожарами;
- ущерб от снижения почвозащитных, санитарно-гигиенических, водоохраных и других средообразующих функций леса;
- ущерб от загрязнения воздушной среды продуктами горения;
- ущерб от гибели животных и растений, включая занесенных в Красную книгу Российской Федерации;
- другие потери.

Сама Инструкция к рассматриваемой проблеме применения п. 8.1 Правил тушения лесных пожаров неприменима, так как устанавливает порядок оценки размеров ущерба, фактически причиненного лесным пожаром уже после его ликвидации.

Таким образом, на данный момент вопрос применения права на прекращение тушения лесного пожара остается открытым. Для его разрешения представляется целесообразным либо на федеральном уровне разъяснить основания применения п. 8.1 Правил тушения лесных пожаров, либо вовсе упразднить возможность принятия решения о прекращении тушения лесного пожара.

3. Приказ Минприроды России от 08.07.2014 № 313 «Об утверждении Правил тушения лесных пожаров» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.08.2014 № 33484).
4. Приказ Рослесхоза от 03.04.1998 № 53 «Об утверждении Инструкции по определению ущерба, причиняемого лесными пожарами».
5. Белькова, Т. А. Обзор эколого-экономических последствий торфяных пожаров / Белькова Т. А., Перминов В. А., Алексеев Н. А. // XXI век. Техносферная безопасность. 2016. — № 3. — с. 35–44.
6. Майорова, Л. П. Воздействие лесных пожаров на экосистемы и компоненты природной среды (на примере Хабаровского края) / Майорова Л. П., Садыков А. И., Сыч Ю. И. // Ученые заметки Тихоокеанского гос. ун-та. 2013. — № 4. — с. 1–8.
7. Материалы Аналитического управления Аппарата Совета Федерации к заседанию «круглого стола» на тему «Охрана лесов от пожаров в 2017 году: задачи, проблемы и пути их решения» // Аналитический вестник. — № 7 (664).
8. Татаринев, К. П. Лесные экосистемы / Татаринев К. П., Писарева Т. К. // Вестн. Нижегородской гос. сельскохозяйственной академии. Т. 4. — 2014. — с. 284–289.

Особенности правового регулирования отношений в сфере суррогатного материнства на примере зарубежных государств

Дзахмышева Ольга Владимировна, студент магистратуры
Московский государственный областной университет

В данной статье рассматривается проблема правового регулирования суррогатного материнства на примере зарубежных государств. Анализируются нормы законодательства зарубежных стран, регулирующие суррогатное материнство. По отношению к данному методу преодоления бесплодия, выделены группы стран с разными принципами правового регулирования в этой сфере. Также сделана попытка обобщения опыта зарубежных государств.

Ключевые слова: суррогатное материнство, суррогатная мать, зарубежное законодательство, правовое регулирование.

По мнению Е. М. Метелевой: «Суррогатное материнство с точки зрения медиков является самым прогрессивным и эффективным способом решения проблемы бесплодия. Но этот вопрос рассматривается не только в контексте медицины, но и в этическом, а также юридическом аспекте» [4; 532].

В юридическом смысле суррогатное материнство понимается как институт, который в настоящее время, благодаря достижениям современной медицины, приобретает мировую популярность. Указанный институт применяется как в законодательстве РФ, так и многих зарубежных государств. Правовой анализ действующего законодательства зарубежных государств показывает, что на сегодня проблема суррогатного материнства за рубежом является не менее актуальной, чем в РФ.

Поскольку в РФ проблема суррогатного материнства урегулирована недостаточно, поэтому необходимо изучение опыта зарубежных стран в обозначенной области и заимствование их опыта.

Совершив краткий исторический экскурс. Суррогатное материнство как явление появилось в конце прошлого века, а именно в 1976 году в США.

19 ноября 1996 года Совет Европы принял Конвенцию по правам человека в биомедицине [1]. Это первый обязательный в области здравоохранения юридический документ, содержащий основные положения о защите прав человека от явных злоупотреблений, связанных с использованием новых биологических и медицинских методов и процедур. Следует отметить, что более десяти лет назад Комитет Совета Европы по биологической этике и искусственным методам деторождения принял ряд рекомендаций относительно суррогатного материнства, которые содержат строгие ограничения, однако признают, что при некоторых обстоятельствах использование медицинских технологий для осуществления суррогатного материнства может быть допущено. Определение указанных обстоятельств отнесено к сфере национального законодательства. В таких случаях суррогатная мать не должна получать никакой материальной выгоды и сохраняет за собой право оставить ребенка себе [4; 533]

Так, в Постановлении Специального экспертного комитета Совета Европы по биологической этике и искусственным методам деторождения (Принцип 15, 1989) оговорено:

1. Ни один медработник или медицинская организация не должны применять искусственные методы деторождения для зачатия ребенка с целью вынашивания суррогатной матерью.

2. Ни один контракт или соглашение между суррогатной матерью и тем лицом или парой, для которых она вынашивает ребенка, не должны иметь законной силы.

3. Любая посредническая деятельность в пользу лиц, заинтересованных в суррогатном материнстве недопустима, а также запрещается любая связанная с этим рекламная деятельность.

4. Однако государства могут в исключительных случаях, оговоренных в национальном законодательстве, с учетом п. 2 данного Принципа разрешить медицинскому работнику или организации произвести искусственное оплодотворение суррогатной матери при условии, что: во-первых, суррогатная мать не получает материальной выгоды от данной операции; во-вторых, суррогатная мать имеет право после родов оставить ребенка себе [7].

Х.С. Татаева пишет: «Правоотношения в обозначенной области в современном мире нельзя охарактеризовать как однозначные. Если провести сравнительный анализ, то можно заключить, что в законодательстве зарубежных стран используется, как правило, более широкое по сравнению с российским законодательством обозначенная дефиниция» [8].

Авторы П.И. Брючковский., П.И. Герасименко, Д.Д. Лошагина указывают: «...Практика развитых стран показывает, что существует несколько правовых подходов относительно правового регулирования суррогатного материнства [2; 43].

Так зарубежное законодательство большинства стран применение суррогатного материнства либо запрещает, либо ограничивает. Прежде всего, это обуславливается позицией Римской католической церкви с ее несомненно консервативными взглядами на использование прогрессивных биологических технологий для репродуктивных целей.

К примеру, в статье 119 Конституции Швейцарской Конфедерации зафиксированы запреты на все виды суррогатного материнства [6; 605].

Во Франции суррогатное материнство незаконно, поскольку оно противоречит законодательству об усыновлении и нарушает положение о «неотчуждаемости человеческого тела» [4].

Далее процитируем Немецкий закон: «Преступлением считается любая попытка «осуществить искусственное оплодотворение женщины, готовой отказаться от своего ребенка после его рождения (суррогатной матери), или имплантировать ей человеческий эмбрион» [6, 605]. И ответственность в соответствии с ним несет врач, а не предполагаемые родители или суррогатная мать [3].

На сегодняшний день самым прогрессивным государством в отношении использования данного метода при лечении бесплодия являются США. Однако в данном государстве отсутствует единая законодательная база в сфере

суррогатного материнства, так как каждый штат может самостоятельно принимать законы в обозначенной области по своему усмотрению. Так, в штате Арканзас использование метода суррогатного материнства является весьма популярным. В этом штате законом предусмотрено, что контракт об оказании услуг суррогатной матери является обязательным, к исполнению. Основной проблемой в США, в этом вопросе, остается проблема отказа суррогатной матери от передачи ребенка генетическим родителям.

В некоторых зарубежных государствах запрещено только коммерческое суррогатное материнство. Примером может служить Испания, Нидерланды, Греция, Норвегия». Канада, Великобритания, Австралия, США, Дания, Норвегия, Швеция также в большинстве случаев не запрещают данного института, но и не легализуют его, оставляя сторонам самим решать этот вопрос.

Согласно законодательству вышеперечисленных государств коммерческое соглашение есть не что иное, как вынашивание ребенка для других родителей с целью извлечения прибыли, но в данном случае сюда не включается возмещение расходов, связанных с обозначенным процессом. При этом все суммы, указанные в договоре, могут быть установлены только по соглашению сторон [5].

Далее обратимся к английскому законодательству, которое придерживается следующей позиции: юридические и финансовые обязательства в этом случае возлагаются на заменяющую ему мать.

Существует и совершенно противоположное мнение о дополнительных технологиях репродукции человека, в частности, об искусственном оплодотворении. К примеру, в Казахстане, Грузии, Украине, Финляндии, ЮАР, Польше, США (кроме штатов Мичиган, Аризона и Нью-Джерси) демографическая политика указанных государств допускает возможность заключения договоров, предусматривающих вознаграждение суррогатной матери за вынашивание и рождение ребенка для третьих лиц. Своеобразную программу по суррогатному материнству в свое время реализовали в украинском городе Харькове, где женщина выносила ребенка для собственной дочки, последняя не могла этого сделать в силу отсутствия матки. Это был уникальный случай в мировой практике, когда бабушка родила свою внучку.

В Финляндии еще в 1975 году был принят Закон, в соответствии с которым факт материнства устанавливается на основании принципа биологического родства. Суррогатное материнство за границей остается дискуссионным вопросом, который связан с рядом нюансов. Так, многие ограничения и запреты, касающиеся суррогатного материнства, предусмотрены в Израиле, Нидерландах, Австралии, Великобритании, Канаде, Дании, Испании. К примеру, в Израиле решать проблему бесплодия предпочитают именно путем использования дополнительных репродуктивных технологий. В 1996 году Кнессет принял закон, который регламентирует взаимоотношения между сторонами суррогатного материнства и определяет ме-

ханизм его применения [4]. Этим данный метод репродукции человека отличается от прочих способов искусственного оплодотворения, которые регулируются Минздравом Израиля. В данном государстве суррогатное материнство доступно исключительно гетеросексуальным супружеским парам и только при условии отсутствия родства женщины с ребенком и его генетическими родителями. Кроме того, суррогатная мать должна принадлежать к той же религии. Получить право на операцию оплодотворения возможно лишь через прохождения специальной процедуры исключительно в специализированном комитете, в состав которого входят соработники, врачи и религиозные деятели.

В таких странах, как Дания и Венгрия, выносить ребенка для третьих лиц разрешается только их родственнице. Что касается Нидерландов, то здесь запрещается реклама такого метода репродукции человека и предоставление услуг суррогатных матерей на коммерческих условиях. А в Великобритании допускается оплата исключительно текущих расходов на медицинские услуги, но без гонорара.

Суррогатное материнство в Индии также активно практикуется. Однако гражданам стран, где оно под запретом,

эти услуги, как правило, не предоставляются — во избежание конфликтных ситуаций в родном государстве этих людей, где следует объяснять происхождение и гражданство новорожденного [4].

Таким образом, можно заключить, что отношение к суррогатному материнству в юридическом контексте в зарубежных государствах абсолютно разное. В зарубежных странах отсутствуют единый понятийный аппарат данного явления. К тому же в зарубежных государствах, в которых суррогатное материнство не запрещено, обязательным условием, как правило, является заключение договора. Проблемным полем является в большинстве государств отсутствие обязательных законодательных требований, предъявляемых к существенным условиям договора о суррогатном материнстве. Правовое регулирование в данной области должно предусматривать нормы гражданского права, также нормы семейного права с использованием аналогии закона и аналогии права. В процессе реализации программы суррогатного материнства возможно появление разных вопросов, которые могут заранее быть учтены договором, поэтому ему должно быть уделено большее внимание законодателя, чем имеющееся в данное время.

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS N 164 (Принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.) // СПС «Консультант Плюс»
2. Брючковский, П. И., Герасименко П. И., Лошагина Д. Д. Актуальные аспекты суррогатного материнства // Актуальные вопросы медицины и права. Сборник статей, г. Пенза, 2016, с. 42–50.
3. Малиновская, Е. Г. Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в мировой практике. Суррогатное материнство как один из методов ВРТ // «Законы России: опыт, анализ, практика», № 6 июнь, 2007 г.
4. Метелева, Е. Н. Реализация суррогатного материнства за рубежом // Аллея науки, 2018, Т. 4 № 3 (19), с. 532–538.
5. Мосиенко, Т. А., Лысогорская К. И., Федоренко О. С., Щекина Е. Н. Сравнительный анализ института суррогатного материнства в российском и зарубежном законодательстве // Вестник РГЭУ РИНХ, 2016, № 4 (56), с. 142–148.
6. Потапова, И. С. Правовое регулирование суррогатного материнства: российский и зарубежный опыт // Научная дискуссия современной молодежи: экономика и право. Сборник трудов, г. Пенза, 2016. с. 604–606.
7. Романовский, Г. Б. Гражданин и право, № 10, октябрь 2010 г. // СПС Гарант.
8. Татаева, Х. С. Суррогатное материнство как юридическая проблема // Международный студенческий научный вестник, 2016, № 6.

Понятие и роль гарантии как средства обеспечения исполнения обязательств в международном праве

Калинина Инна Анатольевна, студент
Ростовский филиал Российской таможенной академии

В статье рассматриваются сущность, роль и значение гарантии в обеспечении обязательств в международных правоотношениях. Отмечены особенности гарантии как средства обеспечения обязательств в системе международного права, основные различия между гарантией и международным контролем, варианты толкования термина «гарантия».

Ключевые слова: договор, гарантия, международное право, обязательства по международным договорам.

The Concept and Role of Assurance as a Means of Ensuring Performance of Obligations in International Law

Kalinina Inna
Rostov Branch of Russian Customs Academy

The article deals with the essence, role and importance of guarantees in securing obligations in international legal relations. The features of the guarantee as a means of ensuring obligations in the system of international law are noted. The main differences between guarantee and international control are highlighted.

Keywords: Treaty, guarantee, international law, obligations under international.

Глобализация, интенсивное развитие международных отношений оказывают существенное влияние на правовые отношения между субъектами международного права. Поскольку наука и научные исследования также находятся в постоянном развитии, существенным является вопрос международного сотрудничества в различных областях науки, технологий и торговли между странами и выполнения обязательств в рамках этого сотрудничества. В результате государства разрабатывают законодательство, принимают и ратифицируют различные международные правовые акты, в том числе, и по гарантиям обеспечения взятых на себя обязательств.

По мнению некоторых ученых, гарантийные меры являются наиболее эффективными из часто используемых средств и мер по обеспечению обязательств [2]. Поэтому целью статьи мы определяем рассмотрение международных гарантий как отдельного вида средств обеспечения международных договоров в международно-правовых отношениях.

Но нет унифицированной нормы международного права, которая определяла бы международную гарантию. В то же время среди ученых преобладает следующая точка зрения: международные гарантии и международный контроль тождественны между собой как средства обеспечения выполнения международных договорных обязательств [1]. Но замещение терминов, вероятно, связано с этимологической близостью понятий «безопасность» и «гарантия». Исполнение обязательств по международным договорам, с точки зрения юридической, может осущест-

вляться различными способами, включая международные гарантии и международный контроль, которые являются относительно независимыми явлениями институционального характера.

Средства обеспечения международных договоров используются для защиты норм международного права: как для предотвращения, нарушения договора, так и для укрепления действующих правил. Основой для создания международных средств правовой защиты является международный договор заинтересованных сторон, он создает дополнительные условия для выполнения взятых обязательств и усиливает факторы их ненарушения.

Международно-правовые гарантии обеспечения международных договоров отличаются от гарантий обеспечения договоров, заключенных в соответствии с гражданским законодательством отдельных государств. Как отмечает О.И. Тиунов, «в международном праве гарантии являются неотъемлемой частью международных правовых отношений, в которые входят субъекты международного, но не национального права государств [4]. Значимое различие гарантий в их объектах, источниках, содержании, эти различия проявляются не только в сравнении гарантий в международном и национальном законодательстве, но и в сравнении в международном публичном и международном частном праве.

В юридической литературе много точек зрения на отдельные сущностные черты международно-правовых гарантий. Одни исследователи гарантийные договоры считают абсолютно политическими актами: они устанавли-

ливают политическое обязательство, которое не имеет защиты с помощью санкций и, следовательно, не имеет юридической силы [3]. Но такой вывод можно считать спорным, поскольку обязанность гарантов состоит в том, чтобы предотвратить нарушение гарантированного обязательства и применить принудительные меры против тех, кто их нарушает. Таким образом, гарантийное обязательство при регулировании политических вопросов носит юридический характер. Но у обеспечения международных обязательств должна быть реальная основа.

Существует несколько смысловых характеристик термина «гарантия» в международной практике.

Во-первых, семантическое, основное значение термина «гарантия» придает ему компонент, определяющий не общую, а особую (опосредованную специальным соглашением) цель международной гарантии.

Во-вторых, этот термин в своем основном значении относится к обязательству государства обеспечить определенное положение вещей или поддержать устоявшееся положение международно-правового характера. Такой взгляд на гарантии присущ двум группам гарантийных отношений.

Первая группа — это гарантии неприкосновенности и целостности государства. В качестве объекта данной гарантии является независимость, неприкосновенность, границы государства. В некоторых случаях, когда гарантия государства дается устно или в письменной форме, это намерение гаранта адекватно отражает суть такого рода гарантии. Все эти случаи характеризуются гарантией суверенитета государства, а точнее его существования как такового, что обеспечивает реальную возможность его независимой внешней и внутренней политики. Например, советско-иранский Договор о гарантии и нейтралитете от 01.10.1927 г. предусматривает обязанность для каждой из сторон воздерживаться от направленных против друг друга действий. Хотя договор двусторонний, гарантии его простираются гораздо шире, соответственно, его положения должны учитывать и третьи государства. Такие гарантии юридически осуществимы, если они соответствуют требованиям общих принципов международного права. Как и международно-правовые гарантии, они предоставляются в случае совершения третьей стороной противоправного действия против государства, которому предоставляется гарантия. Очевидно, что государство-гарант обязуется бороться с такими действиями третьего государства, и обязуется их вообще не совершать [2].

Следовательно, гарантии содержат два типа обязательств: обязательство гаранта воздерживаться от любых действий, противоречащих смыслу гарантий, например, от нападения на государство, чья неприкосновенность гарантирована, обязательство противоречить третьим государствам, которые нарушают обязательства гарантии.

Во второй группе международных гарантий находятся международные договорные обязательства государств, гарантирующие принятие мер по заключению международ-

ного соглашения. В таком ракурсе понятие «гарантия» идентично особому обязательству. Как пример заключения международного соглашения по обеспечению гарантий, предусмотренных ранее принятым договором, выступает Мирный договор 1947 г. Австрии с Италией. Согласно указанному договору, Италия должна была заключить или подтвердить соглашения с Австрией (посредством заключения договора) для гарантии обеспечения беспрепятственного пассажирского и грузового транспортного сообщения между Северным и Восточным Тиролям.

В рамочных соглашениях (о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи) участники обязуются прямо или косвенно, путем разработки и реализации конкретных соглашений о сотрудничестве уточнять, что признаки особых международных гарантий в них присутствуют.

Н. В. Витрук отмечает, что термин «гарантия» подразумевает меры, обеспечивающие постоянное соблюдение определенного правила, нормы или неприкосновенность любого положения [1]. Эти случаи характеризуются отсутствием конкретного гарантийного соглашения, но сочетание мер (возможно, в договорной форме) само по себе дает определенный результат (цель договора). Этот набор предварительных мер по существу является гарантией. Например, Декларация о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств-участников Содружества Независимых Государств от 15.04.1994 г., не является специальным договором о гарантии. Термин «гарантия» в документе синонимичен выражению «государства обеспечивают выполнение в своих взаимоотношениях принципов суверенитета, территориальной целостности и нерушимости государственных границ».

Гарантия — это обязательство обеспечить, защитить и поддерживать определенный порядок вещей. Это укрепляет согласие государств, укрепляет их договорные обязательства. Роль гарантии варьируется в зависимости от формы, в которой она проявляется. Но гарантия — это дополнительное обязательство, мера, которая позволяет одному или нескольким государствам обеспечить эффективность основного договора, в соответствии с которой государства приобретают права и берут на себя обязательства, подпадающие под действие гарантии. Соответственно, с расторжением основного договора также будут отменены гарантийные обязательства. Эти обязательства не могут быть подразумеваемы, они должны быть закреплены в международном договоре, поскольку они попадают в категорию обязательств, на основании которых вводятся санкции.

Таким образом, международно-правовые гарантии — это особый юридический режим, в сфере деятельности которого государства-гаранты берут на себя обязательства и ответственность на основе международно-правового договора для обеспечения действий конкретного государства или воздержания от действий конкретного государства, принимая (индивидуально, взаимно или коллективно) ре-

альные меры по защите прав и обязанностей государства, оговоренных документом, с целью установленного правила поведения или правового статуса конкретного государства, с учетом принципов уважения суверенитета и га-

рантий невмешательства во внутренние дела. В качестве юридического объекта международных гарантий должно выступать выполнение обязательств по международному договору.

Литература:

1. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности. М.: Право, 2017. 275 с.
2. Ибрагимов, А. М. Еще раз о международно-правовой системе гарантий // Международное публичное и частное право. 2016. № 1. с. 3–11.
3. Талалаев, А. Н. Право международных договоров: действие и применение договоров. М.: Международные отношения, 2016. 293 с.
4. Тиунов, О. И. Международно-правовые гарантии как средство обеспечения международных договоров // Журнал российского права. 2011. № 4. с. 87.

Смертная казнь: результаты многовекового существования

Касымова Екатерина Георгиевна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Окончательная отмена смертной казни — процесс длительный и достаточно сложный, особенно, если учитывать длительность существования и частоту применения данного вида наказания в различные исторические периоды развития нашей страны. Важным фактором, способствующим укреплению роли смертной казни в России, стала поддержка данного вида наказания церковью, которая на протяжении нескольких столетий являлась значимым субъектом в управлении государством и принятии важнейших внутривластных решений.

В Средневековье смертная казнь приобрела особый статус — не только наказания, но и священного публичного ритуала. Лишение преступника жизни позиционировалось как уничтожение зла, идущего от Дьявола как существа противоположного Богу. На казни приходило огромное количество народа. Они ликовали, считая, что в контексте каждой казни происходит торжество добра над злом, и восхваляли палача, который, по их мнению, был посредником в свершении божественного правосудия.

Во многих странах к 18 веку религия в силу развития научного знания и технического прогресса отошла на второй план. На смену ей пришла новая философия — гуманизм, основанная на этической составляющей религии, но не нуждающаяся в санкционировании кем-то свыше. В России же религия намного дольше занимала очень высокое положение, а идеи гуманизма внедрялись выборочно, далеко не всеми правителями были приняты и, как правило, не доходили до простых граждан. Думается, что во многом эти факты поспособствовали сохранению и передаче мнения о смертной казни российским гражданам как о необходимой мере через века. Тем не менее, с 17 века смертная казнь в России стала применяться значительно реже и только за тяжкие преступления.

Настоящую популярность смертная казнь приобрела в советский период, когда из-за массовых убийств и расширения перечня преступлений, за которые применялась смертная казнь, в сознании граждан обесценилась жизнь.

Российская Федерация же как правопреемница СССР и РСФСР, приняв в 1993 году новую Конституцию, сохранила возможность применения смертной казни вплоть до ее отмены в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. [1] Важно заметить, что это положение находится в главе 2, изменения в которую можно внести только посредством разработки новой Конституции и принятием ее на всенародном голосовании, причем проголосовавших «за» должно быть более половины. В 1996 году в связи с вступлением РФ в Совет Европы, президент Б. Ельцин издал указ о поэтапном сокращении применения смертной казни на территории страны. В 1999 году Конституционный суд РФ наложил мораторий на смертную казнь до фактического обеспечения права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, а в 2010 году, когда данный механизм был создан, Конституционный суд заявил, что обеспечение этого условия не открывает возможность применения смертной казни. [2] Таким образом, он продлил существование моратория. Несмотря на эти факты, споры вокруг смертной казни продолжают существовать как в научных, так и в общественных кругах.

А. И. Фет — известный советский ученый, в том числе философ, еще в 1994 году говорил, что смертная казнь продолжает существовать, потому что у нее много сторонников, а политические деятели не затрагивают ее, боясь потерять народную поддержку. [3] В связи с этим, пред-

ставляется необходимым осуществить динамическое сравнение опросов общественного мнения разных лет по поводу применения, отмены, сохранения моратория на смертную казнь.

Согласно независимому опросу, проведенному на территории РФ в 2001 году, 61 % респондентов выступали за отмену моратория и фактическое применения смертной казни, 11 % — за сохранение моратория, 28 % — за отмену смертной казни. [4] Опрос 2012 года свидетельствует о том, что 62 % опрошенных граждан — за применение смертной казни, 21 % — за сохранение моратория, всего 5 % — за отмену смертной казни. Последний опрос, проведенный в 2017 году, показал следующие результаты: за отмену моратория — 44 %, за сохранение текущего положения — 25 %, за полную отмену смертной казни высказались 16 % из всех опрошенных. [5] Из представленных данных можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на заметную динамику последних лет в вопросе применения смертной казни, большинство граждан до сих пор выступают именно за отмену моратория и фактическое применение этого вида наказания. Думается, что это связано со многими факторами, в том числе и с многовековым существованием смертной казни, а также с тем, что до сих пор многие считают это наказание самым эффективным и полагают, что оно влияет на предупреждение преступности, объясняя это высказыванием «чтоб другим неповадно было».

2. Увеличилось число граждан, считающих оптимальной мерой на данный период времени сохранение моратория на смертную казнь.

3. Несущественно, но очень важно, как в 2017 году по сравнению с 2012 увеличилось число сторонников отмены смертной казни в России, что, несомненно, является прогрессивной точкой зрения и опорой для последующего принятия решения по данному вопросу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) / СЗ РФ. 04.08.2014. N 31. ст. 4398.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 N 1344-О-Р «О разьяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»//СЗ РФ. 30.11.2009. № 48. ст. 5867.
3. Фет, А.И. Психология сторонников смертной казни [Электронный ресурс]//«Современные проблемы» Библиотека им. Елены Евдокимовой. 2003 г. URL: <http://modernproblems.org/ru/philosofy/135-execution.html> (дата обращения 17.11.2018).
4. Смертная казнь: за и против. [Электронный ресурс]/База данных ФОМ. 2001. [Электронный ресурс]. — URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pow_free/dd012426 (дата обращения 17.11.2018).
5. Пресс-выпуск Смертная казнь. [Электронный ресурс]// «Левада — центр» — аналитический центр Юрия Левады [Электронный ресурс]: Опрос опубликован 8.02.2017. — URL: <https://www.levada.ru/2017/02/08/smertnaya-kazn/> (дата обращения 17.04.2019).

Смертная казнь как уголовное наказание, несмотря на столь длительное существование, давно доказала свою неэффективность. Даже самые ярые сторонники смертной казни постепенно переходят на противоположную сторону. В любом случае, отмена смертной казни в России необходима и неизбежна. Об этом помимо прочего свидетельствует позиция Конституционного суда РФ (выраженная в вышеназванном постановлении), которая гласит, что «за время существования моратория на применение смертной казни сформировались гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим во взаимосвязи с международно-правовыми тенденциями и обязательствами, вследствие чего происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни», т. е. на реализацию цели, закрепленной в ч. 2 ст. 20 Конституции РФ. [6]

В 2015 году позицию Конституционного суда поддержало и Министерство юстиции, дав ответ на предложение введения смертной казни по преступлениям террористической направленности: «Возвращение в российское уголовное законодательство высшей меры наказания в виде смертной казни, в том числе, по отношению к террористам, невозможно — постановление Конституционного суда РФ по этому вопросу окончательное». [7]

Таким образом, уголовная политики Российской Федерации следует конституционному направлению отмены смертной казни. Необходимо способствовать повышению уровня правосознания граждан в целом и по конкретному вопросу в дальнейшем, чтобы иметь возможность получить народную поддержку в продвижении окончательной отмены этого вида наказания как неэффективного, вопиющего явления для современного гражданского общества и правового государства, а также в разработке, совершенствовании и применении других мер и методов борьбы с преступностью и ее предупреждения на территории нашего государства.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 N 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда»//СЗ РФ. 03.05.2010. N 18. ст. 2276.
7. Минюст исключил возможность отмены моратория на смертную казнь в России [Электронный ресурс]/Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]: [сайт]. — URL: <http://minjust.ru/ru/press/news/minyust-isklyuchil-vozmozhnost-otmeny-moratoriya-na-smertnuyu-kazn-v-rossii> (дата обращения 17.11.2018).

Проблемы предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной службе

Козельчук Елена Александровна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Ключевые слова: конфликт интересов, коррупция, государственный служащий, государственная служба.

Проблема урегулирования конфликта интересов в государственном управлении недостаточно изучена. В том числе интерес данной статьи составляет состояние факторов развития конфликта интересов и коррупции, взаимосвязи конфликта интересов и коррупции. Деформации ценностных ориентаций государственных и муниципальных служащих как проявление незрелости их нравственной культуры, неосознание или игнорирование социального назначения своей профессиональной деятельности обнаруживают себя в ситуациях выбора между справедливостью и несправедливостью, законопослушностью и незаконностью, ответственностью и безответственностью, личным и общественным интересом. Особенно это проявляется в случае, когда такой выбор осуществляется в условиях несовершенной правовой базы и широкого поля личного усмотрения, а личный интерес вытесняет чувство долга и подталкивает к отступлению от требований должной морали.

Конфликт интересов на государственной службе — тот пробный камень, где проверяются на прочность нравственные устои личности, степень ее зрелости; та грань, за которой наступает или может наступить коррупционное действие.

Данная тема актуальна, так как урегулирование конфликта интересов на государственной службе является важным антикоррупционным инструментом.

Определения конфликта интересов даны в двух Федеральных законах: в ст. 19 Федерального закона от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1, с. 5] и в ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2, с. 4]. Несмотря на различия в определениях, суть сводится к возникновению или возможности возникновения конфликта интересов в случае получения доходов государственным служащим или членом его семьи

в результате выполнения служебных обязанностей государственным служащим [5, с. 3]. Однако конфликт интересов не всегда сводится только в материальной составляющей. Необходимо учитывать, что государственный служащий способен оказывать услуги нематериального характера, и, зачастую, это выявить намного проблематичнее. Например, если государственный служащий имеет определенные полномочия, то он может помочь своим родственникам, друзьям, близким знакомым получить место в детском саду вне очереди, при этом необязательно получит за это денежные средства или другие материальные блага. Чиновниками руководит желание помочь родственнику или другу из-за сложившихся близких отношений, а не из-за материальной выгоды. Такое деяние практически невозможно раскрыть и обнаружить, так как прямой и косвенной заинтересованности у государственного служащего нет [6, с. 78].

Также невозможность составления перечня случаев, в которых может произойти конфликт интересов, расширение условий, сформулированных в определении конфликта интересов, приводят к трудностям, противоречиям в работе комиссий по урегулированию конфликта интересов и сложности доказывания позиций при дальнейшем рассмотрении спора в суде.

В том числе одной из самых проблематичных ситуаций конфликта интересов является «получение подарков и услуг». Возможно, это объясняется противоречием между статьей 575 Гражданского Кодекса РФ и пунктом 6 статьи 17 Федерального Закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Несомненно, к проблемам по урегулированию конфликта интересов относится рекомендательный характер сообщений о возникновении ситуации конфликта интересов. Безусловно, в законодательстве прописано, что го-

сударственные служащие обязаны незамедлительно сообщать о возникновении конфликта интересов, однако, государственный служащий может и не сделать этого, исходя из заботы о своем спокойствии. Он может принять решение, которое соответствует всем принципам и нормам, правилам принятия решения в ситуации, когда возможно возникновение конфликта интересов, понимая, что сообщение о возникновении конфликта интересов приведет к затягиванию решения конкретного вопроса, разбирательству [3, с. 80].

Таким образом, тема проблематики ситуаций конфликта интересов в государственном управлении является актуальной и острой. Некоторыми решениями данных проблем могут послужить следующие предложения:

Литература:

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный Закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ [Текст] // Российская газета. — 2004. — 31 июля.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ [Текст] // Российская газета. — 2008. — 30 декабря.
3. Дедов, Д. И. Конфликт интересов [Электронный ресурс] / Д. И. Дедов М.: Волтерс Клувер, 2004. — 272 с.
4. Корякин, В. М. Коррупция в вооруженных силах: теория и практика противодействия [Электронный ресурс] / В. М. Корякин М.: За права военнослужащих, 2009. — 333 с. \
5. Костюк, О. Н. О соотношении понятий «конфликт интересов» и «коррупция» на государственной службе Российской Федерации [Электронный ресурс] / О. Н. Костюк // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — 2012. — с. 25–31.
6. Магомедов, К. О. Конфликт интересов в системе государственной гражданской службы: социологический аспект исследования проблемы [Электронный ресурс] / К. О. Магомедов // Государственная служба. — 2006. с. 36–43.
7. Руководство ОЭСР по разрешению конфликтов интересов на государственной службе: Лоббист № 5 — Институт муниципального управления, 2015. — 11 с. — с. 1–11.

Защитник как субъект доказывания в уголовном процессе

Косенко Ирина Валерьевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В нашем обществе постоянно присутствует возможность неправомерного поведения определённых субъектов, нарушения правовых норм. В противовес этим нарушениям существует такой вид деятельности, как правовая защита.

Защищать кого-либо, как это обозначено в толковом словаре русского языка В. И. Даля, означает «оберегать, охранять, отстаивать заступаться, не давать в обиду». Уголовное судопроизводство России под защитой подразумевает те же самые признаки, но одновременно связывает их с таким понятием как «право».

Правовая защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод является одним из назначений уголовного судопроизводства.

1. Необходимо урегулировать различные коллизии в законодательстве, а именно противоречие ст. 575 Гражданского Кодекса РФ и Федерального Закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» о подарках.

2. Расширение списка близких родственников (помимо супругов и несовершеннолетних детей указывать родителей, родных братьев, сестер, внуков) государственного служащего, доходы которых он указывает в декларации о доходах, расходах об имуществе и обязательствах имущественного характера.

3. Усиление ответственности за несоблюдение законодательства, регулирующего отношения в сфере конфликта интересов на государственной службе.

В настоящее время защита прав и свобод, а также получение квалифицированной юридической помощи каждому, кто подвергся уголовному преследованию, признается и гарантируется Конституцией Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами Российской Федерации в качестве одного из основных прав человека и гражданина.

Право на защиту приобрело не просто формы цивилизованного очертания. Российское законодательство стало более требовательно подходить к форме и содержанию обеспечения этого права.

Право на защиту в Российской Федерации осуществляется посредством «защитника». Одним из основных

направлений реформирования российского уголовного процессуального законодательства является предоставление личности, вовлеченной в орбиту уголовного процесса, реальных гарантий защиты ее прав и законных интересов от возможных нарушений их со стороны органов уголовного преследования. Очевидно, что в отношениях между лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и этим органом существуют определенные противоречия, известный конфликт интересов. Со стороны обвиняемого, подозреваемого «на острие» такой борьбы в рамках закона чаще всего выступает защитник — адвокат. Проблемы обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, совершенствование деятельности органов дознания, прокуратуры, суда и адвокатуры являются актуальными. Нельзя бороться с преступностью, не уделяя должного внимания правам личности, и, в частности, праву обвиняемого (подозреваемого) на квалифицированную юридическую помощь защитника, наделенного определенными процессуальными полномочиями. Так, значительному реформированию подверглись нормы уголовно-процессуального кодекса от 18.12.2001 № 174-ФЗ [1], касающиеся деятельности защитника в уголовном деле.

Новая концепция уголовного судопроизводства существенно модернизировала статус субъектов, оказывающих квалифицированную юридическую помощь. Адвокат эволюционировал в профессионального представителя стороны защиты, наделенного для осуществления своей процессуальной функции значительным объемом полномочий. Однако, не все полномочия, которые продекларированы законодателем, могут быть реализованы в том виде, в котором они указаны. Наиболее очевидной и не менее противоречивой новеллой является право защитника собирать доказательства.

Ч. 3 ст. 86 УПК РФ определяет способ собирания доказательств — это:

- 1) получения предметов, документов и иных сведений;
- 2) опроса лиц с их согласия;
- 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

При анализе нормы, регламентирующей компетенцию защитника по собиранию доказательств, сначала может показаться, что защитник наделен огромным комплексом полномочий для осуществления эффективного сбора доказательств. Другими словами, УПК РФ называет защитника субъектом. Но так ли это? На практике возникает немало вопросов в части использования защитником рассматриваемых прав.

Определенные противоречия вызывает проблема, связанная с получением документов, предметов, другой информации. Проблема в первую очередь состоит в том, что УПК РФ не описывает ни характер этих документов, предметов, информации, ни возможные способы их полу-

чения и фиксации. Этот порядок регламентирован только для органов, призванных осуществлять уголовное преследование. В этой связи, отсутствие четко регламентированного порядка служит основой многочисленных противоречий по поводу отнесения подобной информации к материалам уголовного дела.

Следующей немаловажной проблемой, касающейся собирания доказательств защитником, следует признать «опрос лиц с их согласия». В связи с тем, что УПК РФ не расширяет термин «опрос», в том числе не устанавливает основания, процедуру его проведения, методы фиксации информации, нередко приравнивание данных сведений к доказательствам по уголовному делу является затруднительным, препятствуя реализации права адвоката на предоставление доказательств, а также нарушает принцип состязательности уголовного процесса.

В связи с этим данный вопрос стал темой многих теоретических работ ученых — процессуалистов.

Как указывает С.М. Дадонов: «Право защитника самостоятельно собирать «свои» доказательства есть самое важное проявления состязательности процесса» [2]. Тем самым, данный автор признает защитника в качестве субъекта доказывания. По нашему мнению, данный вывод является поспешным поскольку объявить право и гарантировать его реализацию — вещи разные.

Противоположное мнение на этот счет высказывает С.А. Шейфер: «Доказательственную деятельность защитника нельзя трактовать как собирание доказательств, и прежде всего, потому, что в ней отсутствуют определяющий признак этого элемента доказывания — преобразования полученной информации и придание ей надлежащей процессуальной формы, т. е. формирование доказательств» [3].

Обратимся к нормам УПК РФ. Так, в соответствии со ст. 87 защитник не назван в качестве управомоченного лица по проверке доказательств. Так же, ст. 88 УПК РФ не называет защитника доказательств числе лиц, которые могут осуществлять деятельность по оценке. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ также не названы ни «опросы лиц», ни «предметы и документы», которые были собраны защитником.

Согласимся с точкой зрения А.В. Кудрявцевой и В.С. Попова, что следует различать субъектов и участников процесса доказывания. Так, по их мнению, «к субъектам доказывания следует относить лиц на которых лежит обязанность собирания, проверки и оценки доказательств, для принятия властных решений, а защитника следует отнести к группе участников процесса доказывания, имеющих право представлять доказательства и заявлять ходатайства» [4].

Проведя анализ точек зрения ученых, а также норм процессуального права, мы пришли к выводу о том, что защитник, в процессуальном смысле, не является субъектом собирания доказательств, поскольку в законодательстве отсутствует необходимый для этого механизм. Тем самым, он может лишь оказывать некое воздействие на формируемую стороной обвинения систему доказательств. Таким

образом, не является верным называть защитника субъектом доказывания.

Проблема осуществления полномочий по собиранию и представлению доказательств защитником является важным элементом более глобальной проблемы, которая касается принципа состязательности сторон в уго-

ловном процессе, наиболее сложно разрешаемой на этапе предварительного расследования. Попытки законодателя укрепить основы принципа состязательности сторон в процессе предварительного следствия посредством предоставления адвокату возможности более широко участвовать в доказывании не достигло ожидаемых результатов.

Литература:

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 200.
2. Дадонов, С. М. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция, 2012. № 8. с. 52.
3. Шейфер, С. А. Формирование доказательств по уголовному делу — реальность доказательственной деятельности или «научная фантазия»? // Российская юстиция. 2013. № 4. с. 47.
4. Кудрявцева, П. А., Попов В. С. Участие адвоката — защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования и в судебном разбирательстве. М.: Полиграф — Мастер. 2013. с. 42.

Соотношение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий

Ламекин Вадим Сергеевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Исследуются проблемные вопросы, возникающие при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе предварительного расследования. Предложено расширить перечень следственных действий, что приведёт к улучшению процессуального контроля за ходом и результатами оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: уголовное дело, следователь, доказательство, предварительное расследование, следственное действие, оперативно-розыскное мероприятие.

Уголовное судопроизводство — регламентируемая законом уголовно-процессуальная деятельность государственных органов и должностных лиц, которая направлена на раскрытие и расследование преступления, а также на рассмотрение дела в суде. Также под уголовным судопроизводством понимают систему правоотношений, которые возникают между уполномоченными субъектами и другими субъектами во время производства по уголовному делу.

Уголовное судопроизводство включает в себя ряд этапов: 1) обнаружение признаков преступления; 2) возбуждение уголовного дела; 3) производство предварительного расследования; 4) рассмотрение дела в суде. Основной целью уголовного судопроизводства является привлечение виновного в совершении преступления к уголовной ответственности и понесение им справедливого наказания, а также, в случае если лицо непричастно к совершению преступления, ограждение его от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Одним из важнейших этапов уголовного судопроизводства является предварительное расследование. Содержание данного этапа заключается в собирании доказательств, доказывании и формировании, на основе полученных доказательств итогового процессуального ре-

шения на данном этапе — постановления о направлении дела прокурору или постановления о прекращении уголовного дела. В свою очередь основным способом собирания доказательств является производство следственных действий, это же утверждает ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

В свою очередь, оперативно-розыскная деятельность представляет собой как гласную, так и негласную деятельность уполномоченных на то Федеральным законом № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» органов, которая заключается в проведении оперативно-розыскных мероприятий. Главной целью данных мероприятий является защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Использование оперативно-розыскной информации в ходе расследования уголовных дел связано с вопросом о формах и пределах ознакомления следователя с оперативными материалами [5, с. 15].

Согласно ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» Задачами оперативно-розыскной деятельности являются:

1. выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление

лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2. осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;

3. добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

4. установление имущества, подлежащего конфискации [1].

Исходя из вышеуказанных задач, можно сделать вывод о том, что оперативно-розыскная деятельность отличную от следственных действий правовую природу. Оперативно-розыскные мероприятия направлены на получение информации, которая позволит в дальнейшем решать задачи по расследованию преступления. Данная информация не может использоваться в доказывании по уголовному делу, однако в дальнейшем она может быть преобразована в доказательства, как раз таки путём проведения следственных действий. Для таких сведений п. 20 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд предполагается ряд требований:

Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе [2].

Ряд оперативно-розыскных мероприятий, как и следственные действия, могут быть произведены только при наличии санкции суда. Однако, наличие такой санкции не отменяет требования по проверке результатов оперативно-розыскной деятельности [3].

В конечном итоге, если оперативно-розыскное мероприятие было произведено надлежащим образом, то его результат будет приобщён к уголовному делу, в целях решения вопроса о доказанности обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ [4].

Основываясь на вышесказанном, следует вывод о том, что оперативно-розыскная деятельность носит вспомогательный характер для предварительного расследования. А так как следственные действия являются основой деятельности на данном этапе, то оперативно-розыскные мероприятия являются вспомогательными и для следственных действий.

Теоретики и практики в сфере уголовного судопроизводства, рассматривают соотношение следственных действий и оперативно-розыскной деятельности в двух вариантах.

Первый вариант — оперативно-розыскная деятельность, представляет собой самостоятельную деятельность, но при этом вспомогательную для уголовного судопроизводства. В данном случае оперативно-розыскная деятельность может заключаться в отыскании информации о совершенном преступлении. Такая информация впоследствии используется следователями или дознавателями при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Второй вариант — это производство оперативно-розыскных мероприятий по заданию следователя или дознавателя. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь имеет право инициировать оперативно-розыскные мероприятия для получения информации, которую впоследствии можно использовать при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела. Такие оперативно-розыскные мероприятия схожи с мероприятиями по проверке поступившего сообщения о преступлении, однако они их не подменяют, а следовательно должны быть обязательно проверены следователями. В результате такой проверки результаты оперативно-розыскной деятельности и превращаются в доказательства.

В своих работах процесс преобразования итогов оперативно-розыскной деятельности в доказательства исследует профессор С. А. Шейфер. В одной из своих работ профессор утверждает, что следственное действие контроль и запись телефонных переговоров является излишним, так как оно имеет явные признаки оперативно-розыскного мероприятия [6, с. 191].

Однако, данное следственное действие затрагивает основные права и свободы человека и гражданина, а потому требует больше обеспечения гарантий соблюдения законности, а потому на его производство требуется судебное решение, что отличает контроль и запись телефонных переговоров от оперативно-розыскных действий. В свою очередь, на практике сложились такие обстоятельства, что производство следственных действий находится под гораздо большим контролем, чем оперативно-розыскные мероприятия. В связи с чем такие действия нельзя переводить в разряд оперативно розыскных мероприятий.

В целом можно отметить, что проверка и контроль оперативно-розыскных мероприятий должна находиться на более высоком уровне для искоренения различных проблем. Генеральной прокуратурой РФ произведен анализ практики, в результате чего были выявлены ряд ошибок при производстве оперативно-розыскных мероприятий. Так к ним относятся:

- отсутствие оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- неверное отражение в документах оперативно-розыскной деятельности статуса участвующих в нем лиц;
- неверное название проводимого оперативно-розыскного мероприятия;
- незаконный досмотр лица и другие.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что основное отличие следственных действий от оперативно-розыскных заключается в том, что следственные действия на-

правлены соби́рание и проверку доказательств, тогда как оперативно-розыскные действия являются вспомогательными по отношению к первым, что не исключает необходимости повышения контроля компетентных государственных органов и должностных лиц, в сфере уголовного производ-

ства за соблюдением законности при проведении оперативно-розыскных действий, в основе которых лежит негласный порядок их осуществления, требующий охраны прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства и иных граждан вовлеченных в уголовный процесс.

Литература:

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144-ФЗ // СПС Консультант-Плюс
2. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»// СПС «Гарант»
3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с изменениями и дополнениями)// СПС «Гарант»
4. Определение Верховного Суда РФ от 3 сентября 2004 г. № 47-О04–75// СПС «Гарант»
5. Гуцин, А. Н., Францифоров Ю. В., Громов Н. А. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании//Российский следователь. 2000. № 4. с. 15.
6. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. с. 191.

Сделки с пороком субъекта

Макеева Светлана Борисовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье подвергнут анализу вопрос о сделках с пороком субъекта. Автор на основе исследования гражданского законодательства и материалов судебной практике определил основные аспекты сделок пороком субъекта.

Ключевые слова: *недействительные сделки, сделки с пороком субъекта, ничтожные сделки, основания признания сделок недействительными*

В гражданском законодательстве довольно подробно регламентируются основания признания сделок недействительными и определяется их зависимость от условий заключения какого-либо соглашения. Так, например в Гражданском кодексе Российской Федерации [4] (Далее — ГК РФ) нашли свое отражение нормы, регулирующие вопросы сделок с пороками субъектов, воли, формы и содержания.

Наиболее актуальным представляется исследование проблемы признания сделок, имеющих порок субъекта, ввиду того что цивилистическая наука выделяет большой круг лиц, которые вступая в гражданские отношения, в силу определенных особенностей и свойств, не должны иметь правомочия на заключение сделок.

Сделки с пороком субъекта можно классифицировать следующим образом:

1. Сделки с пороком дееспособности физического лица;

2. Сделки с пороком, совершенные в противоречии с целями деятельности юридического лица;

3. Сделки, порочность которых выражается в нелегитимности правомочий лица, их совершающих.

К сделкам с пороком дееспособности физического лица относятся:

— сделка, совершённая гражданином, признанным недееспособным (ст. 171 ГК РФ)

— сделка, совершённая несовершеннолетним, не достигшим четырнадцати лет (ст. 172 ГК РФ)

— сделка, совершённая несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (ст. 175 ГК РФ)

— сделка, совершённая гражданином, ограниченным судом в дееспособности (ст. 176 ГК РФ)

— сделка, совершённая гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ).

Поскольку правовой статус несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и лиц, признанных судом недееспособными, отличается незначительно, вполне логично, что и недействительность совершённых ими сделок регулируется аналогичным образом. Такие сделки являются ничтожными, однако могут быть признаны действительными, если совершены к выгоде недееспособно/малолетнего. Различие в регулировании состоит лишь в том, что в случае с малолетними положения о недействительности совершённых ими сделок не распространяются на мелкие бытовые и иные сделки, которые они могут совершать в соответствии со ст. 28 ГК РФ.

Интересно, что законодатель прямо указывает на применение правил, предусмотренных абзацами вторым и третьим п. 1 ст. 171 ГК РФ не только к сделкам, совершённым несовершеннолетним, не достигшим четырнадцати лет (малолетним), но и к сделкам, совершённым гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими.

Объясняется это тем, что критерий осознания значения своих действий и способности руководить ими является ключевым при признании лица недееспособным и непосредственно связан с формированием воли лица на совершение сделки.

Различие состоит в том, что отсутствие у гражданина способности понимать значение своих действий и руководить ими является основанием оспоримости сделки, но не её ничтожности. И это вполне обоснованно, поскольку по этому основанию признаются недействительными сделки дееспособных лиц, которые на момент совершения сделок не могли осознать значение своих действий и руководить ими, а также тех лиц, которые впоследствии были признаны недееспособными либо ограниченными в дееспособности. При этом предметом доказывания при рассмотрении дел по признанию недействительными таких сделок будет являться именно факт неспособности лица осознать значение своих действий и руководить ими.

Правовой статус несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и лиц, ограниченных судом в дееспособности, также весьма схож, и сделки, совершённые ими без согласия родителей, усыновителей или попечителей (в случае, если речь идёт о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет) и попечителей (если говорить о лицах ограниченно дееспособных), когда такое согласие требуется, могут быть признаны судом недействительными по иску соответствующего лица.

Таким образом, эти сделки являются оспоримыми, в отличие от сделок, совершённых малолетними и недееспособными. Объясняется этот факт тем, что способность осознать значение своих действий и руководить ими у лиц, которые дееспособностью, пусть и неполной, обладают, очевидно сформирована, и воля на совершение юридически значимых действий может формироваться адекватно. Поэтому законодатель даёт таким субъектам возможность эту волю изъять. Соответственно, нет не-

обходимости разрушать сложившееся правоотношение, пока это не влечёт неблагоприятных последствий.

В случае же с малолетними и недееспособными, способность осознать значение своих действий и руководить ими либо не сформирована в достаточной степени, либо утрачена. Соответственно, воля в правовом понимании формироваться тоже не может, и законодатель ограничивает возможность волеизъявления таких лиц, устанавливая в качестве общего правила ничтожность совершаемых ими сделок и только в качестве возможности — их исцеление.

Категория сделок с пороком правоспособности юридического лица включает только один состав недействительности — это сделка юридического лица, совершённая в противоречии с целями его деятельности (ст. 173 ГК РФ).

К сделкам, совершённым с выходом за пределы правоспособности юридического лица, относятся сделки, совершённые юридическим лицом в противоречии с целями его деятельности, определёнными в его учредительных документах [19, с. 68].

Согласно ст. 173 ГК РФ «сделка, совершённая юридическим лицом в противоречии с целями деятельности, определёнными в его учредительных документах, может быть признана судом недействительной по иску этого юридического лица, его учредителя (участника) или иного лица, в интересах которого установлено ограничение, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать о таком ограничении».

Исходя из приведённой формулировки данной нормы (ст. 173 ГК РФ), следует, что законодатель с помощью нее смог определить какие условия необходимы, для того чтобы сделки могли быть оспорены заинтересованными лицами. В Постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 [13] отмечено в этой связи, что любая сделка, совершённая юридическим лицом с нарушением его специальной правоспособности, является ничтожной [13].

В рассматриваемой норме речь идет об ограничениях правоспособности, установленных учредительным документом юридического лица. Выход юридического лица за пределы этих ограничений влечет оспоримость (а не ничтожность) сделки: сделка «может быть признана судом недействительной...» [2].

Это, в частности, относится, к коммерческим организациям, для которых законом установлена специальная правоспособность: унитарные предприятия, банки, страховые организации, инвестиционные фонды (см. абз 2 п. 1 ст. 49 ГК; ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» [10]; абз. 2 п. 2 ст. 6 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [17]; абз. 3 ст. 2 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [16]).

Пунктом 18 Постановления Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ № 6/8 от 01 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с при-

менением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [13] отмечается, что «сделки, совершенные иными коммерческими организациями в противоречии с целями деятельности, определенно ограниченными в их учредительных документах, могут быть признаны судом недействительными в случаях, предусмотренных статьей 173 ГК РФ».

В некоторых случаях, последствия выхода за пределы правоспособности могут регулироваться специальными законами. Например, в п. 3 ст. 18 Закона о государственных и муниципальных унитарных предприятиях [12] закреплено, что «Движимым и недвижимым имуществом государственное или муниципальное предприятие распоряжается только в пределах, не лишающих его возможности осуществлять деятельность, цели, предмет, виды которой определены уставом такого предприятия. Сделки, совершенные государственным или муниципальным предприятием с нарушением этого требования, являются ничтожными».

Следует обратить внимание на то, что ст. 173 ГК РФ претерпела существенные изменения. До момента внесения изменений в ГК РФ [11], данная норма, во-первых, содержала положение о признании сделки недействительной, совершенной юридическим лицом, не имеющим лицензию на занятие соответствующей деятельностью, а во-вторых, ею были изменён список участников, имеющих право подавать иск по этому вопросу. В настоящее время из перечня таких лиц законодатель исключил государственного органа, осуществляющего контроль или надзор за деятельностью юридического лица.

В редакции Федерального закона от 07 мая 2013 г. № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) [11] к лицам, имеющих право подачи иска о признании сделки недействительной в противоречии с целями деятельности организации, следует относить юридическое лицо, его учредителя (участника) или иное лицо, в интересах которого установлено ограничение.

Вместе с тем, данные законодательные новеллы повлекли немало трудностей в вопросах правоприменения нормы ст. 173 ГК РФ.

Так, например, в связи с тем, что из ст. 173 ГК РФ полностью исключено упоминание об отсутствии лицензии как специальным основании недействительности сделки, на сегодняшний момент становится проблематичным определять и применять норму, по которой следовало бы оспорить сделку согласно вышеупомянутым основаниям.

Исходя из этого, можно предположить, что «сделки, совершенные в отсутствие лицензии, если таковая требовалась в силу закона, можно будет оспорить на основании ст. 168 ГК РФ, как противоречащие закону, поскольку именно законом установлено требование о наличии лицензии» [7].

Данное основание для оспаривания сделки, совершенной в отсутствие лицензии, является наиболее очевидным, но при этом статьей 173.1 ГК РФ предусмотрено, что сделка, совершенная без согласия третьего лица, ор-

гана юридического лица или *государственного органа* либо органа местного самоуправления, необходимость получения которого предусмотрена законом, является оспоримой, если из закона не следует, что она ничтожна или не влечет правовых последствий для лица, уполномоченного давать согласие, при отсутствии такого согласия [5].

Представляется, что подобная сделка (без лицензии) должна сохраняться, поскольку, заключая договор, сторона принимает на себя обязанность совершить все необходимое, чтобы исполнить обязательство, в том числе и получение лицензии, в случае необходимости.

Следовательно, подобную сделку не следует рассматривать в качестве недействительной. Ответственность будет наступать за неисполнение обязательства (если оно не будет исполнено), а не реституция. В данном случае отсутствует порок сделки как таковой.

Еще один коллизионный вопрос, возникающий по поводу изменений в ст. 173 ГК РФ, касается участников, которые правомочны оспаривать сделки, по основаниям, изложенным в данной норме, например, третьими лицами, членом коллегиального органа юридического лица (член совета директоров).

Например, если генеральный директор общества совершил сделку с выходом за пределы правоспособности общества, определенно ограниченной в уставе, член совета директоров должен иметь возможность, действуя в интересах общества и его участников, предъявить иск о признании сделки недействительной [2].

По мнению С.Л. Будылина, «члену коллегиального органа законом не предоставлено право действовать без доверенности от имени юридического лица. «Вряд ли члена коллегиального органа можно назвать «лицом, в интересах которого установлено ограничение» правоспособности юридического лица» [2] в смысле ст. 173 ГК РФ».

Согласно п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 [15], участник корпорации, оспаривающий совершенную корпорацией сделку, выступает в качестве представителя корпорации, а истцом по такому делу является корпорация. Верховный Суд РФ указывает на обращение участника с иском об оспаривании сделки по правилам п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, которое предусматривает право участника оспаривать сделку на основании ст. 174 ГК РФ или законов об отдельных видах корпорации.

Следует предположить, что данная позиция Верховного Суда РФ распространяется на любые случаи оспаривания участников сделки корпорации по корпоративным основаниям, к которым следует отнести и основание оспаривания, указанное в ст. 173 ГК РФ [2].

Этот вопрос можно признать дискуссионным, поскольку в судебной практике на сегодняшний день не встречаются случаи подачи исков третьими лицами об оспаривание сделки, предусмотренные ст. 173 ГК РФ.

Анализ существующих коллизий, возникающих при применении ст. 173 ГК РФ, показал, что существует потребность в приведении данной нормы в соответствии с

реалиями судебной практики, и в этой связи предлагается внести изменения в ст. 173 ГК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 173. Недействительность сделки юридического лица, совершенной в противоречии с целями его деятельности

Сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с целями деятельности, определенно ограниченными в его учредительных документах, может быть признана судом недействительной по иску этого юридического лица, его учредителя (участника) или члена коллегиального органа, в интересах которого установлено ограничение, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать о таком ограничении».

Категория сделок, порочность которых выражается в нелегитимности правомочий лица, их совершающих, включает два состава. Первый — сделка, совершённая без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления (ст. 173.1 ГК РФ)

Ст. 173.1 была введена в ГК РФ Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ. До внесения в ГК РФ этих изменений многие сделки, совершаемые без согласия третьих лиц, признавались судебной практикой ничтожными как противоречащие закону [6, с. 58].

Эта практика законодателем была изменена, поскольку из п. 1 ст. 173.1 ГК РФ следует общее правило об оспоримости сделки, совершенной без необходимого согласия. Следовательно, даже в тех случаях, когда закон не содержит прямых указаний на недействительность сделки, совершенной без надлежащего согласия, сделка может быть только оспоримой.

Например, в силу п. 2 ст. 615 ГК РФ арендатор вправе сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) только с согласия арендодателя. В науке и правоприменительной практике неполучение согласия арендодателя на сдачу имущества в субаренду расценивалось как нарушение закона, с которым связывалась ничтожность договора субаренды, посягающего на права собственника имущества (арендодателя) [18]. После введения в ГК РФ ст. 173.1 подобные сделки квалифицируются как оспоримые.

Сделка без согласия одной из сторон будет считаться ничтожной только тогда, когда это прямо предусмотрено законодательством. В некоторых случаях закон действительно специально указывает на ничтожность таких сделок. Так, ничтожной является сделка перевода долга на другое лицо, которая совершена без согласия кредитора (п. 2 ст. 391 ГК РФ) [31, с. 16].

Отсутствие согласия Правительства РФ или уполномоченного федерального органа исполнительной власти делает ничтожными сделки, связанные с отчуждением или передачей в доверительное управление акций стратегических акционерных обществ (п. 3 ст. 39 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества») [14].

Таким образом, ничтожными являются те сделки, которые совершаются стратегически значимыми субъектами либо по поводу стратегически значимых объектов, в силу чего нуждаются в особой защите.

На практике имеет место следующая ситуация [21]: при рассмотрении иска о признании сделки недействительной суд удовлетворил иски о взыскании денежных средств в счет уплаты задолженности по договору, представив в подтверждение полномочий на обращение в суд договор уступки права (цессии). В удовлетворении встречного иска о признании договора уступки прав (цессии) недействительным отказано.

Исходя из ст. 173.1 ГК РФ, суд пришел к выводу, что отсутствие согласия влечет оспоримость сделки. Следовательно, хотя бы необходимость согласия и была указана, его отсутствие не позволяет квалифицировать сделку по ст. 168 ГК РФ как ничтожную.

Соответственно, наличие специального основания недействительности сделки в виде отсутствия согласия влечёт неприменение более общего основания — противоречия закону, что соответствует общему принципу приоритета специальной нормы перед общей.

Вторым составом сделок, порочность которых выражается в нелегитимности правомочий совершающего её лица, является сделка, совершённая с нарушением представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий либо интересов представляемого или интересов юридического лица (ст. 174 ГК РФ).

Такая сделка является оспоримой, и для признания её недействительной необходима совокупность следующих условий.

Во-первых, полномочия лица на совершение сделки должны быть ограничены договором либо полномочия органа юридического лица — учредительными документами по сравнению с тем, как они определены в доверенности, законе либо как они могут стать очевидными из обстановки (ст. 174 УК РФ).

Как видно, в законе речь идет о двух видах ограничения полномочий на совершение сделки. В первом случае полномочия гражданина и юридического лица на совершение сделки ограничиваются договором.

Во втором случае полномочия органа юридического лица ограничиваются его учредительными документами. В обоих случаях установление ограничения полномочий на совершение сделки означает, что действительные полномочия гражданина и органа юридического лица на совершение сделки уже, чем они определены в доверенности, законе либо как они могут считаться очевидными из обстановки, в которой совершается сделка.

Большой вклад в исследование данной нормы внесли А. В. Габов и Г. Г. Астахов [3, с. 34].

По их мнению, «в отсутствие в законе и в доктрине ответов на вопросы (какие обстоятельства необходимо доказать пострадавшей стороне (представляемому лицу); какие неблагоприятные последствия должны быть дока-

заны и какие могут и должны быть приняты судом и др.) суды начали искать ответы самостоятельно, что неизбежно привело к появлению совершенно различных правовых позиций» [3, 35].

Так, например, суды отмечали необходимость выявления следующих обстоятельств для применения статьи 174 ГК РФ:

— умышленное соглашение (сговор) с целью причинить неблагоприятные последствия либо получить какую-либо выгоду (Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 8 мая 2007 г. № Ф09–2839/07-С4 по делу № А76–6102/2006–24–283 [28]);

— сговор и действие в ущерб представляемому (Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 25 марта 2013 г. по делу № А35–5783/2011 [30]; Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20 апреля 2012 г. № Ф09–884/12 по делу № А60–19417/2011, А60–25537/2011, А60–37182/2011 [29]);

— сговор и ущерб интересам представляемого (Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 апреля 2012 г. по делу № А41–9091/11 [23]; Кассационное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 13 октября 2011 г. по делу № 33–999/11 г. [8] (в данном акте содержится не известное гражданскому праву понятие зла: «Непременным условием признания сделки недействительной на основании ст. 179 ГК РФ (*курсив наш — законодатель изменил номер статьи (со 179 на 174)*) является доказательство такого сговора. Кроме того, целью такого сговора должно быть причинение зла, ущерба интересам представляемого»));

— несоответствие волеизъявления потерпевшей стороны ее действительной воле; искажение воли представляемого и ее подмена волей представителя; ущерб представляемому, но в пользу контрагента и (или) представителя (Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 7 сентября 2010 г. № ВАС-11494/10 по делу № А14–9431/2009313/35 [20]; Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июля 2013 г. по делу № 11–19758/2013 [1]);

— наличие умышленного соглашения между представителем потерпевшей стороны и другой стороной; возникновение неблагоприятных последствий для представляемого; осуществление действий представителя в рамках предоставленных ему полномочий (Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 19 февраля 2013 г. по делу № А55–6421/2012 [22]; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 апреля 2013 г. по делу № А32–2459/2012 [26]);

— наличие злостного соглашения представителя одной стороны с другой стороной; неблагоприятные последствия для представляемого; выгода второго контрагента от сделки («приобретения этого имущества по цене, значительно ниже его действительной рыночной стои-

мости»); «отсутствие коммерческого интереса и выгоды для доверителя в совершении сделки»; «совершение оспариваемой сделки на явно невыгодных условиях»; «неразумность действий представителя» (Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 июня 2014 г. по делу № А15–1240/2013 [27]).

Показательным является Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 13 апреля 2012 г. по делу № А12–8349/2009 [25], в котором суд использовал в максимальной степени все возможные критерии (признаки):

— «арбитражные суды правомерно исходили из того, что под злостным соглашением представителя одной стороны с другой стороной в целях определения признаков, предусмотренных пунктом 1 статьи 179 ГК РФ, понимается сговор представителя одной стороны сделки с другой стороной этой сделки, направленный против интересов представляемой стороны; в результате этого сговора сторона сделки либо лишается того, что она должна была бы иметь при надлежащем использовании представителем имеющегося у него полномочия, либо приобретает дополнительные обременения»;

— «злостное соглашение представителя одной стороны с другой имеет место при наличии их умышленного сговора и при возникновении вследствие этого неблагоприятных последствий для представляемого»;

— «обстоятельствами, подлежащими установлению по данному спору, являются: несоответствие волеизъявления представителя воле представляемого, осведомленность о таком несоответствии контрагента по сделке, наличие сговора между представителем одной стороны с другой стороной в целях обеспечения своих интересов за счет интересов представляемого» [25]. Так, например в Кассационном определении Ростовского областного суда от 27 февраля 2012 г. по делу № 33–2326 [9] было разъяснено, что «по смыслу п. 1 ст. 179 ГК РФ основанием недействительности сделок под влиянием злостного соглашения представителя одной стороны с другой стороной является несоответствие волеизъявления потерпевшей стороны ее действительной воле и подмена волей представителя».

Злостное соглашение представителя одной стороны с другой стороной заключается в соглашении о совершении сделки в ущерб представляемому, но в пользу контрагента и (или) представителя».

Таким образом, данная норма подлежит применению в тех случаях, когда лицо, заключающее сделку от имени одной из сторон, умышленно вступает в сговор с другой стороной и заключает сделку в ущерб интересам той стороны, от имени которой оно действует. При совершении такой сделки представителем искажается действительная воля представляемого им лица» [9].

Необходимы разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в части понятий, используемых для описания квалифицирующих признаков в анализируемой норме:

1) в части отличий ущерба интересов от убытков;
 2) в части признаков явности ущерба. В таких разъяснениях должны быть отражены: а) необходимость доказывания явного ущерба только в случаях, если истец выбрал соответствующую совокупность признаков (ущерб интересам и осведомленность о явном ущербе) в качестве оснований своих требований; б) указание на то, что доказанные («рассчитанные») убытки (реальный ущерб или упущенная выгода) свидетельствуют о явном ущербе, но не являются единственным его проявлением; в) иные примеры «явного ущерба», не ограничивающиеся случаем с заниженной ценой.

Необходимы разъяснения относительно того, что понимать под сговором и под совместными действиями в их

гражданско-правовом аспекте, доступном для использования имеющихся у истца гражданско-процессуальных инструментов.

В заключении следует отметить, что существующие в настоящее время проблемы при применении норм, связанных с пороком субъектов, не «закрывают» всех вопросов, однако представляется, что дальнейшее совершенствование с учетом предлагаемых рекомендаций будет способствовать наибольшей защите интересов сторон, имеющих право на оспаривание недействительных сделок, законодательно прописанных в ГК РФ, в частности, например, интересов доверителей от недобросовестных действий представителей и иных лиц, чьи права были нарушены в результате сделок с пороком.

Литература:

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июля 2013 г. по делу № 11–19758/2013 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
2. Будылин, С.Л. Проект комментария к ст. 173 ГК [Электронный ресурс] // Закон. ру. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения: 01.04.2019).
3. Габов, А.В., Астахов Г.Г. Оспаривание действий представителя по пункту 2 статьи 174 Гражданского кодекса // Гражданское право. — М.: Юрист, 2015, № 4. — с. 29–39
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ от 05 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.
5. Григорьев, Д. Недействительность сделки, совершенной в отсутствие лицензии по 173.1 [Электронный ресурс] // Закон. ру. URL: https://zakon.ru/discussion/2014/4/25/nedejstvitelnost_sdelki_overshennoj_v_otсутstvie_licenzii_po_1731 (дата обращения: 01.04.2019).
6. Зайцева, С.С., Минеева Д.Р., Хаймурзина Н.З. Сущность гражданско-правовых сделок и признание их недействительными // Научная перспектива. 2015. № 4. с. 58–59.
7. Изменения ГК РФ: когда нельзя признать предпринимательский договор недействительным (Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ) [Электронный ресурс] // Техническое консультирование. URL: <http://consystems.ru/sistems/2015-04-10/povaya-zapis-42> (дата обращения: 01.04.2019).
8. Кассационное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 13 октября 2011 г. по делу № 33–999/11 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
9. Кассационное определение Ростовского областного суда от 27 февраля 2012 г. по делу № 33–2326 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
10. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ от 05 февраля 1996 г. № 6. Ст. 492.
11. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ от 13 мая 2013 г. № 19. Ст. 2327.
12. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 28.11.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ от 02 декабря 2002 г. № 48. Ст. 4746.
13. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) // Российская газета от 13 августа 1996 г. № 152.
14. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ (в ред. 06.03.2019) // Российская газета от 26 января 2002 г. № 16.
15. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 // Российская газета от 30 июня 2015 г. № 140.
16. Об инвестиционных фондах: Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2018) // Собрание законодательства РФ от 03 декабря 2001 г. № 49. Ст. 4562.

17. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 (ред. от 28.11.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Российская газета от 12 января 1993 г. № 6.
18. Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.
19. Онишина, Е. А. К вопросу о понятии порока воли в сделке // Актуальные научные результаты общественных исследований — «Научный летний форум 2016»: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Саратов, 2016. с. 67–71.
20. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 7 сентября 2010 г. № ВАС-11494/10 по делу № А14–9431/2009313/35 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
21. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.12.2015 № Ф06–3853/2015 по делу № А55–26816/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 12.12.2017).
22. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 19 февраля 2013 г. по делу № А55–6421/2012 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
23. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 апреля 2012 г. по делу № А41–9091/11 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
24. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 13 апреля 2012 г. по делу № А12–8349/2009 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
25. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 13 апреля 2012 г. по делу № А12–8349/2009 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
26. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 апреля 2013 г. по делу № А32–2459/2012 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
27. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 июня 2014 г. по делу № А15–1240/2013 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
28. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 8 мая 2007 г. № Ф09–2839/07-С4 по делу № А76–6102/2006–24–283 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
29. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20 апреля 2012 г. № Ф09–884/12 по делу № А60–19417/2011, А60–25537/2011, А60–37182/2011 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
30. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 25 марта 2013 г. по делу № А35–5783/2011 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
31. Чашкова, С. Ю. Недействительность сделки, совершенной при отсутствии согласия на ее совершение // Законы России. — 2014. — № 5. — с. 16–18.

Понятие и сущность законного представительства несовершеннолетнего

Мельчуков Василий Андреевич, студент
Челябинский государственный университет

Законное представительство несовершеннолетних является важной предпосылкой осуществления гражданских прав. В статье рассмотрены понятие и сущность законного представительства несовершеннолетнего.

Ключевые слова: законный представитель, защита прав и интересов несовершеннолетних.

The lawful representation of minors is the important prerequisite of implementation of the civil rights. In article the concept and essence of lawful representation of the minor are considered.

Keywords: lawful representative, protection of the rights and interests of minors.

На территории РФ гражданин приобретает все свои законные права, начиная с достижения совершеннолетия, то есть когда ему исполняется 18 лет. До достижения этого ограничительного возрастного предела права человека и уровень ответственности несколько ограничены, поскольку известно, что до достижения вышеуказанного возраста человек не в полной мере признается «зрелым» и поэтому не может в полной мере отвечать за свои действия.

Однако бывают ситуации, когда ребенок должен взаимодействовать или выступать с ответом перед различными государственными учреждениями, в том числе в судебных инстанциях в данном случае законодательство РФ предусматривает, что его интересы будут представлять доверенные лица, другими словами — законный представитель.

Стоит отметить, что на сегодняшний день, специальный правовой статус «законный представитель несовершеннолетнего» фактически устанавливается, но данный статус не имеет юридического определения в правилах российского законодательства.

Законным представителем несовершеннолетнего ребенка признается физическое или юридическое лицо, которое обязано представлять интересы своего подопечного в учреждениях, где он сам не может представлять свои интересы и отстаивать свои права в силу своего возраста, например, в судебном процессе, если ребенок проходит в качестве обвиняемого, свидетеля или жертвы по уголовной статье, при поступлении в университет или в других случаях.

Согласно пункту 2 ст. 164 СК РФ родители являются законными представителями своих детей и отстаивают свои права и интересы в отношениях с любым физическим или юридическим лицом, включая суды, без специальных полномочий.

В нашем обществе понятие юридического представительства напрямую связано с правосубъектностью ребенка и объясняется в ряде областей российского законодательства, в частности:

Законные представители несовершеннолетнего (Гражданский кодекс РФ, ст. 28) определяются на основе понятия «правоспособность подростков в возрасте от 14

до 18 лет» В соответствии с этим разделом кодекса несовершеннолетний ребенок имеет право осуществлять свои гражданские права только с согласия родителей. В этом контексте только интеллектуальные права, ранняя эмансипация занятости или брачный союз высвечиваются, когда дети полностью автономны.

Статья 52 Гражданского кодекса РФ «О доверенных лицах», где поясняется, что ребенок после 14 лет может отстаивать свои гражданские права, но только при наличии у него опекуна, который активно поддерживает и разъясняет свою позицию.

Конечно, представительство несовершеннолетнего сильно связано с родительскими правами и опекой, как поясняется в статье 64 СК РФ.

Как отмечалось выше, основными законными представителями подростка являются его родители, которым не нужно доказывать это в государственных учреждениях, поскольку они становятся ими по факту рождения ребенка.

В случае утраты несовершеннолетнего родительского попечения права и обязанности родителей возлагаются на «лиц, их замещающих», СК РФ, которым они классифицируются по следующим категориям: приемные родители, опекуны, попечители, приемные родители, организация для детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, также органы опеки и попечительства, на которые временно возлагается функция исполнения данной обязанности до устройства несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью или соответствующую организацию.

Институт законного представительства определяет список лиц, ответственных за следующие функции:

Если несовершеннолетнему ребенку еще не исполнилось 14 лет, опекуны обязаны обеспечивать представительство своих прав и интересов.

После превышения 14-летнего порога ребенок будет находиться под опекой физического или юридического лица до достижения совершеннолетия.

Законное представительство несовершеннолетних и защита прав и интересов несовершеннолетних являются неразрывно связанными явлениями, о чем свидетельствуют положения статьи ст. 56, ст. 64 СК РФ. ст. 15 ФЗ

«Об опеке и попечительстве», ст. 52 ГК РФ, ст. 45 УПК РФ, ст. 25.3 КоАП РФ, ст. 59 АПК РФ.

Основная цель законного представительства несовершеннолетних заключается в защите прав и интересов детей, защищаемых законом в широком смысле. В то же время закон предусматривает, что родители и лица, заменяющие их, имеют не только право, но и обязанность защищать права и интересы несовершеннолетних (абзац 2 п. 1 ст. 64, абзац 2 п. 1 ст. 56 СК РФ).

Это обязательство возлагается на законных представителей несовершеннолетнего Российской Федерации по той простой причине, что сам несовершеннолетний не обладает достаточной физической и психической зрелостью, необходимой ему для самостоятельного приобретения, осуществления и защиты своих материальных и процессуальных прав. Очевидно, что родители и лица, заменяющие их, обязаны защищать не только права семьи, но и гражданские права, права на жилье, землю и другие права несовершеннолетних, в том числе права, гарантированные Конституцией, такие, как: право на образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, благоприятную природную среду и т. д.

Закон все чаще предоставляет автономию в гражданских, семейных, профессиональных и других делах, а затем и в процессуальных правовых отношениях. Однако, поскольку несовершеннолетний еще не достиг полной физической и психической зрелости, закон четко определяет, в каких случаях и в какой форме недееспособность несовершеннолетнего удовлетворяется его законным представителем [3].

Несоблюдение этих обязательств влечет за собой неблагоприятные правовые последствия. Например, отсутствие письменного согласия или последующего письменного одобрения сделки законным представителем, если сделка была совершена несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, является основанием для признания сделки недействительной (ст. 175 ГК РФ).

Особый правовой статус законного представителя несовершеннолетнего тесно связан с семейным правовым статусом лица как «родителя» или «лица, замещающего родителя», но не идентичен ему и имеет особое значение в материальных и процессуальных отношениях при осуществлении этими лицами особых прав (обязанностей) или при осуществлении их гражданской ответственности в сделках с участием несовершеннолетнего, а также за ущерб, причиненный несовершеннолетним третьим лицам [3].

Проанализировав достаточное количество нормативных документов, отметим, что суть юридического представительства проявляется в следующих моментах:

1) отношения между представителем и представителем, их взаимная воля к третьим сторонам, с которыми

представитель вступает в юридические отношения от имени представителя, не имеют значения;

2) круг полномочий представителя устанавливается нормативными правовыми актами и не определяется волей представленного лица;

3) правовые отношения между представителем и представляемым определяются нормативными правовыми актами;

4) действия законного представителя могут быть оспорены только на основании правовых документов;

5) юридическое представительство не может быть коммерческим;

6) полномочия законного представителя являются безотзывными [5].

Кроме того, сущность юридического представительства несовершеннолетнего характеризуется следующими признаками:

— представительство прав и интересов ребенка признано специальным и независимым представительством гражданского и семейного законодательства Российской Федерации;

— представительство ребенка в гражданском и семейном праве Российской Федерации — это система правовых и иных мер, компенсирующих недееспособность и/или неполную инвалидность ребенка. Это вызывает озабоченность государства в отношении прав ребенка, что гарантирует самостоятельность ребенка в качестве субъекта прав;

— представительство предполагает осуществление, охрану и защиту прав ребенка с целью эффективного соблюдения его законных интересов;

— специфика рассматриваемых отношений проявляется в субъективном составе, цели миссии, объеме полномочий представителей, сроках и мотивах представительства [4].

Поэтому, исходя из вышеизложенного, считаю, что понятие «законный представитель несовершеннолетнего» следует следующим изложить в следующей редакции: «Законным представителем несовершеннолетнего признается лицо, обладающее семейно-правовым статусом родителя или лица, его замещающего, на которое по закону возложены специальные права (обязанности) по представительству и защите прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних во всех органах, учреждениях и организациях, в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, а также надзору за поведением несовершеннолетнего, и несущее, в случаях и в порядке, предусмотренных законом, полную или субсидиарную имущественную ответственность по сделкам, совершенным с участием несовершеннолетнего, а также за вред, причиненный несовершеннолетним третьим лицам».

Литература:

1. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 N 48-ФЗ [Электронный ресурс] «Консультант плюс» Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (Дата обращения 18.08.2018).

2. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс] «Консультант плюс» Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (Дата обращения 18.08.2018).
3. Зиброва, Н. М. Законное представительство несовершеннолетних / Н. М. Зиброва [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2014/pdf/7385.pdf> (Дата обращения 18.08.2018).
4. Сапрыкин, К. Н. Представительство прав и интересов ребенка в гражданском и семейном законодательстве РФ / К. Н. Сапрыкин. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.igrapn.ru/prepare/a.persons/SaprykinKN/Saprykin_Avtoref.pdf (Дата обращения 18.08.2018).
5. Толмачева, А. А. Вопросы законного представительства несовершеннолетних: теоретико-правовое исследование / А. А. Толмачева. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-zakonnogo-predstavitelstva-nesovershennoletnih-teoretiko-pravovoe-issledovanie> (Дата обращения 18.08.2018).

Особенности оформления законного представительства ребенка

Мельчуков Василий Андреевич, студент
Челябинский государственный университет

Законное представительство несовершеннолетних является важной предпосылкой осуществления гражданских прав. В статье проанализированы особенности оснований оформления законного представительства ребенка.

Ключевые слова: законный представитель, защита прав и интересов несовершеннолетних, органы опеки и попечительства.

The lawful representation of minors is the important prerequisite of implementation of the civil rights. In article features of the bases of registration of lawful representation of the child are analysed.

Keywords: lawful representative, protection of the rights and interests of minors, agencies of guardianship and guardianship

Как известно, одним из основных законных представителей ребенка являются его родители, которые наделены правами и обязанностями осуществлять свои права, когда ребенок в силу своего возраста и развития не может самостоятельно осуществлять свои права. Согласно статье 47 СК РФ, права и обязанности родителей и детей основаны на происхождении детей, порядок удостоверения которых закреплен законодательно.

Решением Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 и п 1008 «Об отказе в принятии жалобы гражданина Ледневой Анны Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации» поясняется, что «данная процедура в соответствии с Федеральным законом от 15 ноября 1997 года п 143-ФЗ» Об актах гражданского состояния «является государственной регистрацией рождения (Глава II), в результате чего происхождение ребенка становится юридическим фактом и порождает правовые последствия; на основании регистрации выдается свидетельство о рождении ребенка (статья 23), свидетельствующее о происхождении ребенка от указанных в нем родителей (родителей). Таким образом, основанием для представительства родителями прав и интересов ребенка является происхождение ребенка от соответствующих лиц, которое удостоверяется административным или

судебным актом (решением суда об установлении отцовства, регистрацией акта о рождении).

Следует отметить, что при определенных обстоятельствах в виде лишения родительских прав, смерти родителей и т. д., ребенок остается без родительского попечения. В этом случае органы опеки и попечительства обязаны избрать форму усыновления, опеки, приемной семьи, приемной семьи, организации для сирот и детей, лишенных родительской опеки [5].

Опекунство и попечительство являются формой защиты личных и имущественных прав и интересов несовершеннолетних детей, лишенных родительской опеки. Фактически, установление опеки и попечительства над ребенком является промежуточным звеном между его помещением в специализированное учреждение и возможным усыновлением в будущем.

Семейное право предполагает урегулирование отношений между опекунами и детьми, лишенными родителей, в том, что касается образования, содержания и образования (пункт 145 статьи СКРФ). Местные органы опеки и попечительства регулируются нормативно правовыми актами административного права. Кроме того, регулирование отношений между опекунами и попечителями осуществляется на основании 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» и другими нормативно-правовыми актами РФ.

В соответствии с пунктом 1 статьи 28 Гражданский кодекс Российской Федерации опека устанавливается в отношении несовершеннолетних детей в возрасте до 14 лет, а затем в возрасте от 14 до 18 лет устанавливается форма попечительства (п. 1 статья 33 Гражданского кодекса Российской Федерации).

При оформлении опеки и попечительства над ребенком принимается во внимание мнение ребенка, а назначение опекуна несовершеннолетнему ребенку старше 10 лет возможно только с его согласия.

Органы опеки и попечительства — городская и районная администрация, расположенная по месту жительства несовершеннолетнего ребенка или опекуна/попечителя (п. 1 ст. 34 ГК РФ, п. 2 ст. 121 СК РФ). Контроль за соблюдением опеки и попечительства возложен на органы народного образования при местной администрации.

Разрешение на опеку и попечительство несовершеннолетнего ребенка без родителей выдается по решению Постановления главы местной администрации, расположенной по месту жительства ребенка или опекуна/попечителя последнему выдается опекунское удостоверение, а на подопечного заводится личное дело с хранением в установленном порядке всех соответствующих документов. Опекун должен быть назначен не позднее одного месяца с даты, когда ребенок был оставлен без попечения родителей. В случае неявки в течение месяца лицо, ответственное за воспитание несовершеннолетнего, органы опеки и попечительства обязаны выполнять временные обязанности опекунов / попечителей п. 1 ст. 35 Гражданского кодекса Российской Федерации). Опека и попечительство над несовершеннолетними детьми могут решаться только лицами, обладающими необходимыми личными качествами, с учетом отношений между ребенком, опекуном и членами семьи опекуна, а также способности и способности выполнять свои обязанности.

В соответствии с пунктом 3 статьи 35 Гражданского кодекса Российской Федерации опекун / попечитель может быть назначен только с письменного согласия гражданина.

Если несовершеннолетний ребенок, оставленный без попечения родителей, не содержится под стражей, он переводится в образовательное или медицинское учреждение и учреждение социального обеспечения в зависимости от состояния здоровья и возраста. В таких случаях функции опекуна/попечителя исполняет администрация соответствующего учреждения (п. 1 ст. 147 СК РФ, п. 4 ст. 35 ГК РФ). В соответствии с пунктом 6 статьи. 145 Семейного кодекса Российской Федерации и Федерального закона ФЗ-48 назначение опеки или попечительства над несовершеннолетним ребенком возможно на основании Гражданского договора, включая договор о приемной или патронатной семье.

Что касается регистрации законного представителя несовершеннолетнего ребенка, то в соответствии со статьей 137 СК РФ права и обязанности усыновителя и усыновленного ребенка возникают на основании и с момента вступления в силу решения суда об установлении усынов-

ления. С.П. Гришаев справедливо отметил, что «усыновление относится к числу особых юридических фактов (актов гражданского состояния), которые подлежат специальной регистрации в актовых книгах органов загса» [6]. Основанием законного представительства усыновителей является решение суда об усыновлении.

До усыновления ребенка устанавливается опека и попечительство, и закон предусматривает несколько различных форм опеки и попечительства. Так, в соответствии с частью 1 и 2 статьи 14 Федерального закона от 24.04.2008 п 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» установление опеки или попечительства допускается по договору об опеке или попечительстве (в том числе по договору о приемной семье либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, по договору о патронатной семье (патронате, патронатном воспитании).

В соответствии с частью 6 статьи 11 Закона «Об опеке и попечительстве» основой отношений между опекуном или попечителем является акт органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя.

Еще одной формой размещения детей, лишенных родительского попечения, является их размещение под наблюдением в специализированных организациях.

Соответственно, в соответствии с пунктом 2 статьи 155.2 СК РФ дети, находящиеся под надзором Организации по делам сирот и детей, лишенных родительского попечения, опекуны или опекуны не назначаются. Эти организации отвечают за содержание, воспитание и воспитание детей, защиту их прав и законных интересов.

Поэтому законное представительство этих организаций основано на передаче детей на попечение детей в соответствии с административным актом.

В некоторых случаях защита прав и интересов ребенка возложена на орган опеки и попечительства.

Так, в соответствии с Законом об опеке и попечительстве в случае, если лицу, нуждающемуся в установлении над ним опеки или попечительства, не назначен опекун или попечитель в течение месяца, исполнение обязанностей опекуна или попечителя временно возлагается на орган опеки и попечительства по месту выявления лица, нуждающихся в попечительстве или попечительстве (пункт 11 статьи 11). 3.); полномочия органов опеки и попечительства связаны с представлением законных интересов несовершеннолетних и недееспособных лиц, находящихся под опекой или попечительством, в отношении любого лица (включая суды), если действия опекунов или попечителей по представлению законных интересов лиц, находящихся под опекой, противоречат законодательству Российской Федерации и/или законодательству субъектов Российской Федерации или интересам лиц, находящихся под опекой или попечительством., или если опекуны или попечители не защищают законные интересы лиц, находящихся под опекой. Основой представительства прав и интересов ребенка в органах опеки и попечительства является прямое указание на это в законе, то есть требование закона.

В соответствии с семейным правом признание юридического представительства должно основываться на обстоятельствах, которые объективно подтверждают полномочия представительства. Следует также отметить, что в некоторых случаях семейное право наделяет полномочиями представлять права и интересы детей другим органам, организациям, которые не являются законными представителями.

В качестве примера можно привести п. 1 статьи 122 СК РФ, обязанность должностных лиц организации информировать органы опеки и попечительства, расположенные по месту фактического проживания детей.

Граждане и должностные лица других организаций, которым станет известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, обязаны сообщить об этом в орган опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. Такое право возникает в силу закона и/или случая.

В рамках гражданских правоотношений представительство прав и интересов ребенка на основании случая возможно, например, при совершении действий в чужом интересе без поручения. Так, в силу п. 1 ст. 980 ГК РФ действия без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица в целях предотвращения вреда его личности или имуществу, исполнения его обязательства или в его иных не противоправных интересах (действия в чужом интересе) должны совершаться

исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений заинтересованного лица и с необходимостью по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью. Данные правила носят общий характер и распространяются на всех участников гражданских правоотношений, в том числе и на ребенка [7].

Следует также отметить, что основания для представительства прав и интересов ребенка могут устанавливаться законом, договором, решением суда, административным актом, а также на основании дела, моральными требованиями.

Исходя из этих позиций, следует сделать вывод о том, что представительство прав и интересов ребенка, основанное на конкретном случае, не в полной мере регулируется российским законодательством и что действующие нормы должны быть улучшены за счет регулирования единообразных правил, регулирующих этот вид представительства, которые содержат полномочия представителя и предусматривают его ответственность.

Так, в целях совершенствования механизма осуществления, защиты и защиты прав и интересов ребенка, законодательства Российской Федерации, в частности Соединенного Королевства и закона Об опеке и опеке необходимо разработать и утвердить полный перечень оснований для представительства, областей компетенции представителей и подробно разъяснить ответственность представителей.

Литература:

1. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ [Электронный ресурс] «Консультант плюс» Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (Дата обращения 18.08.2018).
2. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 N 48-ФЗ [Электронный ресурс] «Консультант плюс» Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (Дата обращения 18.08.2018).
3. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс] «Консультант плюс» Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (Дата обращения 18.08.2018).
4. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 N 1008-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ледневой Анны Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации» / Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_7279.htm (Дата обращения 18.08.2018).
5. Жаров, А. А. Лишение родительских прав в отношении детей, оставленных родителями и восстановление в родительских правах [Электронный ресурс]: <http://parnasse.ru/prose/essay/publicism/metodicheskie-posobija-lishyonym-roditeljam.html>
6. Практикум по семейному праву / С. П. Гришаев, Л. И. Глушкова. — М., 2014. — 156 с.
7. Сапрыкин, С. Н. Представительство интересов ребенка по гражданскому и семейному законодательству РФ [Электронный ресурс]: http://www.igpran.ru/prepare/a.persons/SaprykinKN/SaprykinKN_Dissertatsyya.pdf

Правовое регулирование борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, приобретенного незаконным путем

Минин Данила Сергеевич, студент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

На сегодняшний момент Россия столкнулась с достаточно распространенной проблемой, как легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества, полученного незаконным путем. Данная проблема является достаточно актуальной, так как все больше и больше приобретает массовый характер. Суды заполнены исковыми заявлениями о факте отмывания доходов как крупными компаниями, так и мелкими индивидуальными предпринимателями.

Чтобы точно определить виды и способы борьбы государства с легализацией, следует дать ей определение. Итак, в соответствии со статьей 174 Уголовного кодекса Российской Федерации, легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретенного незаконным путем — совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом [4]. А вот Федеральный закон от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» определяет **легализацию доходов как** придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления [3]. То есть, незаконно владея каким-либо имуществом или денежными средствами, нарушитель затрагивает целый комплекс нормативно-правовых норм, одними из которых являются гражданско-правовые. В рамках этих норм мы и рассмотрим правовое регулирование борьбы с незаконным владением, пользованием и распоряжением имущества и денежных средств.

Конечно, самой распространенной формой легализации является вывод денежных средств за границу. Решение данной проблемы предложили, как не странно, суды. На протяжении не менее двух лет законодатель искал способ борьбы с распространенной схемой вывода денежных средств за границу, ведь банки не могут отказать в операции по переводу клиенту, если решение принял суд, не разобравшись в схеме легализации. Так вот, чтобы суды изучали обстоятельства сделок, к таким делам начали привлекать сотрудников Росфинмониторинга. Объясним на примере, для чего необходимо данное привлечение. Существует, так называемая «Судебная схема» вывода денежных средств, по данной схеме две организации заключают между собой договор, какая-то из них не выполняет обязательства, а вторая обращается в суд с требованием

о возмещении долга. После того, как суд удовлетворяет требования, истец требует от банка перевести средства за рубеж, предоставляя исполнительный лист, по которому последний обязан выполнить требования. Что интересно, нарушителю это позволяет избежать налогов и других обязательных платежей.

Законодатель считает, что участие Росфинмониторинга или ФНС РФ поможет избежать и поборот такой способ отмывания денежных средств или другого иного имущества. Для этого, необходимо выявить критерии, которые укажут на незаконность сделки.

В 2013 году правительство внесло в Государственную Думу законодательный проект федерального закона о противодействии незаконным финансовым операциям, который бы увеличил средства по борьбе с незаконным отмыванием. Известно, что банки обязаны предоставлять налоговым органам информацию о любых действиях, связанных со счетом организации или ИП. Такими действиями являются — открытие, изменение или закрытие счета, а также банки должны сообщать о предоставлении или прекращении права организации или ИП использования электронных средств платежа. Если бы данный законопроект был бы принят, то банки бы сообщали и о всех операциях со счетами, проводимыми физическими лицами.

Приведенные выше средства борьбы с легализацией (отмывание) денежных средств или иного имущества помогли бы на уровне банков пресечь данное правонарушение.

Сейчас же, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 N 115-ФЗ (последняя редакция) говорит о следующих способах борьбы с незаконным приобретением денежных средств:

1. организация и осуществление внутреннего обязательного контроля;
2. запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, за исключением информирования клиентов о приостановлении операции, об отказе в выполнении распоряжения клиента о совершении операций, об отказе от заключения договора банковского счета (вклада), о необходимости предоставления документов по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом;
3. иные меры, принимаемые в соответствии с федеральными законами.

Такими иными мерами могут стать примеры, приведенные выше. По-нашему мнению, они бы могли помочь бороться с правонарушениями не хуже уже принятых мер.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации на законодательном уровне не до конца проработан момент с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества. Необходимо вно-

сить поправки в нормативно-правовые документы, рассматривать практику международного уровня. Ратифицировать международные соглашения по данному вопросу. Ведь проблема есть и большая, растущая в геометрической прогрессии. Необходимы усовершенствованные методы борьбы с преступностью, чтобы избежать данных правонарушений, влияющих на экономическую отрасль граждан и государства в целом.

Литература:

1. Европейская конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. (ETS N 14); Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма (СДСЕ № 198). Вступила в силу 1.05.2008 г.
2. «Грязные» деньги и мировой терроризм // Отмывание «грязных денег». Информационные и аналитические материалы. Вып. 1. — М., 2001. — с. 13
3. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 N 115-ФЗ (последняя редакция)
4. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019)

Свидетельский иммунитет в гражданском процессуальном праве

Моклокова Елизавета Юрьевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В соответствии с ч. 1 ст. 69 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) свидетель — лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. В рамках гражданского процесса свидетель обладает определенными правами и обязанностями. Однако особым элементом процессуального статуса свидетеля является его иммунитет.

Термин «свидетельский иммунитет» широко используется в юридической литературе, но отношение к нему неоднозначно. Авторы, формулируя понятие данному термину, трактуют его по-разному. Определения, указанные в Уголовном процессуальном кодексе и Конституции РФ, являются не совсем полными, поскольку свидетельский иммунитет не ограничивается случаями отказа от показаний против себя самого, своего супруга и близких родственников (ч. 1 ст. 51 Конституции РФ).

По поводу классификации свидетельского иммунитета также существует множество точек зрения. Например, А. Ю. Епихин предлагает делить свидетелей на воспользовавшихся иммунитетом в силу обязанности и оказавшихся от дачи показаний в силу имеющегося у него права. [1, с. 38]

В. П. Божьев, В. Г. Даев и другие авторы делят свидетелей на такие группы:

1) которых запрещено опрашивать в качестве свидетелей

2) которые вправе отказаться от дачи показаний или ответов на задаваемые вопросы.

В зависимости от объема показаний иммунитет можно подразделить на полный и частичный [2, с. 635]. Полное право отказа означает, что свидетель полностью может отказаться от дачи показаний по существу дела (например, иммунитет родственников). При частичном освобождении от дачи показаний свидетель может лишь по отдельным вопросам отказаться от свидетельства (например, по вопросам, составляющим тайну).

Существует также классификация относительно субъекта, к которому применяется свидетельский иммунитет: представительский, судебный, медиаторский, дипломатический, консульский, депутатский, родственный.

Выделяют также абсолютный (запрещается опрашивать некоторых лиц в качестве свидетелей) и относительный (право свидетеля отказаться от дачи показаний) свидетельские иммунитеты, в зависимости от волеизъявления лица, наделенного данным правом.

Свидетельский иммунитет имеет место не только в российском законодательстве, но и в зарубежном, где он раскрывается наиболее полно. Так, например, Д. И. Крымский в своей работе [3, с. 76] провел сравнение иммунитета в России и Германии, отметив, что по Германскому процессуальному уложению отказаться от дачи показаний могут не только законные супруги, но также и те, кто состоит в фактических брачных отношениях. ГПК РФ данной нормы не предусматривает, однако, в связи с тем, что в России

фактические брачные отношения широко распространены, введение такой нормы в законодательство было бы не лишним.

Кроме того, ГПК Белоруссии предусматривает норму, по которой лица, неспособные в силу физических либо психических недостатков правильно воспринимать факты и давать о них правильные показания, не могут быть свидетелями. [4, ст. 92]

По ГПК Молдовы не могут допрашивать врачей и лиц, которые своими показаниями могут обеспечить себя или создать угрозу административного или уголовного преследования для самих себя или для лиц, состоящих с ними в родственных или брачных отношениях. [5, ст. 133]

В ГПК Латвии установлено ограничение для детей, не достигших семилетнего возраста, которые не могут давать показания.

В отличие от данных кодексов, ГПК РФ перечисляет довольно узкий круг лиц, обладающих правом отказа от дачи показаний. И на основе этого можно сказать, что отечественное регулирование института свидетельского иммунитета отстает от современности и не отражает многих важных деталей, поэтому необходимость расширить данный круг лиц является вполне обоснованной.

Таким образом, классификация свидетельского иммунитета необходима не только с точки зрения развития научных знаний о нем, но носит и практический прикладной характер, так как позволяет установить место свидетельского иммунитета в системе права. А это в свою очередь позволяет увидеть недостатки регулирования отдельных видов правоотношений. Поэтому я считаю целесообразным дальнейшее совершенствование института свидетельского иммунитета и закрепление в ГПК соответствующих норм.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации
2. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
4. Гражданское процессуальное уложение Германии
5. Гражданский процессуальный закон Латвии
6. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь
7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова
8. Волков, О. В. Свидетельский иммунитет в гражданском процессе и его проблематика. Молодой ученый. 2016
9. Волосова, Н. Ю. Понятие и правовая сущность свидетельского иммунитета. Вестник Оренбургского государственного университета. 2009
10. Волосова, Н. Ю. Классификация и виды свидетельского иммунитета. Вестник Оренбургского государственного университета. 2010
11. Волосова, Н. Ю. Эволюция положений свидетельского иммунитета в законодательстве зарубежных стран. Вестник Оренбургского государственного университета. 2012
12. Епихин, А. Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе. Дисс...канд. Юр. наук. М., 1995. с. 38
13. Исаенков, А. А. Свидетельский иммунитет в российском гражданском процессе. Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015
14. Крымский, Д. И. Свидетельские показания в гражданском процессе России и Германии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2008
15. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. Издательство НОРМА. Москва, 2007
16. Силина, Е. В., Колесникова М. М. Вопросы реализации свидетельского иммунитета в гражданском процессе. Ленинградский юридический журнал. 2016
17. Хромых, Ю. В. Понятие и виды свидетельского иммунитета. Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015
18. Епихин, А. Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе. Дисс...канд. Юр. наук. М., 1995. с. 38
19. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. Издательство НОРМА. Москва, 2007
20. Крымский, Д. И. Свидетельские показания в гражданском процессе России и Германии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2008
21. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь. Ст. 92.
22. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова. Ст. 133.

Уголовно-правовой анализ оставления в опасности

Оспан Айсулу Кудайбердыкызы, студент магистратуры;
Бакишев Кайрат Алиханович, доктор юридических наук, профессор
Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза (Казахстан)

В статье проводится подробный уголовно-правовой анализ понятия оставления в опасности. Производится подробный разбор оставления в опасности по составу. Производится анализ объективных и субъективных признаков деяния. Приводятся практические примеры.

Ключевые слова: оставление в опасности, неоказание помощи, преступное бездействие, заведомое оставление без помощи.

Актуальность темы исследования. Согласно Конституции, человек и его жизнь являются высшими ценностями Республики Казахстан, что порождает необходимость их правовой защиты [1, с. 1]. Нарушение прав и законных интересов личности зачастую влечет за собой совершение преступного посягательства в отношении жизни и здоровья человека, что подрывает целостность и устойчивость любого цивилизованного общества. Поэтому очень важным шагом является обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина путем принятия мер для защиты лиц от подобных посягательств и предупреждения и предотвращения последних. Особенно это касается лиц, которые в силу различных обстоятельств (болезнь, малолетство, старость и т. д.) лишены возможности принять меры к самосохранению и самозащите. Обеспечение жизненно важных потребностей и интересов лиц, относящихся к категории беспомощных, выступает одной из важнейших задач социальной политики любой страны. Тем не менее, оно невозможно без активного участия в этом всех членов общества. На данный момент эта задача реализуется через систему отношений, в которых как на государство, так и на граждан возлагаются определенные обязанности по оказанию помощи людям, оказавшимся в опасном для жизни и здоровья состоянии, и налагаются определенные санкции за их невыполнение. Иначе говоря, эта задача реализуется через уголовно-правовые отношения.

Уголовным Кодексом РК закреплено несколько видов уголовных правонарушений, связанных с неоказанием помощи беспомощному лицу: оставление в опасности (ст. 119 УК РК), неоказание помощи больному (ст. 320 УК), оставление места дорожно-транспортного происшествия, неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие (ст. 357 УК РК) и др.

Исследование проводилось по уголовному правонарушению, предусмотренного 119 статьей УК РК (Оставление в опасности), следовательно, в работе пойдет речь именно о данном виде уголовных правонарушений.

Целью исследования является: рассмотрение сущности, признаков и состава оставления в опасности.

В качестве проблемного момента авторы рассматривают отсутствие полноценных научных исследований по вопросу оставления в опасности именно на территории

Республики Казахстан и хотели бы предложить несколько рекомендаций для исправления этой проблемы.

Понятие оставления в опасности менялось на протяжении всей истории развития уголовно-правовой нормы о данном деянии. На сегодняшний день, Уголовным Кодексом Республики Казахстан закреплено следующее определение «Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу или был обязан заботиться об этом лице либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние» [2, с. 119].

Объектом данного уголовного правонарушения являются жизнь и здоровье человека, находящегося в серьезной опасности, который не в состоянии проявить заботу о себе и принять меры к самосохранению [3, с. 125]

С объективной стороны это преступление характеризуется бездействием, т. е. невыполнением необходимых действий по оказанию помощи лицу, которое находится в опасном для жизни и здоровья состоянии. Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние [2, с. 119].

Исходя из этого, мы уже можем определить признаки объективной стороны данного уголовного правонарушения.

а) потерпевший должен находиться в опасном для жизни и здоровья состоянии;

б) он должен быть лишен возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния;

в) виновный должен иметь возможность оказать помощь и быть обязанным заботиться о пострадавшем (родственные отношения, в силу профессии или деятельности);

г) виновный должен сам поставить потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние (например, увлек в опасный поход) [4, с. 119].

Первым признаком деяния является пребывание потерпевшего в опасном для жизни и здоровья состоянии, что означает наличие реальной угрозы наступления смерти или причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Опасное состояние для жизни и здоровья потерпевшего может быть вызвано какими-то независимыми от виновного причинами: ухудшение состояния здоровья, обморочное состояние, стихийное бедствие — например пожар, ураган, и т. п. Но оно может быть также результатом предшествующих действий виновного, поставившего потерпевшего в опасное для его жизни и здоровья состояние. Другими словами, опасная для жизни и здоровья потерпевшего ситуация может создаться как сама по себе, так и поведением виновного. При этом бездействие виновного выражается в том, что он оставляет потерпевшего без помощи [5, с. 60].

Второй признак — потерпевший должен быть лишен возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния. Почему же считается, что вследствие малолетства, старости, болезни или иного беспомощного состояния человек не имеет возможности принять меры к самосохранению? Для ответа на этот вопрос необходимо разобрать каждую разновидность беспомощного состояния.

Малолетство — т. е. детский (отроческий) возрастной период человека. Под малолетними подразумеваются несовершеннолетние лица, не достигшие четырнадцатилетнего возраста. [6, с. 120]. Почему же малолетние не могут позаботиться о себе? Приведем пример. Мать оставляет своего малолетнего (скажем, лет трех) ребенка на улице в мороз и не возвращается за ним. В результате переохлаждения он умирает. Какие отсюда можно сделать выводы? Ребенок был слишком мал, чтобы предпринять какие-либо меры для своего спасения, и поэтому он скончался. Т. е. малолетство можно назвать разновидностью беспомощного состояния.

Старость — возрастной период жизни человека, ее заключительная фаза, характер и время наступления которой обуславливаются биологическим процессом возрастных изменений организма человека, который начинается до наступления старости и неизбежно приводит к постепенно нарастающему ограничению приспособительных возможностей организма и (как следствие этого) к увеличению вероятности смерти [7, 177]. В данном случае, можно сказать, что именно ограничение приспособительных возможностей человека, вызванных старением, обуславливает возникновение беспомощного состояния. Пример: гражданин А оставил дома свою мать, которая была уже в преклонном возрасте и нуждалась в уходе. Он ушел гулять, зная, что мать не способна о себе позаботиться о себе и ей нужен был уход. По возвращении домой он обнаружил, что мать скончалась. Выводы? В силу преклонного возраста, мать виновного не могла позаботиться о себе и нуждалась в уходе. Т. к. гражданин А ушел, не позаботившись о том, чтобы обеспечить мать уходом (например, найти сиделку) его мать оказалась

в опасном для жизни и здоровья состоянии и скончалась. Таким образом, старость — это также одна из разновидностей беспомощности.

Болезнь — в медицине любое отклонение от нормы здоровья, сопровождающееся ухудшением функций тела в целом либо одной или нескольких его частей. Болезнь может быть острой (резко выраженные симптомы проявляются на короткое время), хронической [8, с. 45].

Болезнь является причиной ухудшения состояния организма, эти ухудшения могут влиять на организм совсем незначительно, но могут быть и довольно внушительными. Болезнь может сильно подорвать как физическое, так и душевное здоровье, и она соответственно может вызвать состояние беспомощности. Например, у человека сильная лихорадка, и он не в состоянии как-то сам себе помочь, но помощь ему необходима, и таким образом он оказывается в опасном для жизни и здоровья состоянии, а если рядом присутствующий человек, например, не зовет врача, хотя такая возможность имелась бы, то тогда уже имело бы место быть оставление в опасности. Конечно, это не единственные разновидности беспомощного состояния. К иным видам беспомощного состояния можно отнести: беспомощность вследствие алкогольного опьянения, беспомощность, возникшая вследствие сильного испуга, шока; беспомощность, вызванная несчастным случаем, каким-либо стихийным бедствием и т. д.

Третий признак: виновный должен иметь возможность оказать помощь и быть обязанным заботиться о пострадавшем. Например, случай, если человек тонул, мимо проходили люди, которые видели это, у которых была возможность оказать помощь (например, вызвать спасателей, попытаться самим спасти его, в случае, если они сами умели плавать и т. д.), но при этом они не приняли никаких мер для его спасения, то тогда бы имело место оставление в опасности. Если говорить об обязанности заботиться о пострадавшем, здесь снова можно привести пример с матерью, оставившего своего малолетнего ребенка на улице в мороз. Т. к. она мать этого ребенка, то она должна заботиться о нем в силу естественных причин и в силу закона.

Четвертый признак: виновный сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние. Пример: двое мужчин сильно поссорились, затем вступили в драку. Один из них сильно ударил другого мужчину, в результате чего последний упал на землю и потерял сознание. Ударивший его мужчина, ушел и не принял никаких мер для оказания помощи и таким образом совершил оставление в опасности.

Состав деяния следует считать оконченным с момента невыполнения обязанностей по оказанию помощи потерпевшему, независимо от наступления вредных последствий. Однако, если лицо примет меры к своевременному сообщению в соответствующие инстанции о необходимости оказания помощи, то состав преступления отсутствует [4, с. 119].

Общественная опасность данного вида уголовного правонарушения прежде всего обусловлена физическими

особенностями потерпевшего. Им является лицо, особенно нуждающееся в помощи (малолетний, престарелый, больной, беспомощный), поскольку потерпевший в силу указанных обстоятельств сам не в состоянии спасти себя от причинения вреда здоровью или жизни [3, с. 125].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, т. е. виновный осознает, что он обязан и имеет реальную возможность оказать соответствующую помощь лицу, находящемуся в заведомо опасном для жизни и здоровья состоянии, и сознательно уклоняется от оказания помощи [4, с. 119].

Мотивы могут быть различными: равнодушие, трусость и др.

Субъект преступления — физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста и обязанное проявить заботу о лице, находящемся в заведомо опасном для жизни и здоровья состоянии. [4, с. 119].

Таким образом, был проведен уголовно-правовой анализ такого уголовного правонарушения как оставление в опасности. Деяние было подробно разобрано по составу,

были приведены практические примеры для понимания сущности данного уголовного правонарушения.

На сегодняшний день, наблюдается отсутствие полноценных исследований по вопросу оставления в опасности именно на территории РК. Все значительные диссертационные исследования, монографии, статьи были подготовлены и выпущены за рубежом. Поэтому мы хотели бы внести некоторые предложения для улучшения данной ситуации:

— во-первых, необходимо заниматься научной пропагандой по вопросам об уголовных правонарушениях против личности в целом, и по вопросам оставления в опасности в частности;

— стимулировать студентов, магистрантов, докторантов, преподавателей к проведению научных исследований по данному вопросу;

— проводить больше научных конференций, круглых столов и иных мероприятий, посвященных уголовному праву, в особенности по мало затронутым ранее вопросам;

— привлекать зарубежных специалистов в области уголовного права в ВУЗы РК.

Литература:

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.)
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.01.2019 г.)
3. А. В. Наумов «Уголовное право. Курс лекций. Особенная часть.» 2 том, М.: Юридическая литература, 832 с.]
4. Борчашвили, И. — Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан (Особенная часть) 2015
5. Рарога, А. И.. Уголовное право: В 2-х т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. — М.: Профобразование. 2001. 872 с.. 2001
6. Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. 2003
7. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. — Ростов-на-Дону. Б. Б. Прохоров. Часть 22005
8. Научно-технический энциклопедический словарь 5784 слов Крылов 2001г Санкт Петербург

Порядок и способы заключения договоров в гражданском праве

Петраченко Андрей Юрьевич, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Роль договора в современном обществе неоспорима: он регулирует гражданско-правовые отношения в сфере создания, движения и распределения материальных и нематериальных благ, таких как предоставление услуг, передачи вещей, денег и т. д.

Постоянное применение договоров на протяжении многих веков объясняется тем, что договор является наиболее гибкой правовой формой, в которой отражены общественные отношения. Помимо обычного применения договора в таких сферах, как обмен материальной выгодой между физическими и юридическими лицами, договор как инструмент правового регулирования в настоящее время достаточно часто применяется и в других сферах обще-

ственных отношений, которые регулируются административно-правовыми методами [8].

Участники гражданского оборота имеют возможность быть активными благодаря наличию договора, который обеспечивает наиболее надежное правовое регулирование возникающих общественных отношений. В процессе изменения своего социально-экономического содержания в связи с развитием общества, договор, однако, не утратил своей конструкции. Основное значение договора заключается в правовом регулировании поведения участников общественных отношений, разграничении пределов их возможного и должного поведения, с указанием ответственности в случае выхода за указанные пределы [4].

Регуляция договорных отношений Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) осуществляется с опорой на принцип свободы договора, являющегося, по сути, совокупностью правомочий.

Данная свобода выражается в целом ряде аспектов. Во-первых, в праве принимать самостоятельное решение о вступлении или невступлении в договор и, как правило, в отсутствии возможности понудить контрагента к заключению договора. Во-вторых, стороны получают право на широкое усмотрение при определении его условий. В-третьих, участник обладает правом свободно выбрать контрагента договора. В-четвертых, свобода выражается в праве заключения как предусмотренных ГК РФ, так и не поименованных в нем договоров. В-пятых, участники обладают правом выбора вида договора и заключения смешанного договора (ст. 421 ГК РФ).

Кроме того, свобода договора выражается в праве сторон договора выбора его формы, их возможности в любое время своим соглашением изменения или расторжения договора; праве выбора способа обеспечения исполнения договора и т. д. Отметим, что указанные выше правомочия в своем большинстве предоставляются участниками гражданских правоотношений только на стадии заключения договора. Именно поэтому процедура заключения договора обладает исключительным значением.

Однако не только принцип свободы договора определяет значение процесса заключения договоров в гражданском праве. Большая роль принадлежит процессу заключения договора и моменту в контексте прав и обязанностей сторон договора, а также всего договорного правоотношения в целом [9].

Процесс заключения договора подразумевает моделирование его участниками идеального образа правоотношений, которые предполагается создать в результате заключения договора. В этой связи от тщательности проработки, аккуратности составления условий заключаемого договора зависит достижение правовой цели, которую ставят стороны договора при его заключении.

Действующее законодательство сохранило большую часть норм, применяющихся для регулирования заключения договоров в Гражданских кодексах РСФСР 1922 и 1964 годов. В то же время в ГК РФ появились и положения, которые ранее не встречались в отечественном законодательстве. В частности, в Раздел III «Общая часть обязательственного права» включены такие нормы, как публичный договор (ст. 426), предварительный договор (ст. 429), заключение договоров в обязательном порядке (ст. 445), заключение договоров на торгах (ст. 447–449) [2] и т. д.

Кроме того, в целях обеспечения единства практики применения судами законодательства о заключении и толковании договора Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», в

Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [7] дает разъяснения по вопросам заключения договоров, в том числе: публичных, предварительных, рамочных, абонентских, порядка заверения об обстоятельствах, заключения договора в судебном порядке и др. Так, например, разъяснение расширяет понимание того, что относится к существенным условиям (абзац второй пункт 1 статьи 432 ГК РФ). Суд считает, что существенными также являются все условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, даже если такое условие восполнялось бы диспозитивной нормой. К примеру, если в ходе переговоров одной из сторон предложено условие о цене или заявлено о необходимости ее согласовать, то такое условие является существенным для этого договора (пункт 1 статьи 432 ГК РФ). В таком случае отсутствие согласия по условию о цене или порядке ее определения не может быть восполнено по правилу пункта 3 статьи 424 ГК РФ и договор не считается заключенным до тех пор, пока стороны не согласуют названное условие, или сторона, предложившая условие о цене или заявившая о ее согласовании, не откажется от своего предложения, или такой отказ не будет следовать из поведения указанной стороны. Также, например, несоблюдение требований к форме договора при достижении сторонами соглашения по всем существенным условиям не свидетельствует о том, что договор не был заключен. В этом случае последствия несоблюдения формы договора определяются в соответствии со специальными правилами о последствиях несоблюдения формы отдельных видов договоров, а при их отсутствии — общими правилами о последствиях несоблюдения формы договора и формы сделки (статья 162, пункт 3 статьи 163, статья 165 ГК РФ). Так, при несоблюдении требования о письменной форме договора доверительного управления движимым имуществом такой договор является недействительным (пункты 1 и 3 статьи 1017 ГК РФ). В то же время согласно пункту 1 статьи 609 ГК РФ договор аренды движимого имущества на срок более года, а если хотя бы одной из сторон договора является юридическое лицо, независимо от срока, должен быть заключен в письменной форме, при несоблюдении которой стороны не вправе ссылаться на свидетельские показания в подтверждение договора и его условий (пункт 1 статьи 162 ГК РФ) [3]. А в случае, когда в соответствии с пунктом 2 статьи 433 ГК РФ договор считается заключенным с момента передачи соответствующего имущества (реальный договор), следует учитывать, что это обстоятельство не освобождает стороны от обязанности действовать добросовестно при ведении переговоров о заключении такого договора. К переговорам о заключении реального договора в том числе подлежат применению правила статьи 434 ГК РФ. В частности, если в результате переговоров реальный договор не был заключен, сторона, которая

недобросовестно вела или прервала их, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки (пункт 3 статьи 434 ГК РФ). По смыслу пункта 3 статьи 433 ГК РФ в отношении третьих лиц договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом. В отсутствие государственной регистрации такой договор не влечет юридических последствий для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении. Момент заключения такого договора в отношении его сторон определяется по правилам пунктов 1 и 2 статьи 433 ГК РФ. Например, арендатор здания по подлежащему государственной регистрации, но не зарегистрированному договору аренды не может ссылаться на его сохранение при изменении собственника (статья 617 ГК РФ), если новый собственник в момент заключения договора, направленного на приобретение этого здания (например, договора продажи этого здания), не знал и не должен был знать о существовании незарегистрированного договора аренды [7].

Сказанное позволяет констатировать, что исходя из существующей практики применения договора как механизма правового регулирования, законодательного закрепления значимости договора, постоянного появления новых правовых норм, исключительную актуальность имеет вопрос изучения специфики заключения договора.

Договор как правовое явление служит главной формой организации и регулирования имущественных отношений между равными и самостоятельными партнерами. В целом, проведенный правовой анализ различных подходов к пониманию гражданско-правового договора свидетельствует о том, что договор является комплексным понятием, включающим в себя понимание договора в качестве соглашения, договорного обязательства, документа.

Содержимое договора как соглашения образует ряд согласованных его сторонами условий, в которых фиксируются права и обязанности контрагентов, образующие содержание договорного обязательства.

Важнейшей, неперменной составляющей гражданско-правовых договоров является условие договора. Условия договора подразделяются на случайные, обычные, существенные.

Сторонам следует согласовать существенные стороны при заключении договора. Юридические лица, государственные образования, физические лица, согласно законодательству РФ, могут быть сторонами договора.

В обязательном порядке необходимо обозначить в договоре варианты решения споров, которые могут возникнуть, а также обязанности, права сторон. Это минимизирует риски, которые может понести та или иная сторона от заключения договора, поэтому важно соблюдать ясность и прозрачность при обозначении предмета договора, прав и обязанностей сторон [5].

Важно обозначить время вступления в силу договора, поскольку при отсутствии информации о сроках договора договор считается заключенным в день его подписания.

Главным правилом договорного права является твердость договора. В нем выражается установленное со времен римского права правило: договоры быть исполнены. Заключение договора предполагает реализацию оферты и акцепта как двух его обязательных стадий [1].

В процессе исследования были изучены особенности заключения договора в обязательном порядке. Было установлено, что данный аспект касается случаев: заключения публичного договора, заключения договора банковского вклада, заключения договора субъектами естественных монополий, предприятиями, выполняющими государственные оборонный заказ, заключения государственного контракта с поставщиками-лидерами по поставке товара, поставщиками-лидерами на рынке.

Отдельное место занимает заключение договора на торгах, получившее довольно обширное распространение. Основа этого способа заключения договора заключается в том, что договор заключается с тем, кто выиграет торги [6].

Данный пробел рекомендуется ликвидировать не благодаря введению новых форм торгов, а благодаря совершенствованию положений об аукционе и конкурсе.

Законодатель предусматривает возможные пути расторжения договоров, в числе которых: соглашение сторон, требование одной из сторон, решение суда, значительное нарушение договора другой стороной, а также другие ситуации, предусмотренные ГК и другими актами законодательства или договором.

Анализ ГК РФ позволяет заключить, что Законодателем предусмотрено наличие специального, «страховочного» механизма для юридических лиц, который можно «запустить» в случае, если подписания договора с контрагентом в связи с независящими от них обстоятельствами они теряют все выгоды, на которые было направлено подписание договора. При наступлении таких ситуаций, согласно п. 1 ст. 451 ГК РФ сторона, чьи интересы пострадали от наступивших изменений, может в судебном порядке расторгнуть или изменить договор.

Отметим, что некоторые компании воспринимают данную норму в качестве возможности для пересмотра невыгодных условий соглашений или исправления ошибок, допущенных при заключении договора, и, обращаясь с исками в суд, проигрывают спор. Дело в том, что необходимо подтвердить наличие всех требуемых законом условий. Перечень этих условий указан в ст. 451 ГК РФ и считается закрытым.

Важно отметить, что заключение договора должно предшествовать существенному изменению обстоятельств, при этом сторонами договора не должно осуществляться содействие наступления изменения.

Гражданско-правовой договор — это комплексное, многоплановое понятие, которое включает в себя множество юридических аспектов. Базовыми вопросами данного понятия является заключение, изменение и расторжение, изучение которых необходимо в тесной взаимосвязи и единстве.

В заключение хотелось бы дать несколько рекомендаций по исключению представленных выше проблем:

1. Внести изменения в п. 6 ст. 448 ГК РФ о передаче обязанности организатору торгов, действующему от своего имени, быть стороной договора, а не осуществлять только обязанности по организации и ведению торгов.

2. Внести изменения в Федеральный закон от 5 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» о том, что протокол об итогах торгов обязан быть подписан не в день проведения

конкурса или аукциона. Более разумно было бы рассчитать возможность подписания конечного документа с победителем не обязательно в день подведения результатов торгов, но и в другой срок, который был заранее указан в оповещении о проведении торгов, с учетом специфики и сложности торгов.

3. Внести изменения в п. 5 ст. 488, в котором присутствует императивность нормы о задатке, как форме обеспечения исполнения обязательств по заключению договора, и рассчитана возможность применения объективной гарантии.

Литература:

1. Актуальные проблемы гражданского права: монография. / Под ред. Р.В. Шагиевой и Н.Н. Косаренко. — М.: РААН, 2017. — 194 с.
2. Вронская, М. В. Гражданское право: учебник / М. В. Вронская. — М.: Юстиция, 2018. — 408 с.
3. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгалов. Т. 2. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — 543 с.
4. Договорное право: учебник / под общ. ред. Р. А. Курбанова, А. М. Эрделевского. — М.: Проспект, 2018. — 144 с.
5. Иванова, Е. В. Договорное право. В 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / Е. В. Иванова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 186 с.
6. Костина, Т. В. Актуальные проблемы, связанные с проведением торгов при поставке товаров, выполнении работ и оказании услуг для государственных нужд // Молодой ученый. — 2018. — № 3. — с. 126–129.
7. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/
8. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В. С. Нерсесянца. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 813 с.
9. Савельев, А. И., Карапетов, А. Г. Свобода договора и ее пределы. В 2 томах Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. — М. Статут, 2012. — 573 с.

Правовые проблемы защиты экологических прав коренных малочисленных народов

Полякова Софья Сергеевна, студент;

Чупрова Елена Сергеевна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье рассматриваются правовые аспекты защиты экологических прав коренных малочисленных народов России. Акцентируется внимание на наиболее значимых проблемах: взаимоотношениях между хозяйствующими субъектами и коренными малочисленными народами, возмещении убытков, причиненных им в результате хозяйственной деятельности. Формулируется вывод о целесообразности внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: защита экологических прав, традиционное природопользование, коренные малочисленные народы.

Одним из приоритетных направлений деятельности государства является защита экологических прав человека и гражданина. В международных стандартах неоднократно подчеркивалось, что государствам следует

принимать все возможные меры для предотвращения загрязнения окружающей среды [1]. Что касается национального законодательства, то согласно статье 42 Конституции РФ [2] гражданам гарантируется право на

благоприятную окружающую среду, в том числе право на возмещение ущерба, причиненного экологическими правонарушениями.

Значительная часть природных ресурсов, которыми так богата Россия, расположена именно на территориях проживания коренных малочисленных народов. Однако, именно в силу традиционных форм хозяйствования эти народы постепенно приближаются к грани исчезновения. На IV съезде коренных малочисленных народов отмечалось, что в таком положении оказались 12 из 40 малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [3, с. 9].

По мнению профессора Кряжкова В. А., коренные малочисленные народы — это разновидность коренных народов и особая группа национальных меньшинств [4, с. 23]. Природа для коренных малочисленных народов является ресурсом для обеспечения их жизни, средой их обитания.

Основным специальным законом, регулирующим экологические права коренных малочисленных народов, является Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» [5]. В статье 8 закона указывается, что малочисленные народы в целях защиты их исконной среды обитания имеют право на безвозмездной основе пользоваться землями различных категорий, а также общераспространёнными полезными ископаемыми в местах традиционного проживания. Кроме того, коренные малочисленные народы имеют право участвовать в осуществлении контроля за использованием земель, право на возмещение убытков, которые возникли в результате нанесения ущерба исконной среде обитания хозяйствующими субъектами.

Территории традиционного природопользования имеют статус особо охраняемых территорий, приобретаемый при установлении в акте Правительства РФ, органов субъекта РФ [6]. Основанием установления особого правового режима территорий традиционного пользования является неразрывная связь коренных народов с окружающей природой, с качеством и количеством возобновляемых ресурсов [7].

Несмотря на большое количество нормативных правовых актов, направленных на защиту прав коренных малочисленных народов недостаточно урегулированным остается вопрос возмещения убытков причиненных им в результате хозяйственной деятельности организаций. Федеральное законодательство не предусматривает действенных мер для юридических лиц, оказывающих антропогенное воздействие и причиняющих вред традиционным местам обитания коренных малочисленных народов. При законодательном регулировании прав приоритет отдан публичным интересам в сфере экономического развития, что в свою очередь, ущемляет частные интересы коренных малочисленных народов.

Необходимо отметить, что специфичными являются взаимоотношения между хозяйствующими субъектами,

осваивающими природные ресурсы, и коренными малочисленными народами. Этническое самоопределение народов напрямую связано с традиционным природопользованием, традиционным образом жизни, которые подвергаются большим видоизменениям при масштабном освоении природных ресурсов их территорий. Поэтому не редкими являются конфликты между недропользователями и коренными малочисленными народами.

Например, в Ханты-Мансийском автономном округе расположено священное для малочисленных народов Севера озеро — Имлор. В 2011 году на озере начала свою работу нефтедобывающая компания «Сургутнефтегаз» [8]. Деятельность компании по мнению «Гринпис» негативно сказывается на окружающей среде. Местные жители были недовольны решением власти о передаче озер хозяйствующему субъекту и стали выступать в их защиту, вследствие чего на представителя коренных малочисленных народов Сергея Кечимова было заведено уголовное дело.

Предполагается, что в случае изъятия земель, принадлежащих коренным малочисленным народам, им должна быть предоставлена компенсация в форме земель, территорий и ресурсов, равноценных по своему качеству, размеру и статусу, или в виде денежной компенсации или другого соответствующего возмещения [9]. Это связано с тем, что признается большая и традиционная зависимость многих местных общин и коренного населения, являющихся хранителями традиционного образа жизни, от биологических ресурсов и определенных территорий [10].

В связи с этим, необходимо предусмотреть в законодательстве процедуру получения согласия коренных малочисленных народов на промышленную деятельность в местах их постоянного обитания. Подобная практика прослеживается в международном законодательстве. Так, в Канаде применяется процедура соглашений о разработке недр и добыче полезных ископаемых [11]. Прежде чем начать подобного рода разработку, государство в лице представительных органов власти, а также добывающие компании согласовывают свою деятельность с народами, традиционно ведущими промысел и проживающими на данных территориях.

Таким образом, несмотря на определенные положительные тенденции в сфере защиты экологических прав коренных малочисленных народов все еще остается значительный перечень неурегулированных вопросов, требующих скорейшего разрешения. Очевидно, что исконные территории коренных малочисленных народов являются основой их жизнедеятельности. Сохранение в России малочисленных этносов в большей мере зависит от создания соответствующих условий реализации прав таких народов. При освоении территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов для решения экономических задач в первую очередь должны решаться задачи сохранения благоприятной окружающей среды для достойного существования народов.

Литература:

1. Конвенция о биологическом разнообразии: принята 5 июня 1992 года // Собрание Законодательства Российской Федерации от 6 мая 1996 года № 19, ст. 2254.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398
3. Зеленый мир. — 2002. — № 15–16.
4. Кряжков, В. А. Право на родной язык: на примере малочисленных народов Севера // Российский юридический журнал. — 2007. — № 1.
5. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Российская газета, N 90, 12.05.1999.
6. Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Российская газета, № 88, 11.05.2001.
7. Транин, А. А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов российского Крайнего Севера (проблемы и перспективы): монография. М.: ИГП РАН, 2010. // URL: <http://www.igpran.ru/public/articles/2973/> (дата обращения: от 24 февраля 2019 года).
8. Статья «Охота на уголья» // URL: <https://rg.ru/2015/11/19/reg-urfo/ugodia.html> (дата обращения: от 24.02.2019 года).
9. Резолюция № 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» (Принята в г. Нью-Йорке 13.09.2007 на 107-ом пленарном заседании 61-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.
10. Конвенция о биологическом разнообразии: принята 5 июня 1992 года // Собрание Законодательства Российской Федерации от 6 мая 1996 года № 19, ст. 2254.
11. Правовое положение и организации коренных народов Канады. // URL: <http://www.suri.ee/muud/kama.html> (дата обращения: от 24.02.2019).

Полномочия президента РФ в области обороны

Попова Татьяна Владимировна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

Оборона своей территории является основой деятельности любого государства. Вооруженные Силы Российской Федерации являются гарантом государственного су-

веренитета и самостоятельного международного статуса. В международной практике полномочия руководителя страны в области обороны зависят от двух факторов [2] (рис. 1).

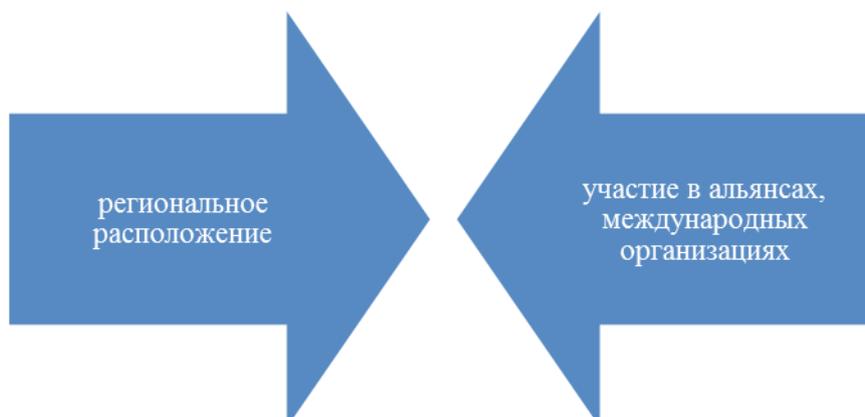

Рис. 1. Факторы, влияющие на полномочия руководителя страны в области обороны

Сегодня деятельность Президента РФ в области обороны определяет Конституция Российской Федерации и Законом «Об обороне» [1]. Они содержат основополагающие нормы, которые определяют направления, в которых действует глава государства.

Закон «Об обороне» в п. 1 ст. 4 определяет, что Президент Российской Федерации является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации. В своей деятельности он определяет военную политику Российской Федерации, утверждает военную доктрину Российской Федерации, План обороны Российской Федерации и Положение о военном планировании в Российской Федерации.

Сегодня глобальные угрозы сместились в информационное пространство, что привело к оборонительному характеру, утвержденной до 2020 военной доктрины России.

Согласно ее Президент должен не только контролировать действия военных сил, но и учитывать современные, ранее не существовавшие угрозы. Например, актуальными являются такие проблемы как угроза создания протестных настроений населения, спровоцированных и финансируемых извне, то есть иностранными силами. Руководитель страны принимая решения, связанные с гражданским обществом, на самом деле реализует свои обязанности в области обороны.

В современной российской политике неизменными остались принципы применения ядерного оружия: только в качестве ответного удара, если под угрозу поставлено существование государства. Но в то же время появилось понятие «неядерное сдерживание», под которым подразумевается снижение агрессии против нашей страны без использования оружия массового поражения (рис. 2).

Рис. 2. Гарантии неядерного сдерживания

Президент Российской Федерации имеет право:

- объявить общую или частичную мобилизацию;
- ввести военное положение.

Все перечисленные действия Президент России может вводить в случае появления следующих угроз:

- вторжение или нападение вооруженных сил иностранного государства,
- военная оккупация любой территории России,
- бомбардировка,
- блокада портов или берегов,
- нападение на вооруженные силы России в любом месте,
- засылка иностранным государством или от имени иностранного государства вооруженных сил или наемников, которые применяют силу против российских военных,
- объявление войны России.

Военное положение в России вводится указом президента, о котором он сообщает Совету Федерации и Госдуме. Конечно, военное положение может быть отменено, но для этого Указ Совета Федерации (который он утверждает в течение 48 часов), не набирает больше половины голосов от списочного состава.

К полномочиям президента в области обороны можно отнести также такие действия, как привлечение Вооруженных Сил к выполнению задач с использованием вооружения не по их предназначению, что связано, в первую очередь с особенностью возникающих проблем и задач, которые требуют специфических знаний и умений. Это, в первую очередь, задачи гражданской обороны.

Президент РФ Федерации непосредственно утверждает многие планы, которые напрямую управляют деятельностью Вооруженных Сил. К ним можно отнести, такие как, например, план мероприятий, выполняемых в Российской Федерации при нарастании угрозы агрессии против РФ до объявления мобилизации в стране; непосредственно сам мобилизационный план, план перевода РФ на условия военного времени, план гражданской обороны и защиты населения и многие другие. Кроме различных планов, которые определяют действия Вооруженных Сил, Президент РФ утверждает программы ядерных и других специальных испытаний и санкционирует проведение указанных испытаний [1].

Только с согласования с Президентом РФ происходит дислокация и передислокация Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований от соединения и выше, а также утверждает общевоинские

уставы, Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и т. п.

Сложно перечислить все действия в области обороны, ответственность за которые несет ответственность руководитель государства, начиная от назначения высшего командования и заканчивая присвоением высших воинских званий, но важнее всего является то, что Президент формирует и руководит Советом Безопасности, а также отдельными министерствами и ведомствами, которые непосредственно участвуют в обороне государства.

Литература:

1. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (последние изменения от 3 августа 2018 г. № 309-ФЗ) // ИПП Гарант
2. Вербицкая, Т. В. Глава государства как субъект обеспечения обороны // Армия и общество. — 2014. — № 1. — с. с. 15–24.
3. Ковалев, А. А. Военные полномочия Президента России // Молодой ученый. — 2016. — № 15. — с. 352–355.

Искусственный интеллект: возможности и необходимость его уголовно-правовой охраны

Сокова Александра Андреевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В последние годы актуальной становится проблема определения правового статуса искусственного интеллекта (роботов). Ученые множества стран дискутируют по поводу законодательной регламентации данного вопроса.

Недавно правительство Европарламента одобрило инициативу ввести роботов в правовое поле и придать им статус юридических лиц. Роботы смогут от своего имени быть истцами и ответчиками в суде [3]. Однако придание статуса искусственному интеллекту может повлечь самые неожиданные последствия. Какими они могут быть, и кто будет отвечать за эти последствия в рамках уголовного права, и предстоит решить в данной работе.

При ответе на эти вопросы необходимо отметить, что глобальной проблемой является полное отсутствие в России нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта. Заниматься исследованиями в данной сфере необходимо и потому, что в марте 2019 года компания Microsoft признала Россию лидером по внедрению технологий искусственного интеллекта [13]. В свою очередь Президент поручил Федеральному собранию разработать программу развития искусственного интеллекта до 2022 года [10]. Многие российские компании активно занимаются внедрением результатов достижения научного прогресса в области робототехники в свое производство. Зарубежные страны также активно начинают разрабатывать материал по вопросам правового регулирования искусственного интеллекта. Так, например, в

Таким образом, Конституция Российской Федерации, наделяя руководителя нашей страны полномочиями в области обороны, возлагает на него ответственность за оборону государства, которая является основой по обеспечению общей национальной безопасности и интересов каждого конкретного гражданина. Определяя государственную военную политику, именно президент руководит Вооруженными силами и обеспечивает суверенитет государства и его престиж в мире.

Южной Корее принят закон о робототехнике, однако в нем дается лишь законодательное понятие «умный робот». Вопросы ответственности же будет решать специальный закон, который правительство пока не подготовило [4]. Первые шаги в этом направлении сделали и страны Европы, приняв резолюцию «О робототехнике», в которой призвали развивать данное направление без вреда жизни и здоровью человека [11]. В США при рассмотрении споров, возникающих из отношений, связанных с искусственным интеллектом, опираются на действующее законодательство, что зачастую вызывает трудности при разрешении этих дел в судах [5].

УК РФ, как известно, охраняет самые ценные общественные отношения. Можем ли мы «вписать» «искусственный интеллект» в уже существующий круг общественных отношений, охраняемых уголовным законом?

Для решения этого вопроса, прежде всего, необходимо выяснить, что такое «искусственный интеллект». Исходя из различных подходов и признаков данного института, наиболее удачным, по моему мнению, является определение И. В. Понкина и А. И. Редькиной, которые раскрывают искусственный интеллект как искусственно сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему, обладающую свойствами субстантивности, автономности, а также возможностями воспринимать и анализировать данные [9, с. 91]. Именно такой сложной системой в совершенстве обладают роботы. А соблюдается

ли главный закон робототехники — «Не навреди человеку!» в условиях бурного развития искусственного интеллекта, предстоит выяснить [14].

Стоит предположить, что с появлением человекоподобных мыслящих роботов необходимо будет изменить законодательство, чтобы охватить их роль в обществе как участников различных правоотношений. Это неизбежно повлечет массу вопросов о восприятии роботов подобием человека, а, следовательно, и об их правах. Конечно, необходимо иметь в виду то, что объекты с искусственным интеллектом должны иметь определенный правовой статус.

Однако, по моему мнению, поспешным будет решение о тождестве искусственных объектов (объектов с искусственным интеллектом) с людьми, так как, например, конституционными правами, которыми наделяются субъекты при рождении, могут обладать только люди (физические лица). Несмотря на это в мире уже есть прецедент, когда искусственный интеллект получил гражданство. В Саудовской Аравии робот София стала обладателем таких прав, которых нет даже у женщин и трудовых мигрантов в этой стране [12].

До недавнего времени подобные вопросы вообще не поднимались и искусственный интеллект находился в нормативном вакууме, только лишь в некоторых государствах можно найти нормы, касающиеся регулирования беспилотных транспортных средств и летательных аппаратов [6, с. 21]. Существующая судебная практика по данной тематике сложилась достаточно однозначно. Чаще всего компания-производитель робота с искусственным интеллектом (в нашем случае беспилотного автомобиля) признается невиновной, так как аварии невозможно было избежать по вине пешеходов [18].

В России уже разработана первая концепция закона о робототехнике. Анализ данной концепции позволяет сделать вывод о том, что регулирование искусственного интеллекта в РФ будет начинаться не с запретов, а с четкого определения границ ответственности владельцев роботов и компаний, занимающихся их разработкой, с учетом рисков потребителей. Что позволит стать России привлекательной с точки зрения инвестиций иностранных партнеров в робототехнику на территории РФ. Документ предполагал частично использовать регулирование, которое применяется к животным и юридическим лицам. В законе также указаны случаи уголовно-правовой охраны робототехники. Предполагается, что уголовная ответственность будет наступать за конструирование робота-убийцы, специальное отключение программ и функций, блокирующих возможность причинения вреда человеку. Разработчики надеются, что их концепция станет базой для изменения гражданского и уголовного законодательства [2].

Переходя к вопросам ответственности, можно сразу отметить, что из поля зрения законодателя выпадают новые угрозы транспортной безопасности, а именно вопросы ответственности использования беспилотных летательных аппаратов в противоправных целях, а также

неосторожное причинение вреда в результате их эксплуатации. Беспилотными летательными аппаратами являются любые аппараты, способные взлетать и поддерживать контролируемый полет, а также аэронавигацию без какого-либо присутствия человека на борту [15]. Первостепенное значение для уголовного права имеют случаи разрушения беспилотников, причинение вреда жизни и здоровью людей или имуществу [1, с. 74]. Огромный интерес для нас представляют случаи возможного столкновения беспилотников с пассажирскими самолетами. Последствиями подобной катастрофы будет причинение вреда не только имуществу авиакомпании-перевозчика, но и жизни, а также здоровью пассажиров.

Не стоит забывать и о беспилотных автомобилях. В мире уже был зарегистрирован случай дорожно-транспортного происшествия с участием таких машин со смертельным исходом [8]. В связи с этим в Великобритании предполагается дифференцировать уголовную и гражданскую ответственность. Если беспилотный автомобиль не застрахован, то ответственность несет автовладелец. В случае если авария произошла в результате сбоя в программном обеспечении, то ответственность возлагается на компанию производителя. Многие автоконцерны поддерживали данную концепцию, а Volvo заявил, что готов ответить за ДТП с участием беспилотных автомобилей их марки. Нерешенным остался вопрос межотраслевой дифференциации ответственности гражданской и уголовной.

Обращаясь к гражданскому законодательству, беспилотные автомобили будут восприниматься как источник повышенной опасности, следовательно, имущественная ответственность за возмещение вреда, причиненного данным транспортным средством, возлагается на собственника.

Дискуссионным остается вопрос об уголовно-правовой ответственности за причинение таковыми автомобилями тяжкого вреда здоровью или смерти лица, вызванным сбоем в техническом обеспечении беспилотника. Можно ли говорить об установлении уголовной ответственности лишь для лиц, разрабатывающих программное обеспечение для функционирования подобного транспортного средства, или же стоит привлекать и лиц, осуществляющих установку и обслуживание этих автомобилей? Возможно ли установить причинно-следственную связь между деянием и наступившими общественно опасными последствиями, которые были им вызваны? При решении этого вопроса следует обратиться к теориям причинной связи, а именно, рассмотреть теорию необходимого условия, согласно которой деяние человека тогда является причиной данного последствия, когда это действие было одним из необходимых условий его наступления [7]. Несмотря на критику этой концепции, в ней есть рациональное зерно, и, например, возможно установить причинно-следственную связь между нарушением лицом технологий разработки искусственного интеллекта и наступившими общественно опасными последствиями. Также при установлении причинно-следственной связи стоит обращаться к специали-

стам, а именно проводить комплексные технико-технологические или компьютерные экспертизы.

Необходимо предусмотреть уголовную ответственность за ненадлежащее создание, разработку и внедрение программного обеспечения для роботов (беспилотных автомобилей, летательных аппаратов и т. д.), нарушение технологии их обслуживания и эксплуатации, создающих угрозу причинения тяжкого вреда здоровью, смерти по неосторожности либо крупного ущерба [16, с. 103]. А так как объединить эти противоправные деяния в одну статью не представляется возможным, стоит внести изменения в ряд статей Особенной части УК РФ. Так, например, поправки следует внести в ст. 266, 272 и некоторые составы главы 21 УК РФ.

Также не стоит забывать о том, что человек тоже может причинить вред роботам. На данный момент роботы рассматриваются как разработки программного обеспечения, напрямую запатентованные крупнейшими мировыми компаниями. А так как спектр их использования достаточно широк, они внедряются в здравоохранение, оборону, банковское обслуживание, промышленность, то вероятность воздействия на роботов высока. На сегодняшний день даже «умные помощники» не могут отождествляться с человеком, а, значит, вред, причиненный им, будет квалифицироваться как вред имуществу собственника, владельца, разработчика программного обеспечения.

Открытым остается и вопрос кибератак на роботов. Технологии искусственного интеллекта больше всего подвержены хакерским кибератакам, так как взломать объект, который находится без присмотра и влияния человека на определенном этапе его использования, намного проще, нежели другие объекты. Инженеры беспилотных технологий уже бьют тревогу по поводу уязвимости таких автомобилей. Именно поэтому множество компаний объединилось и увеличивает количество стартапов, целью которых является создание новейших технологий киберзащиты. Что же касается вопросов ответственности за кибератаки, я предлагаю дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от цели преступников. Если целью будет причинение вреда непосредственно роботу, то тогда содеянное следует классифицировать по статьям главы 21 УК РФ. Если же целью преступников является кибератака на роботов для применения их в качестве орудия совершения террористической или иной запрещенной законами деятельности, то в этом случае от-

ветственность будет наступать по статьям Особенной части УК РФ за преступления террористической или иной направленности, а роботы здесь будут рассматриваться в качестве орудий для воплощения преступного замысла.

Однако в науке уголовного права есть ученые, которые предлагают ввести новую главу «Преступления против интеллектуальной собственности» [17]. И если данную инициативу преобразовать в законопроект, то возможно предусмотреть в ней состав преступления «кража технологий искусственного интеллекта в виде информации». И тогда некоторые составы преступлений против искусственного интеллекта можно будет не включать в разные главы Особенной части УК РФ, а сконструировать в одной главе. На сегодняшний же день, в отсутствие данной главы, получение технологий искусственного интеллекта путем неправомерного доступа к компьютерной информации можно квалифицировать по ст. 272 УК РФ.

Таким образом, на основании всего вышесказанного предлагается:

- 1) предусмотреть уголовную ответственность за ненадлежащее создание, разработку и внедрение программного обеспечения для объектов искусственного интеллекта, нарушение условий их обслуживания и эксплуатации, создающих угрозу причинения тяжкого вреда здоровью, смерти по неосторожности либо крупного ущерба;
- 2) внести изменения в соответствующие статьи главы 21, ст. 272, 266 УК РФ;
- 3) разработать Закон «О робототехнике», в котором определить правовой статус искусственного интеллекта и отнести роботов к источникам повышенной опасности;
- 4) разграничить гражданскую и уголовную ответственность за причинение вреда роботам, а также роботами — объектам уголовно-правовой охраны;
- 5) разработать концепции киберзащиты объектов с искусственным интеллектом;
- 6) дополнить пункт «к» ст. 63 УК РФ, в котором предусмотреть в виде отягчающего наказание обстоятельства совершение преступления с использованием источников повышенной опасности, в которые будут включаться и объекты с искусственным интеллектом;
- 7) при необходимости разработать постановление пленума Верховного Суда РФ и разъяснить судам вопросы, касающиеся привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием искусственного интеллекта.

Литература:

1. Алешин, Б. С., Суханов В. Л., Шибяев В. М. Обеспечение безопасности полетов беспилотных авиационных систем в едином воздушном пространстве // Ученые записки ЦАГИ. 2011. № 6. Т. 42. с. 74.
2. В России разработана первая концепция закона о робототехнике // URL: [https://hightech. fm/2016/12/19/robotics-law](https://hightech.fm/2016/12/19/robotics-law) (дата обращения: 09.03.2019).
3. Давать роботам правовой статус опасно // URL: [http://ai-news. ru//2017/06/davat_robotam_pravovoj_status_orasno.html](http://ai-news.ru//2017/06/davat_robotam_pravovoj_status_orasno.html) (дата обращения: 09.03.2019)
4. Закон «О содействии развитию и распространению умных роботов в Южной Корее». № 9014 от 28 марта 2008 года // URL: <http://robopravo.ru>

5. Искусственный интеллект в США // URL: <https://22century.ru/computer-it/61806> (дата обращения: 09.03.2019)
6. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / ООО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». — М.: Буки Веди, 2017. с. 21–28.
7. Основные теории причинной связи в уголовном праве // https://studbooks.net/972017/pravo/osnovnye_teorii_prichinnoy_svyazi_ugolovnom_prave (дата обращения: 09.03.2019).
8. Первая жертва автопилота // URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/07/01_a_8351963.shtml (дата обращения: 15.02.2019).
9. Понкин, И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — № 1. — 2018. с. 91–109.
10. Путин поручил разработать подходы к развитию искусственного интеллекта // URL: <https://ria.ru/20190131/1550217476.html> (дата обращения: 09.03.2019)
11. Резолюция ЕС 2017 // URL: http://gobopravo.ru/giezoliutsiia_ies (дата обращения 9.03.2019).
12. Робот София получила гражданство в Саудовской Аравии // URL: <https://bigpicture.ru/?p=956807> (дата обращения: 11.03.2019).
13. Россия признана лидером по внедрению искусственного интеллекта // URL: <https://fishki.net/2900652-microsoft-priznal-rossiju-liderom-po-vnedreniju-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 09.03.2019)
14. Три закона робототехники // URL: <http://роботехника18.рф/три-закона-робототехники/> (дата обращения: 15.02.2019).
15. Указ Президента от 17.12.2011 № 1661 «Об утверждении Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль» // СПС «Гарант» 1990–2019.
16. Фокин, М. С., Рязанов М. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств / Актуальные проблемы государства и права. Серия: Юридические науки, № 1. — 2018. с. 103–110.
17. Шульга, А. В. Информация как предмет преступления / А. В. Шульга // Черные дыры в российском законодательстве. 2008. № 3
18. Uber освободили от уголовной ответственности по делу о смертельном ДТП в США // URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/205300770> (дата обращения: 11.03.2019).

Административная преюдиция: за и против

Триполева Александра Игоревна, студент магистратуры
 Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Одним из наиболее острых и обсуждаемых в настоящее время направлений уголовной политики нашего государства является возвращение в уголовное право института административной преюдиции. Под административной преюдицией понимается такой способ формулирования основания уголовной ответственности, при котором признание правонарушения уголовно-наказуемыми осуществляется при условии, что к лицу уже применялись меры административного воздействия, и оно в течение установленного периода времени совершает аналогичное нарушение [1, с. 196].

Такой институт получил активное развитие в советский период. С принятием УК РФ 1996 г. административная преюдиция как криминообразующий признак ряда составов преступлений была отменена. Однако, с течением времени законодатель изменил свою позицию. Ученые и практические работники вновь обращаются к вопросам теории административной преюдиции. Поводом к возобновлению дискуссии послужило Послание Президента РФ

Федеральному Собранию РФ 2009 г. [2]. В послании шла речь о том, что практика доказала эффективность данного института. Это положение нашло отклик и в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. № 690 [3]. В 2011 г. Академией Генеральной прокуратуры РФ было проведено заседание по вопросу допустимости административной преюдиции в уголовном праве России. На мероприятии выступили ученые, представившие диаметрально противоположные точки зрения.

Основными докладчиками семинара стали профессора, Н. А. Лопашенко [4, с. 64–71] и В. П. Малков [5, с. 58–64]. Н. А. Лопашенко представила критическую оценку и отрицание преюдиции в отечественном законодательстве. На стороне ученых, поддерживающих институт преюдиции, выступил В. П. Малков. Оппоненты представили убедительные доводы, подтвердившие их суждения. В конечном итоге дискуссия не разрешила спор и стала поводом для обсуждения других аспектов данного института.

Остановимся на позициях ученых, исследующих данную проблематику более подробно.

В юридической литературе ряд авторов придерживаются мнения, согласно которому предписания, содержащие преюдицию, нарушают основополагающие принципы уголовного права. В частности, В.В. Волженкин [6, с. 2–7] и М.И. Ковалев [7, с. 3–14] утверждали, что наличие административной преюдиции противоречит принципу *non bis in idem*. По их мнению, лицо, виновное в совершении административного правонарушения, уже претерпело на себе меры воздействия за содеянное. Таким образом, нет ни каких оснований привлечения виновного к ответственности повторно, тем более в совершенно ином качестве — преступлении.

Исследуя проблему соотносимости преюдиции и принципа за одно не дважды, Н.А. Савельева полагает, что административная преюдиция не вступает в противоречие с названным принципом, поскольку, ответственность за совершение каждого из запрещенных деяний имеет собственные основания [8, с. 23]. Ее позицию разделяет и И.М. Гошаев, который указывает, что первичное привлечение к административной ответственности и назначение наказания не регулируется уголовным законом. Данный юридический факт является основой для возможного применения нормативного установления с административной преюдицией в будущем. Следовательно, лицо повторно не привлекается к ответственности за одно и то же деяние. Уголовная ответственность устанавливается только за последнее из совершенных правонарушений, при этом одновременного привлечения к административной ответственности не происходит [9 с. 133].

Рассматриваемый вопрос переводит в следующую проблемную область. Правоведы, выступающие против введения административной преюдиции в уголовное право, считают, что преюдиция усиливает репрессивность уголовного законодательства. Такого мнения придерживался в свое время В.Д. Спасович [10, с. 295–296], в наше время поддерживают А.Н. Тарбагаев [11, с. 65], Е.В. Ямашева [12, с. 69] и др. Не оспаривая данный фактор, А.Г. Безверхов [13, с. 39] поясняет, что в этом заключается значение преюдиции, это продиктовано целью превентивного характера данного правового явления. Кроме того, данный институт может выступать не только как средство криминализации, но и частичной декриминализации деяний.

В целях экономии уголовной репрессии законодателем некоторые административные проступки переведены в разряд проступков — декриминализированы. В силу различных причин законодатель считает достаточными для их предупреждения меры административного характера. В случае повторного совершения такого вида административного взыскания появляются основания для смешения границ между преступлением и проступком. Различие между преступлением и проступком достаточно условно, так как у законодателя отсутствует инструмент точности, который позволял бы провести четкую границу

между ними. Таким образом, преюдиция в данном случае может выполнить роль юридического буфера [14, с. 6–9], который позволит обеспечить справедливый переход от административных мер реагирования к уголовному наказанию.

Еще одним аргументом против административной преюдиции в уголовном праве является мнение Н.А. Лопашенко о недопустимости использования признаков личности как основания для криминализации деяний [15, с. 69]. С этим утверждением нельзя согласиться, так как уголовная политика должна равным образом учитывать как общественную опасность деяния, так и общественную опасность личности. Состав преступления с административной преюдицией строится прежде всего с учетом особенностей личности правонарушителя (преступника). Субъект преступления в конструкциях с административной преюдицией является специальным. Признаки специального субъекта — сугубо индивидуальные черты, являющиеся обязательным условием применения уголовно-правовой нормы. Кроме того, как справедливо отмечают А.Г. Безверхов [16, с. 40–41] и В.П. Малков [17, с. 25] лицо, несмотря на административное наказание, продолжает совершать противоправные действия в относительно небольшой промежуток времени, что свидетельствует о злостности, ожесточенности личности нарушителя.

Таким образом, меры административного воздействия не достигли необходимых результатов, в связи с чем представляется оправданным использование более суровых мер — уголовного наказания.

К числу плюсов административной преюдиции следует отнести четкость фиксации юридически значимых признаков. Одновременно с первоначальной квалификацией лицо официально предупреждается о возможности применения уже статьи УК РФ в случае повторения такого нарушения.

Спорные вопросы рассматриваемого явления во многом обусловлены различными трактовками общественной опасности соответствующих деяний. Так, по мнению Н.Г. Иванова [18, с. 47] и М.И. Ковалева [19, с. 12–13] административное правонарушение, независимо от повторений тождественных деяний, не способно трансформироваться в качественно новое явление, предполагающее не административно-правовые меры реагирования, а иные более строгие. Каждые из этих действий по отдельности являются административными правонарушениями, однако в совокупности они образуют деяние иного качества — преступления и только по отдельным составам преступления.

Критические замечания были высказаны Е.В. Новиковой, которая утверждает, что существование административной преюдиции выделяет среди административных правонарушений особую группу деликтов, занимающих по своей общественной опасности промежуточное положение между административными правонарушениями и преступлениями [20, с. 105].

В противовес данному высказыванию можно привести слова А.В. Иванчина: в преступлениях с административной преюдицией опасность личности субъекта возрастает, следовательно, в целом возрастает общественная опасность такого поведения. Законодатель полагает, что общественная опасность составов с административной преюдицией достигает криминального уровня вследствие опасности не самого деяния, запрещенного уголовно-правовой нормой, а вследствие опасности лица, его совершившего [21, с. 101].

Полагаем, что институт административной преюдиции не несет угрозы разделения уголовного и административного права, не нарушает отраслевую чистоту уголовного права. Уголовная и административная ответственность являются разновидностями юридической ответственности, базируются на схожих задачах и стремятся к достижению общей цели — защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка. Кроме того, уголовное право, как и другие отрасли права не является статичным, оно меняется вследствие различных

факторов (экономических, социальных, политических). Административная преюдиция — это особый способ взаимодействия данных отраслей права.

Административная преюдиция позволит более эффективно предупреждать преступления. Как отмечает Н.И. Пикуров, нормы с административной преюдицией объединяют профилактические функции уголовного закона и предупредительную функцию административно-правового регулирования. В таком случае образуется не просто двойная, а многослойная система превенции [22, с. 131].

Тем не менее, отсутствие единства в юридической науке и полярные взгляды на данный институт свидетельствуют о том, что дискуссия не закончена. Накопление указанных проблемных вопросов обуславливает необходимость дальнейшего изучения института административной преюдиции, необходимость его более детальной разработки. Нет сомнений в том, что законодательно-техническое совершенствование УК РФ есть важное направление развития уголовного законодательства.

Литература:

1. Малков, В.П., Административная дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве / В.П. Малков // Пробелы в российском законодательстве. — 2008 — № 2 — с. 196.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2009 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г., утв. Указом Президента РФ от 09.06.2009 № 690. Российская газета 15.06.2010 г.
4. Лопашенко, Н.А., Административной преюдиции в уголовном праве — нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011 — № 3 (23) — с. 64–71.
5. Малков, В.П., Административная преюдиция: за и против / В.П. Малков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011 — № 3 (23) — с. 58–64.
6. Волженкин, Б.В., Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ / Б.В. Волженкин // Законность. — М., — 1998 — № 12 — с. 2–7.
7. Ковалев, М.И., Преступление и проступок / М.И. Ковалев // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, — 1982 — с. 3–14.
8. Савельева, Н.А., Административная преюдиция в российском уголовном праве / Н.А. Савельева // Диссертация на соискание степени магистра юриспруденции — 2017 — с. 23.
9. Гошаев, И.М., Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ / И.М. Гошаев // ЮП. — 2017 — № 3 (82) — с. 133.
10. Спасович, В.Д., Учебник уголовного права / В.Д. Спасович // Т. 1. Вып. 1. С-Пб.: Тип. И. Огризко. — 1863 — с. 295–296.
11. Тарбагаев, А.Н., Административная ответственность в уголовном праве / А.Н. Тарбагаев // Правоведение. — 1992 — № 2. — с. 65.
12. Ямашева, Е.В., К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России / Е.В. Ямашева // Журнал российского права. — 2009 — № 10. — с. 69.
13. Безверхов, А.Г., Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы / А.Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. — 2011 — № 2 (10) — с. 39.
14. Бавсун, М.В., Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе / М.В. Бавсун, И.Г. Бавсун, И.А. Тихон // Административное право и процесс. — 2008 — № 6. — с. 6–9.
15. Лопашенко, Н.А., Административной преюдиции в уголовном праве — нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011 — № 3 (23) — с. 69.

16. Безверхов, А. Г., Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы / А. Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право — 2011 — № 2. — с. 40–41.
17. Малков, В. П., Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву / В. П. Малков // Казан. гос. ун-т. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та — 1982 — с. 25.
18. Иванов, Н. Г., Уголовная политика России и совершенствование уголовного законодательства / Н. Г. Иванов // Уголовное право. — 2017 — № 4. — с. 47.
19. Ковалев, М. И., Преступление и проступок / М. И. Ковалев // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, — 1982 — с. 12–13.
20. Новикова, Е. В., Административная преюдиция: дискуссия продолжается / Е. В. Новикова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина — 2018 — № 12 (52) — С. 105.
21. Иванчин, А. В., О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией / А. В. Иванчин // Библиотека криминалиста. — 2013 — № 2 — с. 101.
22. Пикуров, Н. И., Превентивная функция административной преюдиции в уголовном праве / Н. И. Пикуров // Двойная превенция в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики: сб. материалов круглого стола / отв. ред. Р. В. Жубрин. М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации — 2018 — с. 131.

Концепция гибридных правовых систем в информационную эпоху (на примере судебного прецедента в Российской Федерации)

Трынченков Николай Алексеевич, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается проблема взаимной интеграции правовых семей в условиях глобальной информатизации и цифровизации общества. Анализируется роль систем обмена данными в указанном процессе. Автор поддерживает концепцию гибридных правовых систем, основой генезиса которых выступает не копирование, но адаптация изначально несвойственных правовых институтов. Выдвигается гипотеза о возможном пути имплементации института судебного прецедента в отечественной правовой системе путём более глубокого понимания его исходной природы и переосмысления природа постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: правовая система, правовая семья, правовой генезис, судебный прецедент, информационное право.

В современном мире темпы обмена сведениями постоянно возрастают. Человечество переживает очередную информационную революцию, когда информационные сети становятся основой новой глобальной системы «глубокого взаимодействия», а данные — ключевым ресурсом. В то же время, параллельно с процессом планомерной взаимной интеграции национальных сообществ, можно наблюдать и обратные процессы: регионализации, повышения уровня этнической самоидентичности и т. д. В подобных условиях анализ и прогнозирование тенденций развития правовых семей приобретает особое значение. Видна необходимость выявления ключевых факторов, обуславливающих развитие правовых систем в их мировом единстве.

Правовая система каждого государства в ходе своего развития проходит длительный эволюционный путь, на протяжении которого она приобретает, теряет и модифицирует уже имеющиеся черты, которые и обуславли-

вают её уникальность. Англосаксонская правовая семья характеризуется преобладанием судебного прецедента в качестве основного источника права, что, будучи ядром системы, обуславливает её иное название — система «обычного права». Романо-германской правовой семье, в свою очередь, присущ в качестве основного источника права нормативный правовой акт, принятый с соблюдением формализованной процедуры.

Вместе с тем многие правоведы отмечают, что большинство из существующих национальных юрисдикций не могут быть совершенно точно отнесены лишь к одной из правовых семей, предложенных Р. Давидом. Такого рода системы принято называть смешанными. Хотя в научной среде и существует терминологическая проблема в части определения понятия «смешанная правовая система», но в своём исследовании феномена смешанных правовых систем А. С. Даниелян отмечает, что «превалирующим в среде учёных является мнение о том, что все правовые си-

стемы объективно смешаны. Мир меняется, и право не исключение, а посему для решения вопросов, связанных с сохранением идентичности региональным системам, необходимо перенимать приемы мимикрии» [2, с. 162].

Право — диалектико-динамическая система, и потому она пребывает в состоянии поиска и рецепции более эффективных механизмов и такого их сочетания, которое могло бы проявить наибольшую гибкость и устойчивость в постоянно изменяющихся условиях. Данный тезис справедлив не только для молодых правовых систем, но и для «правовых альма матер», где процесс модернизации права не прекращается и по сей день. Важным показателем этого процесса выступает изменение соотношения традиционных источников в правовом регулировании.

Система английского права, по замечанию Р. Кросса, приобретает в качестве характерной черты обязательность использования прецедентов при рассмотрении дел лишь к началу XIX века, когда сформировалось необходимое информационное обеспечение применения прецедента — выпуск ежегодных сборников [3, С. 42]. Но, с принятием Закона о судостроительстве, обусловившим сведение воедино систем общего права и права справедливости, наблюдается тенденция к усилению роли нормативно-правовых актов парламента в правовом регулировании. Кроме того, правовой прецедент приобретает своё юридическое значение исключительно в случае обращения к нему суда. Таким образом, свой удельный вес в качестве источника права в Великобритании прецедент приобретал одновременно с тем, как формировалась надлежущая организационно-информационная система, позволявшая приводить в жизнь концепцию единообразного и централизованного применения судебных прецедентов. Однако в определённый момент возникла необходимость в пересмотре подхода к применению законов в качестве источников права. Так произошло смещение правотворческого тяготения, не исключившее прецедент вообще, но внесшее существенные изменения в механизм его применения судами.

Романо-германская правовая система имела изначально практически те же исторические предпосылки для формирования системы обычного права, что и на Британских островах. Однако большое культурное влияние римского наследия и постоянно ведущиеся феодальные войны, усложнявшие коммуникацию, а, следовательно, и правовую диффузию между культурно однородными государствами, определили развитие централизованного правотворчества и правоприменения. Этот же вектор сохранялся и во время формирования сверхкрупных государственных образований — империй, когда лишь жёсткая централизация власти, установление самодержавия компенсировало центробежные силы. Но такое положение сохраняется лишь до тех пор, пока не происходит технологический рывок, обусловивший информационную революцию, а вместе с ней рост скорости производства, копирования, распространения и усвоения информации. С каждым таким изменением правовые системы рома-

но-германской семьи проходят «процедуру децентрализации», сопровождающуюся открытым конфликтом между государственным аппаратом и населением. Это в итоге приводит к пересмотру со стороны власти существующих механизмов, порождая, пускай зачастую и мнимую, но либерализацию законодательства и демократизацию системы законотворчества. Усиливается вовлечённость широкой общественности в политические процессы на легальных началах.

Не заикливаясь на частном, а охватывая генеральный вектор развития романо-германской правовой семьи, можно отметить следующее: в настоящее время происходит планомерное возрастание роли судебных органов в правотворчестве, делегирование части полномочий им со стороны представительных органов государства. Это обусловлено ускорением темпов социального развития и банальным «отставанием» правового регулирования со стороны законодателя за ними. Не исключение и Российская Федерация. Несмотря на отсутствие законодательного признания в качестве источника права, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ввиду их особой роли в обеспечении единообразного применения норм всеми судами, фактически заняли свою нишу в подзаконном нормотворчестве. Вопрос определения правовой природы данных актов стал одним из наиболее острых в полемике относительно дальнейшего их принятия и развития в рамках отечественной правовой системы.

С одной стороны, спор возникает относительно обязательности и необязательности постановлений Пленума Верховного Суда РФ, причиной чему является несовершенство юридической техники и богатство русского языка, позволяющие различным образом трактовать содержание прилагательных «руководящий» и «обязательный», определяющих характер данных актов. Можно согласиться с Т.В. Соловьевой, которая приходит к выводу, что «постановления Пленума ВС РФ обладают свойством обязательности, иначе размещение в них подобных формулировок — «суд обязан», «суд должен» — лишено всякого смысла» [4, с. 8]. Данный вопрос является частным случаем более общего, речь о котором пойдёт дальше, и касается лишь технической стороны вопроса о пределах действия постановлений как юридического акта, а потому в рамках данной статьи не представляет интерес.

В литературе высказываются мнения о прецедентной природе постановлений Пленумов ВС РФ. При этом предлагаются две совершенно различные концепции. Первую условно можно назвать классической, которая предполагает, что свойство прецедентности, которая трактуется как обязательность решения при рассмотрении аналогичных дел другими судами, характерно конкретным решениям судов при рассмотрении конкретных дел. Вторую, предложенную А.Б. Венгеровым, можно обозначить как «прецедент толкования», т. е. наделение свойством обязательности не конкретного решения, но обобщения однородной судебной практики. Как видно, вторая позиция

в большей степени подходит для характеристики постановлений Пленума ВС РФ. Несмотря на общее настроенное отношение к судебному прецеденту, каждая из этих позиций находит своё отражение при аргументации заинтересованных авторов в обосновании необходимости внедрения и дальнейшего развития данного правового института в отечественную правовую систему.

Вопрос адаптации и интеграции правовых институтов, характерных для англо-саксонской правовой семьи, в странах романо-германского права, в том числе и в Российской Федерации, является дискуссионным, в отечественной научной литературе исследователи оценивают данную тенденцию диаметрально противоположно. Единство мнений существует лишь в одном аспекте: недопустимым является прямой перенос, сводящийся к примитивному копированию в отечественном законодательстве зарубежных институтов, которые либо имеют уже сформировавшиеся аналоги, либо не имеют определенного правового, экономического и даже культурного базиса для своего развития. Горячая полемика, существующая вокруг судебного прецедента, как уже было сказано, вызвана различиями в точках зрения относительно его правовой природы, что требует отдельного уточнения.

Нельзя не согласиться с Л.В. Головки, отмечающим, что судебный прецедент как понятие в российской правовой доктрине и учебной литературе широко приобрел содержание, отличное от того, которое ему придаётся в странах англо-саксонской правовой семьи. Выражено это в принципиально неверной трактовке природы прецедентности судебного решения. Как отмечает в своём анализе автор, собственно нормативное значение имеет далеко не каждое решение, и даже не решение в целом. Значение имеет лишь та его часть, которая называется *ratio decidendi* (стоять на решенном) и представляющая собой концептуальное рассуждение судьи о природе спорного правоотношения, т. е. его внутреннюю мотивацию и соображения, приведшие его к итоговому решению. Свои рассуждения судья, помимо привлечения норм статутов (законов), подкрепляет цитированием и ссылкой на мнения других судей. Именно «цитируемость», то есть признание судейским сообществом и частота применения модели рассуждения, предложенная их коллегой, и формирует прецедент. Кроме того, автор подчёркивает, что деятельность судей в англосаксонской системе носит помимо очевидно практического также глубокое научное значение, поскольку связана с развитием правовых категорий и выработкой новых правовых конструкций. В то же время, эта деятельность в странах романо-германской семьи обособлена от правосудия и составляет предмет деятельности учёных-правоведов. Таким образом, постановления Пленума Верховного Суда РФ судебными прецедентами не являются и быть таковыми не могут, поскольку формируются не в рамках судопроизводства и не по конкретным делам, а представляют собой специфическую правовую форму обобщения судебной практики, которая в данном контексте к прецеденту не имеет никакого отношения.

Однако видится чрезмерно категоричным вывод Л.В. Головки о том, что ввиду изложенного концепция судебного прецедента невозможна в условиях романо-германской правовой семьи, а возможны лишь «циркуляры, которые и так уже существуют в достаточном количестве (постановления пленумов, информационные письма и др.)». Руководящее значение постановлений Пленума Верховного суда РФ с точки зрения принципа разделения властей, неконституционно лишь в том отношении, что в их итоговом содержании (в интересах или экономии времени при разработке, или удобства восприятия) практически отсутствуют мотивировочная составляющая, которая бы позволила сделать вывод о том, чем руководствовались судьи при принятии именно такой трактовки отдельно взятой нормы или положения. В этой связи оправданным видится опубликование, наравне с самим постановлением Пленума, содержащим концентрированные правовые сентенции, также и некой «мотивировочной части», аналогичной содержащейся в постановлениях Конституционного Суда РФ, которая бы являла структуру аналитического процесса, и соображения, приведшие к итоговой трактовке. Кроме того, учитывая специфику использования правовой доктрины при правоприменении, необходимым видится также установление обязанности при разработке постановлений Пленума цитирования тех авторов, на труды которых в своём рассуждении опирались разработчики постановления. С одной стороны, это существенно увеличивает объём правового материала, который будет входить в состав постановления, с другой — данный механизм повысит градус ответственности разработчиков и приблизит постановления Пленума к судебному прецеденту в его исходном понимании, хоть и не сделает ввиду вышеизложенных обстоятельств. Техническая легальность постановлений Пленума Верховного Суда уже практически не оспаривается, а вместе с этим элементом возможно будет достичь и их легитимации. Следуя такому варианту развития правового института постановлений Пленума ВС РФ возможно будет получить качественно новый механизм обеспечения не только единообразия судебной практики и правоприменения, но и консолидации правовой доктрины.

Таким образом, развитие систем обмена данными ведёт к ускорению протекания социальных процессов, к быстрому появлению связей нового типа, существующих помимо и вопреки территориальным границам государств, что с необходимостью ведёт к трансформации как отдельных правовых институтов, так и национальных правовых систем в целом, обуславливая их взаимную диффузию. Значение данного процесса невозможно недооценивать. Важно вновь подчеркнуть, что данный процесс протекает повсеместно и не сводится к копированию, а предполагает создание качественно новых механизмов, представляющих гибриды ранее известных институтов, которые наиболее эффективно способны отвечать потребностям настоящего времени. Однако можно предва-

рительно отметить, что «центр тяжести» в процессе сближения правовых семей в настоящий момент смещен к англо-саксонской модели правового регулирования. Связано это, вероятнее всего, с гибкостью и динамизмом раз-

вития правового регулирования в сочетании с глубокой устойчивостью и незыблемостью общих принципов. Однако, данные вопросы находятся вне пределов предмета данной статьи и заслуживают отдельного рассмотрения.

Литература:

1. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Перевод с французского доктора юридических наук профессора В. А. Туманова. — М.: Прогресс, — 1988 г. — 279 с.;
2. Даниелян, А. С. Феномен смешанных правовых систем как пример сближения правовых культур // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — с. 157–164.
3. Кросс, Р. Прецедент в английском праве / под ред. Ф. М. Решетникова; пер. Апарова Т. В. — М.: Юридическая литература, 1985–239 с.;
4. Соловьева, Т. В. К вопросу об обязательном характере постановлений Пленума Верховного Суда РФ // [Электронный ресурс]: Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». URL: <http://electronic.guzh.org/?q=ru/system/files/01.%20%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения — 15.04.2019);
5. Головкин, Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. — 2010. — № 6. — с. 6–34

Криминологическая типология личности осужденных женщин

Ульзутуев Чингис Эрдэмович, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Под типологией понимается метод познания, предполагающий расчленение объектов и их группирование на основе определенной модели. При этом выявляются сходства и различия указанных объектов.

Большая часть ученых предполагает обоснованную следующую типологию личности преступника: корыстный преступник, престижный преступник, игровой преступник, насильственный и сексуальный преступники. Ряд ученых также дополнительно отличают корыстно-насильственных преступников, неосторожных преступников и зависимых преступников.

Говоря о лицах женского пола, совершивших преступления, то большая часть из них является либо корыстными, либо насильственными преступниками. Проанализируем каждый тип подробнее и разберем его на виды.

Наиболее популярным мотивом у преступников женского пола продолжает оставаться корыстный мотив. При наличии данного мотива женщинами совершались преступления против собственности (кражи, грабежи, мошенничества), преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (сбыт, изготовление наркотиков и психотропных веществ), а также насильственных преступлений (убийства, побой).

Современная наука криминологии выделяет такие виды корыстной мотивации, применяемой, в том числе и в отношении женщин, как корысть-потребительство, семейная корысть, корысть-нужда, корысть-паразитизм,

корысть-конформизм, корысть-подражание, корысть-алкоголизм и корысть-наркотизм [1, с. 67].

Охарактеризуем каждый из этих видов. Начнем с одного из самых популярных в структуре женской преступности — корысти-нужды. Причина преступления в данном случае — рост количество бедных в стране, появление большого количество малоимущих семей, члены которых не могут найти работу. Доход в таких семьях на каждого члена семьи меньше, чем прожиточный минимум. Мотивацией преступника в данном случае является удовлетворение биологических потребностей, без которых невозможна нормальная жизнь человека. Таким образом, преступник хочет приобрести или похитить еду, одежду, лекарственные средства и так далее.

Говоря о преступниках женского пола, относимых к типу корысть-нужда, стоит отметить, что это лица, ведущие замкнутый образ жизни, не допускающие излишеств. Преступления ими, как правило, совершаются в форме тайного хищения, без насилия. До совершения преступного деяния окружающими и по месту работы характеризуются положительно. Указанные преступления также могут быть совершены лицами без определенного места жительства, вынужденными переселенцами и так далее.

Далее рассмотрим корысть-потребительство как вид мотивации преступников женского пола. В данном случае ключевую роль играют материальные потребности, которые не просто направлены на выживание и удовлетво-

рение базовых потребностей, а значительно превышают необходимый уровень. В этом случае женщина стремится к незаконному обогащению. Предметом преступления в этом случае могут быть денежные средства, драгоценности, дорогая техника и иные ценные вещи. При этом женщины с мотивацией корысть-потребительство, как правило являются молодыми людьми, и преступления ими совершаются как чисто корыстные (кража, грабеж), так и насильственные.

Мотивация корысть-престиж отличается от корысти-потребительства чрезвычайно завышенными, гипертрофированными потребностями конкретной женщины. С помощью преступления данная женщина стремится занять высокое положение в обществе, значительно увеличить свое благосостояние. Преступники приобретают дорогую недвижимость, драгоценности, проводят время в элитных развлекательных учреждениях и так далее. Женщины из данной группы могут совершать крупные хищения, быть коррупционерами и мошенниками, заниматься наркоторговлей [5, с. 29].

Важную роль играет такая мотивация женщины, как корысть-зависимость. В данном случае преступление совершается не ради удовлетворения материальных потребностей (как базовых, так и завышенных), а ради удовлетворения зависимости от алкоголя, наркотических и психотропных средств, одурманивающих веществ. Особенно велика доля таких преступников в статистике преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, так, многие женщины сбывали наркотик третьим лицам, чтобы заработать себе на дозу наркотика [3, с. 22]. Однако ради получения денег на дозу наркотика (равно как и алкоголя и иных веществ) женщина может совершать и корыстные, и корыстно-насильственные деяния.

Отдельной категорией женщин-преступников являются лица, имеющие мотивацию корысть-конформизм. Материальные потребности здесь отходят на второй план, главным мотиватором является социальные потребности (в уважении, одобрении со стороны третьих лиц и пр.). Данные преступники совершают общественно опасные деяния ради одобрения близких к ним людей, ведущих а или антисоциальный образ жизни. Очень большая доля женщин с указанной мотивацией являются несовершеннолетними. Часто преступления совершаются из желания помочь мужчине, с которым женщина сожительствует, в трудной ситуации [2, с. 13].

Проанализировав наиболее распространенный тип мотивации женщин — корыстный, перейдем к изучению насильственного типа женщин. Наука криминологии такие типы насилия, как инструментальный, враждебный и обороняющийся. Некоторые авторы также выделяют зависимый, утверждающийся и мстительный тип мотивации.

Говоря в целом о насильственных преступлениях, совершаемых женщинами, можно утверждать, что большая часть из них совершается в семейно-бытовой сфере против близких людей женщины (около 40%) [4, с. 126]. По нашему мнению, агрессия женщин в бытовых конфликтах во

многом связана с тем, что по сравнению с лицами мужского пола женщины более склонны оценивать ситуацию конфликта как угрожающую их жизни и здоровью. То есть во многих случаях домашнее насилие со стороны женщины носит защитный характер, защита при этом не всегда происходит от реальной опасности.

Исходя из вышеуказанного, целесообразно согласиться с учеными, выделяющими обороняющийся тип женской мотивации в насильственных преступлениях. Более склонные к эмоциям, в том числе таким, как обида и гнев, женщины слишком сильно воспринимают враждебность другой стороны конфликта, что приводит к ситуации, когда женщина стремится защититься любой ценой, причем часто это происходит жестоким способом абсолютно внезапно. При этом обороняющаяся женщина не способна думать о последствиях своих действий или оценивать свои действия с точки зрения здравого смысла. Однако, нельзя не отметить, что в 50% случаев действия жертвы насилия со стороны женщины действительно угрожали ей, для них было характерно антиобщественное поведение.

Следующей категорией мотивации женщин в совершении насильственных преступлений можно назвать враждебную мотивацию. Насилие в данном случае совершается именно ради насилия. К данному типу мотивации можно отнести до 10% преступников женского пола, совершивших насильственные преступления. При этом действия женщины совершаются особенно жестокими методами с причинением дополнительных страданий жертве. Данные преступления могут быть совершены для выплеска своей злобы, компенсации осознания собственной ущербности. Разумеется, подобные преступления могут совершать женщины, нравственность личности которых деградировала, что вылилось в безразличие к человеческим страданиям и потере осознания ценности человеческой жизни.

Лица с инструментальной мотивацией при совершении насильственных преступлений также составляют около 10% всех насильственных преступников женского пола. Насилие в данном случае служит не целью, а средством достижения указанной цели. Например, причинение вреда здоровью человека, его убийство могут быть совершены с корыстными целями, целями утверждения себя в глазах иных лиц. Насилие в данном случае считается преступницей необходимым для достижения результата.

Соответственно, имеющие данную мотивацию преступники относятся к ценности человеческой жизни и здоровья безразлично или с пренебрежением. Как показывает практика, вину данные женщины не признают, и стремятся переложить ответственность на других лиц.

Охарактеризовав типологию преступников женского пола с точки зрения характера и содержания их мотивации, проанализируем криминогенную направленность данных категорий лиц. Здесь ученые выделяют такие типы личности, как профессиональный, привычный, неустойчивый, небрежный, случайный. Также выделяют и другие типы,

злостный и особо злостный, устойчиво-криминальный, ситуативно — криминальный.

Профессиональный тип женщин-преступников является наиболее опасным для общества. Представители данного типа осознанно отказываются от ключевых общественных ценностей, не признают права человека и гражданина, осуществляют преступные действия на регулярной основе. Также для данных преступников характерно нигилистическое отношение к праву и действующему законодательству, пренебрежение нормами морали, эгоистические наклонности.

Профессиональные преступницы обладают специфическими умениями и навыками, позволяющими достигать желаемого результата, который по большей части является преступным. Часто они испытывают настоящую зависимость от криминогенных ситуаций, что выливается в их намеренный поиск или генерацию. Многие подобные преступники женского пола имеют судимости, однако есть и те, кто, неоднократно совершая преступные деяния, не был осужден

Далее рассмотрим криминогенный тип женщин-преступниц. Данные женщины не имеют устойчивой негативной направленности, но отличаются низким уровнем морали, слабо развитым правосознанием. Асоциальная направленность данных лиц может как усиливаться извне, так и уменьшаться — многое зависит от окружения такой женщины. Как правило, если данные женщины не могут удовлетворить свои потребности (разных видов) законным путем, они могут прибегнуть к нарушению закона. Однако они склонны оправдывать свое поведение внешними обстоятельствами. В отличие от описанных выше профессиональных преступников, лица, относящиеся к криминогенному типу, не создают ситуацию совершения преступления самостоятельно, а предпочитают использовать жизненные ситуации, сложившиеся без их участия.

Отдельная категория преступниц — небрежные (ситуативные). К ним относятся женщины, которые в целом имеют положительную общественную направленность, однако она довольно неустойчива. Данные женщины относятся к правовым нормам небрежно, преступления совершают из-за нетипичных жизненных ситуаций, в которых оказались. Как правило, в нравственно-психологической характеристике данной личности наблюдаются деформации определенного порядка, затрагивающие лишь отдельные сферы жизнедеятельности [5, с. 31].

Лица рассматриваемого типа, как правило, совершили преступление впервые, однако для некоторых из них ха-

рактерно длительное пребывание в маргинальной среде, временное отсутствие занятости общественно-полезным трудом и т. д. У личности данного типа наблюдается заниженное чувство долга, не развитое чувство самокритики. К данному типу личности относятся некоторые женщины, совершившие семейно-бытовые преступления, хищения, преступную халатность и т. п.

В случаях, когда преступление совершается только в связи с возникшей критической ситуацией, выделяют случайный тип. Для указанного типа личности характерна общая позитивная направленность, ориентация на правовые нормы и предписания. Перед совершением преступления женщины указанного типа характеризовались положительно, не проявляли склонности к неустойчивой направленности поведения. Однако, как указывают некоторые авторы, у женщин данного типа отсутствует способность придерживаться в своих действиях твердых принципов, прослеживается подверженность соблазнам, влечениям, интересам. Лица указанной категории совершают, как правило, неосторожные преступления: нарушившие правила безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершившие убийство или причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, в состоянии аффекта и т. п.

Итак, проанализировав криминологическую типологию личности осужденных женщин и проведя анализ мотивации преступного поведения женщин, а также учитывая существующие в криминологии типологии личности женщин-преступниц, нами сформулированы следующие типы по характеру и содержанию мотивации личности. В первую очередь это корыстный тип: корысть-нужда; корысть-потребительство; корысть-престиж; корысть-зависимость, а также насильственный тип: обороняющийся; враждебный; инструментальный; конформный тип.

На основе анализа глубины и стойкости криминогенной направленности личности предложена следующая типология личности женщины-преступницы: профессиональный тип; криминогенный (криминально-активный) тип; небрежный (ситуативный) тип; случайный тип.

Типологии личности женщин-преступниц необходимо учитывать при осуществлении предупредительной деятельности, при избрании адекватных мер воздействия на лицо женского пола, при назначении наказания женщинам, совершившим преступление, а также при исполнении назначенного судом наказания и при оказании помощи в ресоциализации указанных лиц.

Литература:

1. Ильченко, О.Ю. Криминологическая характеристика женской преступности / О.Ю. Ильченко // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 26. — с. 65–71.
2. Кастерина, Н.В. Изучение причин агрессивных действий у впервые осужденных женщин / Н.В. Кастерина // Психология. — 2007. — № 13. — с. 13–17.
3. Качаева, М.А. Гендерные аспекты особенностей агрессивных преступлений, совершенных женщинами / М.А. Качаева // Российский психиатрический журнал. — 2010. — № 6. — с. 20–25.

4. Крамар, Д. С. Женская наркопреступность как главный источник сведений о ее причинном и предупредительном комплексах / Д. С. Крамар // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 4. — с. 121–125.
5. Степанян, Ш. У. Современная женская преступность в России и пути ее предупреждения // Российский следователь. — 2011. — № 8. — с. 27–34.

Криминологические особенности личности осужденных женщин

Ульзутуев Чингис Эрдэмович, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Преступность — это сфера негативной социальной деятельности человека. Она оперативно реагирует на все изменения в обществе и трансформируется в новые формы. Важное место в структуре общей преступности занимает такая ее составляющая, как преступность женщин. С криминологической точки зрения женская преступность представляет собой структурный элемент преступности, выделяющийся из общего объема преступной деятельности субъектом преступной деятельности, в качестве которого выступают физические лица женского пола.

Касаясь вопроса о статистике женской преступности в Российской Федерации, отметим, что она достаточно наглядно демонстрирует отличия женской преступности от мужской. Так, согласно данным портала Генеральной прокуратуры РФ в 2017 году на территории страны женщинами было совершено 141857 преступлений, а мужчинами — 794442 преступления [10]. Получается, что в среднем женщины совершают в 6 раз меньше преступлений ежегодно, чем мужчины. Такие статистические данные свидетельствуют, с одной стороны, о том, что женщинами совершается куда меньше преступлений, чем мужчинами, однако уровень женской преступности, с другой стороны, занимает очень заметное место в структуре современной преступности.

В настоящее время российскому обществу необходима разработка механизмов успешной превенции женской преступности и противодействию возникновению рецидивов у осужденных женщин. В связи с этим представляется актуальным исследование криминологических особенностей личности осужденных женщин и их типология.

Женская преступность является составным элементом преступности и, как следует из названия, представляет из себя преступные деяния, совершаемые лицами женского пола [4, с. 217].

Многолетняя практика исполнения наказания в виде лишения свободы не раз подтверждала закономерность роста численности осужденных женщин по мере активизации их роли и места в социуме. Эта зависимость была выявлена еще в позапрошлом веке, когда впервые в цивилизованных странах заговорили о феминизации общественной жизни, с тех пор она так или иначе регулярно находит свое подтверждение в статистических отчетах [7, с. 110].

Как показывает практика, женская преступность постепенно растет по отношению к мужской, причем это характерно не только для Российской Федерации, но и для многих западных государств. Можно также отметить тот факт, что структура женской преступности поменялась: если раньше женщины совершали в большинстве своем преступления против собственности, причем преимущественно тайные, то теперь в структуру женской преступности уверенно входят такие виды преступлений, как насильственные преступления (с тяжкими последствиями), преступления в сфере государственной власти, в том числе коррупционные, а также преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Интересен тот факт, что самый значительный рост показателей женской преступности был замечен на территории нашей страны в крупных экономически развитых городах, таких, как Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург и пр. [9, с. 906].

Затрагивая вопрос об образовании преступниц-женщин, следует сказать, что в целом их образовательный уровень схож с образовательным уровнем преступников-мужчин. Так, порядка 35% женщин, совершивших свои преступления в 2017 году, имели начальное и основное общее образование, 19% из них имели среднее (полное) образование, 33% — среднее профессиональное образование и всего лишь 13% имели высшее образование. Однако при этом преступников-мужчин с высшим образованием в 2017 году было выявлено всего порядка 9% среди всех преступников-мужчин. Это говорит о том, что женщина, имеющая высшее образование, более склонна к совершению преступлений, чем мужчина с таким же уровнем образования.

В отношении гражданства следует отметить, что уровень преступности женщин практически аналогичен уровню преступности мужчин. Так, в 2017 году 98% преступлений, совершенных женщинами, были совершены россиянками и только 2% были совершены женщинами, имеющими гражданство зарубежных государств. Для сравнения — мужчинами, имеющими гражданство зарубежных государств, на территории России в 2017 году было совершено 3% от общего числа преступлений. Данные сведения говорят о том, что мужская преступность иностранцев также превышает женскую, однако иностранцы женского пола тоже совершают преступления

на территории страны (в 2017 году всего 3412 преступлений) [11, с. 285].

Говоря о возрасте осужденных женщин — по состоянию на 2018 год существует следующая статистика: 3% преступлений совершается женщинами несовершеннолетнего возраста (14 лет — 17 лет); 12% преступных деяний совершается молодыми женщинами (18 лет — 24 года); 16% преступлений — женщинами возраста от 25 лет до 29 лет; женщины возрастом 30 лет — 49 лет совершают 55% преступлений; возраста 50 лет и старше — 14% деяний, запрещенных уголовным кодексом. То есть можно заметить тенденцию омолаживания женской преступности, однако пока что большая часть преступлений все-таки совершается женщинами старшего возраста. Интересен также тот факт, что в 2017 году женщины возраста от 50 лет совершили больше преступлений, чем мужчины этого же возраста (разница составила 4%). Это может подтвердить тезис о том, что с возрастом потенциальная криминогенность лица женского пола увеличивается.

Наконец, говоря о социальном составе женской преступности в России в 2017 году, скажем следующее. Большинство преступлений, совершаемых как мужчинами, так и женщинами, были совершены лицами без постоянного источника дохода (порядка 70%). Также заметна доля лиц, которые заняты в секторе наемного труда (порядка 20%). Такие статистические данные свидетельствуют о том, что по социальному составу принципиальных различий между женской и мужской преступностью по сути нет, и этот факт, конечно, подтверждает мысль о том, что современная женская преступность в России активно догоняет преступность мужскую и становится к ней все ближе [3, с. 61].

Важный параметр характеристики осужденных женщин — их заболеваемость такими опасными заболеваниями, как ВИЧ (СПИД), туберкулез, гепатиты и пр. Исследования показывают, что каждая третья женщина (37%) в возрасте от 22 до 29 лет имеет такое заболевание. Что касается более старшего возраста, то с 30 по 39 лет болезни указанные имеет каждая пятая женщина (18,9%), находящаяся в местах лишения свободы. Лица в возрасте от 19 до 21 года имеют 11% больных опасными заболеваниями, а лица от 40 лет и выше — 10% [8, с. 255].

Брачно-семейные отношения осужденных также дают важные сведения о их социальном портрете. Так, по статистике большая часть женщин (80%), подвергнутых уголовному наказанию не состоят в оформленном в органах ЗАГС браке, причем у каждой седьмой женщины семьи распались в период, когда она была подвергнута наказанию. При этом каждая шестая женщина состоит в не оформленных в органах ЗАГС отношениях [1, с. 76].

Давая осужденным женщинам уголовно-правовую характеристику, отметим, что в последнее время наблюдаются тенденции сокращения рецидива среди осужденных женщин, уменьшение коротких сроков их пребывания в местах лишения свободы и, наоборот, увеличение длинных.

Чаще всего женщинами совершаются следующие преступления: кражи, мошеннические посягательства, обман

потребителей, незаконное изготовление, сбыт и хранение спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ, насильственные преступления. Однако при этом сегодня все чаще можно наблюдать совершение женщинами убийств, причем совершаемых все более жестокими и изощренными способами. Объясняется это изменением роли женщины в системе общественного производства и труда, снижением традиционной роли семьи и семейных отношений, огрублением нравов в обществе, а также изменением социально-психологического восприятия женщиной своей роли в современном мире [2, с. 110]. При этом значительная часть женщин осуждена за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств (около 40%). Каждая седьмая женщина осуждена за кражу, каждая двадцатая — за причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное умышленно.

Большая часть женщин (42%) отбывает наказания сроком от 5 до 10 лет. Количество женщин, осужденных на небольшие сроки (от года до трех) — 23%, от трех до пяти лет — 20%. Женщин, осужденных на срок от десяти до пятнадцати лет, наблюдается 8%, от двадцати лет и выше — 7%

Как правило, причинами женской преступности являются потребность в алкоголе и наркотических средствах, поиск средств к существованию, желание испытать новые эмоции или самоутвердиться.

Что касается соучастия женщин в совершении преступлений, статистика следующая: 75% женщин совершают преступления без соучастия, остальные — в составе группы, при этом 15% женщин были ведомыми, а 10 — лидерами преступных групп. Немалое количество преступлений совершается в состоянии опьянения (55%). При этом в 31% случаев преступление вызвано наркотиками, 24% случаев — алкоголем, 0,5% случаев — иными одурманивающими веществами.

Интересна также уголовно-исполнительная характеристика осужденных к наказанию в виде лишения свободы женщин. Порядка 66% из них находятся в обычных условиях, около 33% — в облегченных, в строгих же условиях отбывает наказания лишь незначительный процент женщин (0,01%).

Важное значение имеет информация о рецидивах среди осужденных лиц женского пола. Как показывает статистика, около 25% женщин после отбывания наказания продолжают вести образ жизни, опасный для общества. 46% женщин стараются вести себя положительно, остальные женщины не имеют четкой позиции [6, с. 16].

Итак, проанализировав криминологические особенности личности осужденных женщин, стоит отметить, что современная статистика свидетельствует о том, что в России женщины в среднем совершают в 6 раз меньше преступлений ежегодно, чем мужчины. Обращает на себя внимание тот факт, что потенциальная криминогенность личности женщины с возрастом несколько увеличивается, а у мужчин, наоборот, немного сокращается. Также женщина, имеющая высшее образование, более склонна

к совершению преступлений, чем мужчина с таким же уровнем образования.

Существует тенденция омолаживания женской преступности, однако пока что большая часть преступлений все-таки совершается женщинами старшего возраста.

Стоит отметить и тот факт, что в последнее время наблюдаются тенденции сокращения рецидива среди осужденных женщин, уменьшение коротких сроков их пребывания в местах лишения свободы и, наоборот, увеличение длинных.

Литература:

1. Антонян, Ю. М. Преступность среди женщин / Ю. М. Антонян. — М.: Рос. право, 1992. — 256 с.
2. Вологина, Е. В. Женская преступность в современной России / Е. В. Володина. — Волгоград, 2011. — 218 с.
3. Грудинин, Н. С. Статистические показатели женской преступности в Российской Федерации и столичном регионе / Н. С. Грудинин // Закон и жизнь. — 2018. — № 4. — с. 61–66.
4. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. — 27е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. — 528 с.
5. Левченко, В. В. Предложения, заявления и жалобы лиц, лишенных свободы, как гарантия обеспечения прав осужденных и средство улучшения организации исправительно-трудового воздействия: дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Левченко. — М., 1984. — 238 с.
6. Носикова, А. А. Женская преступность / А. А. Носикова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. — 2011. — № 6. — с. 342–344.
7. Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. материалов науч.-практ. конф., Москва, 20 сент. 2012 г. / НИИ ФСИН России; Акад. ФСИН России. — М., 2012. — 233 с.
8. Онищенко, О. С. Проблемы борьбы с женской преступностью // В книге: Борьба с преступностью: теория и практика Тезисы докладов III Международной научно-практической конференции. — В 2-х частях. — 2015. — с. 254–257
9. Парижская, Е. Н. Состояние женской преступности в Российской Федерации на современном этапе // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 2. — с. 905–908.
10. Социальный портрет преступности в Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://crimestat.ru/social_portrait. — (Дата обращения 15 января 2019 г.).
11. Шантырева, Е. А. Женская преступность как отдельный вид преступности // В сборнике: Наука — образованию, производству, экономике материалы XXII (69) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2 томах. — 2017. — с. 285–286.

Земельный участок как объект гражданских правоотношений

Файзрахманова Лейсан Миннуровна, кандидат юридических наук, доцент;

Сибгатова Люзия Наилевна, студент магистратуры

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ) не дает определения земли как объекта гражданских правоотношений, в одном случае земля просто отнесена к категории «вещь» (это следует из ст. 128 ГК РФ), в других случаях говорится о «земле» (п. 1 ст. 130 ГК РФ) в значении, явно не связанном с оборотом, в иных применяется термин «земельный участок» [1].

ГК РФ оперирует такими понятиями, как «недвижимая вещь», «недвижимость», «недвижимое имущество». Взгляды ученых на соотношение указанных понятий неоднозначны и могут быть условно разделены на три группы.

Вопросы отнесения тех или иных вещей к числу недвижимых неизбежно влекут за собой и вопросы проведения их классификации. Логично, что большинство ученых, ру-

ководствуясь положениями ст. 130 ГК РФ, выделяют следующие две группы недвижимых вещей:

1) вещи, недвижимые по их природе: а) земельные участки, участки недр; и б) все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых неизбежно повлечет несоразмерный ущерб: здания, сооружения, объекты незавершенного строительства и др.;

2) вещи, отнесенные к недвижимым в силу закона.

В современных исследованиях классификация недвижимости была расширена и дополнена. Так, С. В. Дзагоев в своих трудах убедительно аргументировал вывод о том, что земельный участок может выступать в качестве объекта гражданских правоотношений в трех различных качествах [2, с. 25].

Что же касается вещей, относимых к недвижимым в силу закона, то в современных исследованиях превалирует мысль о необходимости отказаться от причисления таких объектов к объектам недвижимости. В основу системы правового регулирования отношений в сфере недвижимого имущества может быть положена только объективная концепция недвижимого имущества, которая исходит при отнесении к недвижимому имуществу исключительно из физических признаков объекта и исключает использование в качестве такого критерия правовых отношений, возникающих по поводу такого объекта.

Следует отметить, результатом внесения последних изменений в гражданское законодательство стал уход от концепции, изложенной Т.В. Крамковой, которая предложила классификацию, содержащую вариант юридической взаимосвязи земельного участка с другими объектами, когда прочная связь между земельным участком и другими объектами, на нем расположенными, не лишает их правообъектности по отдельности, и они остаются в гражданском обороте как отдельные объекты [3, с. 25].

Проблематика юридической взаимосвязи земельного участка с находящимися на нем объектами является объектом многих исследований. Главными вопросами этих исследований является вопрос, что является главной вещью, а что принадлежной и всегда ли эти вещи следуют «единой судьбе».

Данный вопрос урегулирован наиболее полно Земельным кодексом РФ, где единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов возведено в ранг принципов земельного законодательства. В соответствии с этим принципом, прочно связанные объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением установленных федеральными законами случаев. Следует отметить, что положения ст. 35 ЗК РФ вступают в некое противоречие с этим принципом, так как устанавливают правила перехода прав землепользования к лицу, получившему права на здание, сооружение, находящееся на чужом земельном участке. В данном случае единство судьбы проявляется не в том, что прочно связанный объект (здание, сооружение) следует за земельным участком, а, напротив, земельный участок следует за объектом, прочно с ним связанным.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Завидов, Б.Д. Договор аренды нежилых помещений: правовое регулирование. Учебное пособие / Б.Д. Завидов. — М.: Дашков и Ко, 2016. — 180 с.
3. Крамкова, Т.В. «Гражданско-правовой режим земельного участка»: автореф. дис. канд. юрид. наук. — М., 2017. — 34 с.
4. Суханов, Е.А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. — 2008. — № 4. — с. 24–26.
5. Аверченко, Н.Н. «Правовой режим сложных вещей»: автореф. дис. канд. юрид. наук. — СПб, 2015. — с. 7–12.

Кроме того, абсолютизация единой судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов вряд ли имеет смысл — объект, находящийся на земельном участке, пусть даже и прочно с ним связанный, может быть разрушен, в то время как сам земельный участок остается пригодным к использованию по целевому назначению.

Можно резюмировать, что согласно действующему законодательству земельный участок и прочно связанные с ним объекты к сложным вещам не относятся.

В научной доктрине наиболее последовательно об этом говорит Е.А. Суханов, отмечая, что «деление вещей на главные и принадлежности (ст. 135 ГК), очевидно, неприменимо к недвижимостям и, следовательно, относится только к движимым вещам» [4, с. 25]. Аверченко Н.Н. определяет сложную вещь как определенное множество материальных предметов, которые используются по общему назначению ввиду интегральной (функциональной или физической) связи между ними [5, с. 7].

Сложная вещь характеризуется таким признаком, как неделимость, представляющая собой невозможность установить отдельные права на части в то время, как они входят в состав целого. В данном случае, рассматривая земельный участок и расположенные на нем объекты, признать их сложной вещью никак нельзя, поскольку на них устанавливаются отдельные права. Например, земельный участок может использоваться на правах аренды, в то время как расположенное на нем здание может принадлежать субъекту на праве собственности.

На сегодняшний день Гражданский кодекс РФ разделяет вещи на недвижимые и движимые, используя в качестве критерия не только физические признаки объекта, но также и правовые отношения, которые возникают по поводу такого объекта. Большинство ученых едины в убеждении, что правовые отношения, складывающиеся по поводу того или иного объекта, не могут быть критерием отнесения такого объекта к недвижимой вещи. Принцип единой судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов, как показал анализ, вызывает множество вопросов и вряд ли может быть применен с целью определения земельного участка и прочно связанных с ним объектов в качестве сложной вещи.

Уголовная ответственность за нарушение правил охраны и использования недр

Халеева Анастасия Константиновна, студент;
Дикаева Милана Салмановна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Юридическая ответственность — важнейшее средство охраны и обеспечения конституционности, законности и правопорядка. Основной целью юридической ответственности является предупреждение и пресечение правонарушений в сфере недропользования, устранение причиненного ущерба в результате пользования недрами.

Вопрос об уголовной ответственности за нарушение законодательства о недрах законодатель указывает в ст. 49 Закона РФ «О недрах» [1]. Однако в законе прямо не предусмотрено определение уголовной ответственности за нарушение законодательства о недрах. В рамках принципа ответственности недропользователей за нарушение законодательства о недрах, понятие уголовной ответственности можно сформулировать как основанная на нормах закона обязанность виновного в совершении преступления против правил охраны и использования недр лица претерпеть негативные последствия в виде наказания, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации.

На сегодняшний день существует несколько составов преступлений, которые связаны с нарушением правил охраны и использования недр, представленных в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) [2]. Так в ст. 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр» объектом преступления выступают общественные отношения по охране и рациональному использованию недр. Предметом преступления следует считать недра как часть земной коры, расположенной ниже почвенного слоя и дна водоемов и водотоков, простирающийся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения. Объективная сторона преступления выражается в совершении хотя бы одного из деяний, указанных в диспозиции, а именно: проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию, эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, при самовольной застройке площадей залегания полезных ископаемых. Такое нарушение правил может явиться результатом как действия, так бездействия виновного лица. Субъективная сторона состава преступления характеризуется одной из форм вины: умысел или неосторожность. Так, например, если виновное лицо осознавало незаконность самовольной застройки площади залегания полезных ископаемых, предвидело возможность причинения этим деянием значительного ущерба и даже если не желало, но сознательно допускало наступление указанного вреда либо относилось к его наступлению безраз-

лично, то речь пойдет о косвенном умысле. При неосторожном нарушении правил охраны и использования недр последствия нарушения также будут считаться наступившими по неосторожности.

На практике же применение ст. 255 УК РФ судами встречается довольно редко. Согласно статистическим данным МВД РФ за январь-ноябрь 2018 г. зарегистрировано более 22 тысяч экологических преступлений. Аналогичная ситуация наблюдается и в статистических данных за 2017, 2016, и 2015 гг. [3].

Ссылаясь на сложность в правоприменении ст. 255 УК РФ, Захарова В. А отмечает, что на практике она практически не применяется. Автор в своей работе отмечает, что официальная статистика в сфере нарушения охраны и использования недр не позволяет провести объективную оценку современного состояния преступности в данной области [4].

В основном, нарушения в сфере охраны и использования недр тесно связаны с преступлениями против собственности (корыстными преступлениями), преступлениями в сфере экономической деятельности (незаконное предпринимательство) и должностными преступлениями.

Так, на официальном сайте Следственного Управления Следственного комитета РФ по Томской области опубликована информация о том, что в Томской области вынесен приговор по уголовному делу о нарушении правил охраны и использования недр. Судом установлено, что руководитель коммерческой фирмы, основным видом деятельности которого является выполнение строительно-монтажных работ в 2016 году на месторождении песка «Новое», расположенном на территории лесничества ЗАТО Северск, дал указание работникам и подрядчикам о проведении с применением экскаваторов и автомобильной техники работ по незаконной добыче песка в объеме 12800 кубометров и транспортировки их на объекты строительства.

Приговором суда мужчина признан виновным в совершении инкриминируемого ему деяния и осужден к наказанию в виде штрафа в размере 100000 рублей [5].

Санкция ст. 255 УК РФ предусматривает за совершенное деяние штраф в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительные работы на срок до двух лет.

На наш взгляд, необходимо скорректировать размер штрафа за данное преступление. Так, если вернуться к уголовному делу, указанному выше, и взять среднюю стоимость одного кубометра песка в Томской области (200рублей/один кубометр) и умножить на тот объем, который был «добыт» по указанию руководителя фирмы (12800 кубометров), то можно получить сумму, значительно отличающуюся от суммы штрафа, полученное за данное преступление ($200 \cdot 12800 \text{ куб} = 2560000 \text{ руб.}$), хотя штраф составил всего 100000 рублей. Столь незначительные суммы штрафа фактически оставляют лиц, совершивших преступление, безнаказанными и провоцируют продолжение ими преступной деятельности. На наш взгляд, в указанном выше примере сумма штрафа будет восприниматься подсудимым как откуп, а не как реальное наказание с серьезным карательным потенциалом. Представляется, что размер штрафа должен ставиться в прямую зависимость от суммы причиненного ущерба.

Также нельзя оставить без внимания одно из обсуждаемых уголовных дел Томской области прошедших лет. На том же сайте опубликована информация о подобном преступлении в сфере недропользования [6]. На основании материалов проверки, поступивших из органов прокуратуры, Следственными органами СК РФ по Томской области, возбуждено уголовное дело по факту нарушения правил охраны и использования недр. По данным следствия, в период с 2012 по 2017 гг. сотрудники коммер-

ческого предприятия в нарушение Закона «О недрах» и условий имеющейся лицензии, не имея оформленного горного отвода, договора аренды на используемый земельный участок и лицензии на добычу полезных ископаемых, осуществляли с помощью спецтехники работы по добычи песчаника на карьере, расположенном на участке недр «Мирненский» в Томском районе. Общий объем незаконно извлеченных полезных ископаемых составил около 40 тысяч кубометров. В результате указанных действий окружающей среде причинен вред в размере более 18,5 миллионов рублей [7]. Однако необходимо отметить, что данные примеры является скорее исключением, многие аналогичные дела не доходят даже до стадии судебного разбирательства.

Таким образом, необходимо сделать вывод том, что на практике недропользователем, все чаще, выступают юридические лица. На наш взгляд, необходимо ввести статью в уголовное законодательство РФ, которая непосредственно регулировала бы уголовную ответственность юридического лица за правонарушения в сфере недропользования, так как на сегодняшний день этот вопрос весьма актуален. Говоря о вопросе привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, С. Т. Фаткулин, отмечает, что «установление уголовной ответственности юридических лиц, в том числе за экологические преступления, позволит защитить окружающую среду от окончательного разрушения», с чем мы не можем не согласиться [8].

Литература:

1. Закон РФ «О недрах» от 21 февраля 1992 г. № 2395–1-ФЗ // Российская газета от 15.03.1995 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — ноябрь 2018 года/www. МВД. РФ — ссылку на сайт/дата обращения 28.12.2018
4. Захарова, В. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с нарушением законодательства об охране и использовании недр // Актуальные проблемы права: Науч.-метод. сб. Калининградского пограничного института ФСБ России. 2008. N 23. Ч. 3.
5. Новости Следственного Комитета Российской Федерации по Томской области/ <http://tomsk.sledcom.ru/> от 14.02.2018 г. /дата обращения 15.12.2018
6. Новости Следственного Комитета Российской Федерации по Томской области/ http://tomsk.sledcom.ru
7. Новости Следственного Комитета Российской Федерации по Томской области/ <http://tomsk.sledcom.ru/> от 03.05.2018/дата обращения 16.12.2018
8. Фаткулин, С. Т. Уголовная ответственность юридических лиц за экологические преступления // Законность. 2012. № 11. с. 7–10.

Административная ответственность за правонарушения в сфере недропользования

Халеева Анастасия Константиновна, студент;
Дикаева Милана Салмановна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Значимую роль в недропользовании играет административная ответственность. Исходя из сложившегося мнения юристов, административная ответственность наступает за совершение административного правонарушения, то есть противоправного, виновного (умышленного или неосторожного) деяния (действия или бездействия), посягающего на государственный, общественный строй, на собственность, на жизнь и здоровье граждан [1].

Основанием для наступления административной ответственности является совершение административного правонарушения.

Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее — КоАП РФ) [2] определяет административное правонарушение как противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое законодательством РФ установлена административная ответственность.

Административное правонарушение должно обладать рядом признаков, исходя из которых, можно сделать вывод, что правонарушение является деянием. Во-первых, оно должно выражаться в форме действия или бездействия. Другими признаками являются противоправность, виновность, наказуемость деяния, а также общественная опасность.

КоАП РФ устанавливает несколько составов правонарушений, которые относятся к недропользованию:

1. Статья 7.3 (пользование недрами без лицензии на пользование недрами либо с нарушением условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами, и (или) требований утвержденных в установленном порядке технических проектов),
2. Статья 7.4. (Самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых),
3. Статья 7.5. (Самовольная добыча янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней),
4. Статья 7.10. (Самовольная уступка права пользования землей, недрами, лесным участком или водным объектом),
5. Статья 8.9. (Нарушение требований по охране недр и гидроминеральных ресурсов),
6. Статья 8.10. (Нарушение требований по рациональному использованию недр),
7. Статья 8.11. (Нарушение правил и требований проведения работ по геологическому изучению недр).

Объектом административного правонарушения в области недропользования являются охраняемые законом общественные отношения, складывающиеся в области охраны и использования недр.

По мнению О.Л. Дубовик, основанием административной ответственности являются наличие в деянии признаков состава экологического проступка, включая умышленную или неосторожную вину субъекта ответственности (физического или юридического лица), наличие правовой нормы, установившей запрет и содержащей санкцию за его нарушение [3].

Можно привести несколько примеров из судебной практики по административным правонарушениям в сфере охраны и использования недр.

Так, Арбитражным судом города Санкт-Петербург и Ленинградской области рассмотрено дело об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности [4].

ООО «Ресурс» обратилось в арбитражный суд с заявлением об оспаривании вынесенного Комитетом государственного экологического надзора Ленинградской области постановления о привлечении общества к административной ответственности в виде административного штрафа в размере 1000000 рублей. Как следует из материалов дела, должностными лицами Комитета на основании обращения содержащего информацию о безлицензионной добыче песка, проведен осмотр, обследование территории по маршруту, определенному заданием на проведение планового (рейдового) осмотра, обследования. В результате обследования установлено, что при движении по маршруту, указанному в Задании, должностными лицами Комитета был замечен выезжающий с участка грузовой автомобиль, кузов которого полностью заполнен песком. Въезд в карьер осуществлялся свободно, какие-либо информационные таблички с данными владельцев участка, лиц, проводящих работы, ограничениями в части входа/въезда на участок отсутствовали.

Из материалов рейдового обследования и материалов административных дел следует, что ряд лиц, в том числе ООО «Ресурс» проводит безлицензионную добычу песка (общераспространенного полезного ископаемого Ленинградской области) в границах проявления строительных песков «Мяглово». Лицензия, предоставляющая право пользования недрами на данном земельном участке, не выдавалась Обществу.

Суд первой инстанции, оценив представленные в дело доказательства, пришел к выводу о том, что административным органом достоверно установлено совершение Обществом (в составе группы других лиц) вмененного ему административного правонарушения — из недр в карьере на рассматриваемом земельном участке извлекался природный песок, находящийся в естественном, природном

залегании, в «целике», а не какой-либо завезенный ранее и складированный материал.

Суд принял решение отказать в удовлетворении заявления общества ввиду отсутствия оснований для отмены/изменения постановления.

В случае отсутствия вины недропользователя привлечение его к административной ответственности будет являться незаконным. Так, гражданин Середина Д.В. Постановлением мирового судьи подвергнут административному наказанию в виде штрафа в размере 200000 рублей за незаконное хранение в целях сбыта незаконно добытого янтаря [5]. Середина Д.В. подал иск в суд об отмене постановления и прекращении административного производства, ссылаясь на то, что обнаруженный у него дома янтарь остался ему после смерти его отца, который при жизни работал на янтарном комбинате и имел лицензию на добычу и обработку янтаря и янтарных изделий.

Основанием для решения мировым судьей вопроса о привлечении Середины Д.В. к ответственности послужили выводы участкового уполномоченного о том, что Середина Д.В. хранил янтарь-сырец общей массой 51 кг с целью его дальнейшего сбыта без разрешительных документов.

Какие-либо доказательства в подтверждение факта хранения незаконно добытого янтаря и цель его дальнейшего сбыта в материалах дела отсутствуют, а имеющиеся доказательства не могут быть признаны достаточными для вывода о наличии во вменяемом Середине Д.В. деянии объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.5 КоАП РФ. Каких-либо доказательств, подтверждающих то, что Середина Д.В. хранил незаконно добытый янтарь, а также доказательств, подтверждающих цель сбыта данного янтаря, должностным лицом при подготовке материала, а также мировым судьей не установлено.

Суд вынес решение об отмене постановления и прекращении административного производства, вследствие отсутствия состава административного правонарушения.

В судебной практике также нередки случаи привлечения лиц к административной ответственности по ст. 8.10 КоАП РФ. Таким примером может служить дело из практики Альметьевского городского суда Республики Татарстан.

Постановлением государственного инспектора межрегионального отдела по надзору в нефтедобывающей промышленности и горному надзору Приволжского управления Ростехнадзора Акционерное общество «СМП-Нефтегаз» признано виновным и подвергнуто административному штрафу в размере 800000 рублей. Не согласившись с указанным постановлением, АО «СМП-Нефтегаз» обратилось в суд с жалобой, в ко-

торой просит постановление признать незаконным и отменить. Из материалов дела следует, что на основании распоряжения Приволжского управления Ростехнадзора проведена плановая выездная проверка в отношении юридического лица АО «СМП-Нефтегаз» на опасных производственных объектах, в ходе которой выявлены нарушения требований промышленной безопасности при эксплуатации опасных производственных объектов, нарушения лицензионных условий по производству маркшейдерских работ и требований к осуществлению маркшейдерского обеспечения промышленной безопасности и охраны недр. В числе нарушений также обнаружено: отсутствие журнала полевых измерений; отсутствие ведомости вычислений; отсутствие проектной документации с обоснованием координат устьев и забоев скважин; отсутствие подтверждающих документов на право пользования АО «СМП-Нефтегаз» двумя пунктами государственной геодезической сети принадлежащими Росреестру.

Исходя из характера и степени потенциальной опасности, конкретных обстоятельств дела, размера и тяжести вреда, обстоятельств совершения АО «СМП-Нефтегаз» административного правонарушения, а также принимая во внимание виды наказаний, предусмотренных санкцией ст. 8.10 ч. 2 КоАП РФ, совершенное АО «СМП-Нефтегаз» правонарушение нельзя признать малозначительным, поскольку данное правонарушение затрагивает безопасность неопределенного круга лиц. Эти и некоторые другие доводы стали основополагающими для вынесения решения. Суд решил оставить постановление без изменения, а жалобу АО «СМП-Нефтегаз» без удовлетворения [6].

Административный штраф как один из видов наказаний указан во всех санкциях статей КоАП РФ, предусматривающих административную ответственность в сфере недропользования. При этом сам размер штрафов в статьях Кодекса значительно варьируется.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что имеется достаточно обширная практика привлечения лиц к административной ответственности за правонарушения в сфере охраны и использования недр. Однако в связи с тем, что действия по осуществлению недропользования без лицензии или с нарушением условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами, может повлечь за собой непоправимый вред окружающей среде и экологической обстановки в целом, представляется необходимым ужесточить санкции за нарушение недропользователем статей КоАП РФ. Например, внести некоторые изменения в ст. 7.3 КоАП РФ, в части, касающейся ответственности, а именно, указать размер стоимости незаконно извлеченных полезных ископаемых.

Литература:

1. Советское право: Учебник / З.Г. Андропова, В.Г. Вердников, А.Д. Воробьева, др.; Под ред. Н.А. Тепловой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987. с. 92.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.09.2005) // СЗ РФ от 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1, СЗ РФ от 03.10.2005, № 40, ст. 3986.
3. Дубовик, О.Л. Административная ответственность за экологические правонарушения: предварительная оценка реформы законодательства // Экологическое право. 2002. № 2. с. 14
4. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 14.09.2018 по делу № А56–63684/2017// <http://sudact.ru>. Дата обращения 31.01.2019
5. Решение Светловского городского суда Калининградской области № 12–59/2018 от 24.07.2018 по делу № 12–59/2018// <http://sudact.ru>. Дата обращения 31.01.2019
6. Решение Альметьевского городского суда Республики Татарстан № 12–320/2018 от 26.06.2018 по делу № 12–320/2018// <http://sudact.ru>. Дата обращения 31.01.2019

К вопросу о юридическом лице как субъекте преступления

Черных Ирина Анатольевна, студент
Иркутский государственный университет

Ключевые слова: юридическое лицо, уголовная ответственность, субъект преступления, преступление, уголовное наказание, уголовная ответственность организации.

Российское уголовное право предусматривает соответствующую ответственность лишь для физических лиц, и не предусматривает ответственность для организаций, в отличие от иных отраслей права, таких как гражданское и административное. В данной работе будет рассмотрен вопрос возможности введения уголовного наказания для юридических лиц, основные проблемы введения такой ответственности, взгляды российских ученых на данный вопрос, а также предложена концепция признания юридического лица субъектом преступления.

В соответствии со статьей 48 Гражданского Кодекса Российской Федерации, юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

На сегодняшний день в тех областях отношений, где участвуют юридические лица, за преступления несет ответственность человек — представитель соответствующей организации.

Исходя из данной в уголовном законе дефиниции преступления, законодатель закрепляет четыре основных признака общественно опасного деяния: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость. Именно виновность служит предметом многолетнего спора юристов об уголовной ответственности юридических лиц.

Виновность — это психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному, противоправному деянию и его последствиям. Учитывая, что юридическое лицо не имеет психики, оно не способно осознавать общественную опасность и предвидеть наступление общественно опасных последствий. Исходя из

этого утверждения, по общему убеждению юридическое лицо не может быть субъектом преступления.

Своеобразен к этому вопросу подход профессора Б.В. Волженкина. Он считает, что стоит различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Совершить преступление может только физическое лицо, обладающее сознанием и волей, а вот ответственность за совершенное преступление может нести как физическое, так и юридическое лицо, при соблюдении определенных условий. К этим условиям относятся, например, что юридическое лицо (его орган управления) знало о совершаемом противоправном деянии или руководило им; преступление должно быть умышленным и совершаться в интересах или в пользу организации; субъект, совершивший преступление, должен быть уполномочен юридическим лицом [1, с. 24].

Такой подход к уголовной ответственности организации подвергается критике. В частности, Н.А. Лопашенко пишет, что уголовное право исходит из традиционной дихотомии «преступление — ответственность», а отказ от принципа виновной личной ответственности недопустим [2, с. 353]. Спорить с данным выводом бесполезно, либо юридическое лицо нужно признать субъектом преступления, либо не вводить для него уголовную ответственность совсем, ибо иные «компромиссные» пути будут противоречить уголовному закону.

Многие сторонники признания организации субъектом преступления, например, И.В. Ситковский [3, с. 16], утверждают, что санкции, применяемые к юридическим лицам в других отраслях права, обладают недостаточной строгостью, учитывая колоссальность угрозы общественной безопасности, которую представляет организация в силу осуществляемой ими деятельности.

В.С. Комиссаров, являясь одним из противников введения уголовной ответственности для юридических лиц,

утверждает, что в настоящее время иными отраслями права уже предусмотрены достаточные санкции для организаций за совершение противоправных деяний: «Невозможность применения уголовного наказания к юридическим лицам не означает их безответственности. Юридические лица несут имущественную ответственность за причиняемый вред, к ним могут быть применены определенные финансовые и административные санкции» [4, с. 147].

Действительно, в настоящее время в административном праве для организаций существуют такие санкции, как административный штраф (ст. 3.5 КоАП РФ), конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения (3.7 КоАП РФ), административное приостановление деятельности (ст. 3.12 КоАП РФ) и иные виды ответственности. Но являются ли такие санкции соотносимыми с причиняемым организациями вредом — большой вопрос.

По мнению большинства ученых, введение самостоятельной ответственности для юридических лиц создаст опасную ситуацию, при которой физические лица будут избегать ответственности, перекладывая вину на организацию. Н. А. Лопашенко утверждает: «Установление ответственности за экономические и экологические преступления, вопреки ожиданиям ее сторонников, может только усугубить криминальную ситуацию в данных сферах общественной жизни, стать «подарком» для терроризирующих бизнес коррумпированных чиновников, недобросовестных адвокатов, способствовать уходу от ответственности конкретных виновников этих преступлений» [2, с. 350].

Из вышесказанного можно сделать обоснованный вывод:

Во-первых, юридическое лицо — это фикция, инструмент, который не обладает ни сознанием, ни волей, а значит не имеет личностных качеств как таковых. За любыми действиями (бездействиями), осуществляемыми организацией, стоит человек, учредитель или любой другой служащий, то есть виновность юридического лица можно понимать только как психическое отношение его представителя к совершаемому деянию.

Во-вторых, если за деяния представителя или представителей, даже если оно совершено в интересах организации, ответственность понесет юридическое лицо, это будет противоречить принципу вины, закрепленному в статье 5 УК РФ (лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина).

В-третьих, признание организации субъектом преступления создаст опасность уклонения от ответственности физических лиц, чьи решения причинили вред, либо создали угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Поэтому признание юридического лица субъектом преступления на данном этапе развития российского уголовного права не представляется возможным.

Но стоит заметить, что уголовное право не стоит на месте, а находится в состоянии постоянного развития. В советский период об уголовной ответственности юридических лиц в силу понятных причин не могло идти и речи. После кардинальных экономических изменений конца двадцатого века, а именно перехода к рыночной экономике, расширения форм собственности и признания свободы предпринимательства, организации получили правовой статус совершенно иного характера. С ростом роли юридических лиц в экономическом обороте возросла и их опасность.

С каждым годом увеличиваются размеры ущерба, причиненного деятельностью недобросовестных организаций, и санкций административного и гражданского права для восстановления справедливости и предупреждения новых правонарушений, очевидно, недостаточно. Именно поэтому вопрос признания юридического лица в качестве субъекта преступления остается актуальным и на сегодняшний день.

Приведенные выше аргументы против уголовной ответственности организаций не могут быть проигнорированы. Поэтому концепция признания юридического лица субъектом преступления должна быть построена так, чтобы максимально урегулировать соответствующие противоречия. Мы предлагаем следующую точку зрения на то, как должны нести уголовную ответственность организации в Российской Федерации.

Во многих иностранных государствах (Англия, США, Франция), где существует уголовная ответственность юридических лиц, функционирует принцип отождествления, то есть деянием организации признается действие (бездействие) физических лиц (учредителей или иных членов организации). Однако во многих случаях такой принцип исключает ответственность физических лиц, и наказанию подлежит только организация. Чтобы избежать противоречия принципу вины, в случае введения уголовной ответственности юридических лиц, физические лица, совершившие деяния в интересах организации, и соответствующая организация должны нести субсидиарную ответственность.

Также при введении уголовной ответственности юридических лиц было бы целесообразно криминализировать некоторые составы правонарушений, предусмотренные в КоАП РФ, в силу степени их общественной опасности и неадекватности санкций за их совершение. Например, статья 6.19 — создание юридическим лицом условий для торговли детьми и (или) эксплуатации детей (влечет штраф от 1 до 5 млн. руб. либо приостановление деятельности на срок до 90 суток).

Организации должны нести ответственность за совершение преступлений, предусмотренных в Разделах 8 (Преступления в сфере экономики) и 9 (Преступления против общественной безопасности и общественного порядка) УК РФ, а также в иных разделах, если в соответствующей главе (статье) Особенной части УК РФ указано, что юридическое лицо несет ответственность за совершение данного преступления.

В одном из непринятых проектов УК РФ, признающим организацию субъектом преступления, для юридических лиц предусматривались следующие виды наказаний: штраф, запрещение заниматься определенной деятельностью, конфискация имущества, ликвидация юридического лица [5, с. 90]. Данная система явля-

ется вполне обоснованной, но все же нуждается в некоторых изменениях, а именно: необходимо исключить конфискацию имущества (подобная санкция предусмотрена статьей 3.7 КоАП РФ), а также добавить приостановление деятельности юридического лица (на срок более 90 суток).

Литература:

1. Волженкин, Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». — СПб., — 1998., — 40 с.
2. Лопашенко, Н. А. Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. — СПб.: «Юридический центр Пресс», 2009. — 785 с.
3. Ситковский, И. В. Уголовная ответственность юридических лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, — М., — 2003.
4. Комиссаров, В. С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / В. С. Комиссаров, Н. Е. Крылова, И. М. Тяжкова. — М.: Статут, 2012.
5. Никифоров, А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. — М.: «Центр ЮрИнфоР», 2002. — 204 с.

Права потребителей в сфере оказания финансовых услуг: анализ и практика

Чичерин Владимир Михайлович, студент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

По определенным причинам отечественная классическая гражданско-правовая доктрина оказалась не в состоянии сразу полностью и безоговорочно рассматривать рынок финансовых услуг в качестве предмета регулирования гражданского права [3]. То есть многие подходы и концепции гражданско-правового регулирования отличаются от практических вопросов, возникающих в финансовой сфере. Эту разрозненность и необходимость приведения практики в соответствии со сложившимися в гражданском праве моделями возможно продемонстрировать на примере очень актуального для современной России рынка потребительского кредитования [4].

В сфере финансовых услуг важное значение для потребителя приобретает в первую очередь понимание того, какая именно услуга оказывается. Зачастую потребитель сталкивается с недостаточно четким представлением в силу невнимательности, финансовой или, к примеру, юридической неграмотности. В связи с этим важнейшую роль играет внимательное изучение договора, т. е. условий, которые предлагает контрагент.

Следует отметить, что финансовая организация обязана в полной мере предоставить информацию о финансовом продукте либо услуге. К основным параметрам оказываемой услуги следует отнести:

- 1) ее содержание;
- 2) сумма и сроки всех необходимых платежей непосредственно как для самого потребителя, так и платежей, которые обязуется по договору производить финансовая

организация в пользу потребителя. В данном случае учитываются также и дополнительные, либо связанные услуги по договору;

- 3) обязательства сторон по договору;
- 4) штрафы и пени, которые возникают в связи с невыполнением обязательств, либо просрочке платежей;
- 5) риски, связанные оказываемой услугой;
- 6) условия досрочного прекращения договора, а также связанные с этим возможные потери для потребителя;
- 7) сама процедура оказания услуги — от заявки до прекращения действия договора.

К основным параметрам можно отнести и другие критерии, характерные для конкретного договора и вида оказываемой финансовой услуги. Важной практической рекомендацией будет обращение потребителя к представителю услугодателя за соответствующими разъяснениями. Право на раскрытие информации об условиях договора до момента его заключения в сфере оказания финансовых услуг прописано в ст. 10 Закона о защите прав потребителей.

Вторая важнейшая практическая рекомендация относится к так называемому «мелкому шрифту», который на практике потребители зачастую игнорируют, в связи с чем может возникнуть ряд правовых последствий, на которые не рассчитывал потребитель.

Особенностью подобных финансовых сделок служит то, что при предоставлении финансовой организацией определенных выгод, чаще всего гарантированы соответству-

ющие затраты. При наличии нескольких договоров на руках следует сравнить условия конкурирующих между собой организаций, таким образом, потребитель может принять наиболее выгодное решение. Особое внимание при наличии возможности сравнения подобных договоров следует уделить таким параметрам, как:

- суммы;
- сроки;
- пени;
- штрафы.

Зачастую финансовые организации предлагают дополнительные услуги наряду с основными. Основываясь на ч. 3 ст. 16 Закона о защите прав потребителей, потребителю финансового продукта всегда следует помнить о возможности отказаться от дополнительных услуг, если в них нет необходимости. Тем не менее, следует внимательно вчитываться в условия конкретного договора, поскольку подобный отказ может повлечь за собой потерю определенной выгоды. В данном случае все зависит от конкретных обстоятельств.

Важной деталью при заключении потребителями договоров на оказание финансовых услуг является точность персональных данных. Искаженные, либо неактуальные данные на практике приводят к тому, что финансовая организация может направить информацию не по тому номеру телефона, либо, к примеру, адресу. К тому же подобные неточности могут привести к задержке сроков надлежащих уведомлений, что может привести к нарушению сроков внесения платежей по договору.

Субъект персональных данных на обработку своих персональных данных дает по своей воле, в своем интересе, за исключением случаев обязательного предоставления субъектом персональных данных в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Согласие на обработку персональных данных может быть отозвано субъектом персональных данных.

Если субъект персональных данных считает, что оператор обрабатывает его персональные данные с нарушением требований законодательства, он вправе обжаловать действия или бездействия оператора в уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных или в судебном порядке.

Оператор при обработке персональных данных обязан принимать необходимые организационные и технические меры, в том числе использовать шифровальные (криптографические) средства, для защиты персональных данных от неправомерного доступа к ним, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, распространения, а также иных неправомерных действий [1].

Что касается дополнительной безопасности в сфере защиты персональных данных при оказании финансовых услуг, важное значение имеет контактная информация, которую указывает финансовая организация в самом договоре. Во избежание ситуаций, связанных с мошенни-

ческими действиями третьих лиц, необходимо ориентироваться именно на упомянутую информацию, либо на информацию, указанную на официальных сайтах финансовых организаций. Признаком мошеннических действия третьих лиц также могут служить сообщения, к примеру, на мобильный телефон, когда «финансовая организация» просит по неизвестному номеру перевести средства или сообщить персональные данные, особенно если речь идет о ПИН-коде или пароле.

Кроме того, при оказании финансовых услуг добросовестность как клиента, так и самой финансовой организации играет первостепенную роль. Зачастую бывают случаи когда внешние обстоятельства напрямую влияют на исполнение клиентом обязательств по договору. Это может касаться таких обстоятельств, как изменение семейного положения, потеря кормильца, работы, болезнь и многие другие. Желательно сразу обратиться в финансовую организацию, с которой заключен договор, например, если это касается выплаты кредита. Таким образом можно прийти к взаимовыгодному решению, это может быть изменение графика платежей или другие возможные варианты, которые может предложить кредитная организация в рамках действующего законодательства в конкретной ситуации. К тому же, если проблему не удастся урегулировать в досудебном порядке, активная позиция, добросовестность и ответственность клиента могут положительно повлиять на исход судебного разбирательства.

Важным моментом является неисполнение финансовой организацией своих обязательств по договору, либо иные нарушения прав клиента. В данном случае с претензией необходимо в первую очередь обратиться в саму финансовую организацию, чтобы попытаться урегулировать затруднительную ситуацию до суда. Вероятны случаи, когда «ошибка» возникла по вине рядовых сотрудников, а более опытные специалисты компетентны устранить назревшую проблему. В большинстве случаев организация идет на мирное урегулирование конфликта по соглашению сторон, в том числе в связи с возможными дополнительными проверками контролирующих органов, которые могут возникнуть впоследствии.

За консультациями клиент может обратиться в территориальные подразделения Роспотребнадзора или, к примеру, в общественные организации по защите прав потребителей, специализирующиеся на защите прав потребителей финансовых услуг. Гражданам могут быть предложен такой способ урегулирования спора, как медиация, предусмотренный положениями Федерального закона от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В качестве досудебного механизма разрешения споров может быть использован также общественный институт финансового омбудсмена. Механизм, как правило, применяется при средних размерах сумм претензий к финансовым организациям — до нескольких сотен тысяч рублей.

Помимо прочего, право потребителя на судебную защиту его прав и интересов предусмотрено статьей 17 Закона о защите прав потребителей. Клиент может требовать:

- возмещения убытков, в том числе взыскании незаконно удержанных или уплаченных денежных средств;
- уплаты неустойки (пени) (в силу закона или договора);
- компенсации морального вреда;
- признание частично или полностью недействительным кредитного договора.

Обращаться в суд можно по месту жительства непосредственно, либо с помощью Роспотребнадзора или общественных организаций по защите прав потребителей. В то же время следует отметить, что поскольку иск по

ОСАГО предъявляется третьим лицом, по смыслу Закона «О защите прав потребителей» потребителем

не являющимся, распространение данных условий на ОСАГО — вопрос открытый [2].

Кроме того, подать жалобу на финансовую организацию, которая нарушает права, можно в государственные регулирующие органы — Роспотребнадзор, Банк России, ФАС. Роспотребнадзор может действовать не только от имени конкретного обратившегося клиента, но и в общественных интересах — в защиту «неопределенного круга лиц».

Банк России регулирует деятельность банковских и страховых организаций, а также микрофинансовых организаций, уполномочен проводить проверки их деятельности и налагать санкции, вплоть до лишения лицензии на право осуществления деятельности. Обращения в ФАС имеют смысл в случае обнаружения фактов недобросовестной рекламы, которую размещает финансовая организация.

Литература:

1. Информационное право: учеб. пособие/ Г.Л. Акопов. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 348 с.
2. Защита прав потребителей в сфере финансовых услуг. Текстовые информационно-образовательные материалы для тьютора// Министерство финансов Российской Федерации. М., 2014. с. 29.
3. Семилютин, Н. Г. Российский рынок финансовых услуг (формирование правовой модели). М., 2005. с. 3.
4. Чебунин, А. В. Вопросы защиты прав потребителей финансовых услуг// Сибирский юридический вестник. № 3. 2007. с. 25.

Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление

Чулюков Олег Олегович, студент магистратуры

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье определяется понятие правомерности в контексте юридической терминологии, рассматриваются условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление согласно российскому уголовному законодательству, раскрываются основные признаки, элементы и их содержание.

Ключевые слова: уголовное право, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, условия правомерности.

Обеспечение правопорядка, общественной безопасности, защита прав

и законных интересов человека и гражданина являются основными функциями государства. Для их реализации создана система органов власти, которые уполномочены на проведение в установленном законом порядке мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, в том числе и на задержание лиц, совершивших преступление. «Однако осуществлять задержание могут как специально уполномоченные лица (сотрудники правоохранительных органов), так и все остальные граждане, которые явились очевидцами деяния,

либо по иной причине могут с достаточной уверенностью утверждать, что имеют дело с преступником». [1].

Задержание лица, совершившего преступление, в целях доставления его в органы власти выступает одним из средств обеспечения неотвратимости уголовной ответственности и пресечения совершения им новых преступлений.

Безусловно, активное участие граждан, направленное на поддержание правопорядка, является положительной тенденцией в развитии государства и общества в целом. Как и в ситуациях необходимой обороны, вред, причиненный лицу в ходе задержания, будет правомочен, при

соблюдении определенных условий, которые закреплены законодательно или вытекают из смысла соответствующих правовых норм. В контексте отечественной юридической терминологии правомочность, иными словами, «правомерность, понимается как соответствие явлений социальной жизни (деятельности или результатов деятельности субъектов права) требованиям и дозволениям содержащейся в нормах права государственной воли» [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 38 Уголовного кодекса РФ, не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

Исходя из содержания нормы можно выделить четыре основных условия правомерности.

Первым условием является причинение вреда исключительно лицу, совершившему преступление, а не третьим лицам. Задерживающее лицо (например, потерпевший, свидетель, очевидец) должно быть уверено в том, что причиняет вред именно тому лицу, которое совершило преступление. Фактами, подтверждающими совершение преступления конкретным лицом, могут быть явные следы преступления на задерживаемом, его одежде, при нем или в его жилище, а также прямое указание очевидцев). Таким образом, причастность задерживаемого лица должна быть установлена совокупностью объективных фактов конкретной обстановки и предшествовать непосредственно задержанию.

Вторым необходимым условием является цель задержания — доставление лица органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений. Подразумевается определенный алгоритм поведения задерживающего лица, который включает в себя активные действия, направленные на физическое подавление (обезоруживание, связывание, применение специальных средств) лица, совершившего преступление и дальнейшее доставление в территориальные подразделения органов правопорядка. Своевременное доставление лица в компетентные органы необходимо для принятия решения о привлечении к уголовной ответственности и качественного, полноценного установления всех обстоятельств дела. Обезвреженное и не представляющее опасность лицо не может быть подвергнуто расправе или самосуду.

Третьим условием является то, что иными средствами, помимо причинения вреда, задержать лицо не представлялось возможным. Данное условие рассматривается на основе комплексной оценки всех фактических обстоятельств конкретной обстановки задержания. Учитываются место и время преступления, непосредственно за которым следует задержание, личностные и физические характеристики задерживаемых и задерживающих, их количество, наличие или отсутствие наличного оружия и другие обстоятельства.

Особое внимание уделяют поведению преступника на период задержания, оценивается возможность сопротивления, угрозы причинения встречного вреда, вероятность скрыться с места происшествия, наличие при нем оружия и другие обстоятельства. В случае, если задерживающее лицо является представителем правоохранительных органов и уполномочен применять специальные средства, боевую и специальную технику, такое применение регламентировано внутренними служебными инструкциями, положениями, уставами.

Четвертым условием является недопущение превышения необходимых для задержания мер. Выбор конкретных мер и способов задержания в большей степени определяются поведением преступника. При отсутствии сопротивления и агрессии со стороны задерживаемого, должны применяться ненасильственные формы временного ограничения свободы с целью исключить возможность скрыться с места преступления. В случае попыток к бегству, явной и наличной угрозы, к преступнику могут применяться меры задержания, связанные с причинением вреда, например, причинение вреда здоровью с целью обезвредить задерживаемого для дальнейшего доставления в органы власти. Когда суд определяет тяжесть допустимого вреда, он принимает во внимание характер сопротивления, оказываемого преступником. «Отсюда следует вывод, что задерживаемый преступник сам как бы создает пределы допустимого причинения ему вреда, ибо чем сильнее он сопротивляется, тем большее насилие необходимо применить для его задержания» [3]. При оценке причиненного вреда также учитывается количество задерживающих и задерживаемых лиц, их пол, возраст, физические возможности. Это необходимо для точного установления соотношения сил у двух сторон. Численное или физическое превосходство задерживаемых лиц перед задерживающими дает право последним причинить более значительный вред и при этом рассчитывать, что такой вред будет признан правомерным.

Подводя итог, можно отметить важность института правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в отечественном уголовном праве. Возможность граждан участвовать в поддержании правопорядка является одной из гарантий стабильности общества и повышения уровня правосознания населения в целом. Совершаемые преступления неоднородны. Учитывая это, при решении вопроса о признании вреда при задержании лица правомерным, все фактические обстоятельства конкретного преступления необходимо рассматривать в совокупности и комплексно. Норма, содержащаяся в статье 38 Уголовного кодекса РФ призвана содействовать укреплению законности и предоставляет гражданам возможность проявления разумной инициативы в борьбе с преступностью. В то же время, недопустимо необоснованное ущемление прав и свобод человека и превышение мер, необходимых для задержания лица.

Литература:

1. Бастрыкин, А. И. Уголовное право России. Практический курс: учебно-практическое пособие. 3-е издание, дополненное и переработанное. / А. И. Бастрыкин, А. В. Наумов. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 808 с.
2. Сухарев, А. Я. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев и др. — М.: ИНФРА-М, 2007. — 858 с.
3. Косарев, А. В. Условия правомерности причинения вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании / А. В. Косарев // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов, 2006. — № 1. — 82–84 с.

Правовая природа и практическое значение института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление

Чулюков Олег Олегович, студент магистратуры

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье раскрывается правовая природа и актуализируется практическое значение института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: уголовное право; причинение вреда, при задержании лица, совершившего преступление; правовая природа; практическое значение.

Правовая природа причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, как нормы Уголовного кодекса Российской Федерации и самостоятельного института уголовного права, заключается в том, что она является предпосылкой реализации субъективного права лица на защиту охраняемых законом общественных отношений, прав и свобод человека и гражданина, а в ряде случаев и выполнением моральной обязанности лица по пресечению преступных действий, недопущению их совершения в дальнейшем и доставлению виновных лиц органам власти для принятия соответствующих мер воздействия.

Законодательное закрепление гарантий недопустимости привлечения к уголовной ответственности при соблюдении условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, способствует активному вовлечению населения в процесс противодействия преступности, поддержания правопорядка в государстве, участия

в функционировании правоохранительной системы в целом и конкретных правоохранительных отношениях в частности. Кроме того, данный институт служит обеспечению противодействию преступности, как явления, в целом.

«Задержание преступника — это общественно полезное действие, которое способствует реализации принципа неотвратимости ответственности. Правом на задержание преступника обладают все лица, находящиеся на территории Российской Федерации» [1].

Кроме того, данная норма в ряде случаев позволяет предотвратить совершение лицами новых преступлений, которые могут повлечь за собой причинение еще большего вреда охраняемым уголовным законодательством

общественным отношениям, а также позволяет обеспечить возмещение причиненного ими ущерба. Является необходимым обратить внимание на то, осведомленность как можно большего количества лиц о наличии института правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, а так же особенностей и условий его реализации, позволяет делать вывод о значительном предупредительном его значении. Например, лицо, еще только планирующее совершить преступление, может намеренно отказаться от его совершения, поскольку будет знать, что его могут задержать не только сотрудники уполномоченных правоохранительных органов, но и иные граждане, при этом с возможностью причинения ему, при определенных обстоятельствах, вреда здоровью, или даже смерти. При реализации данной нормы также осуществляется общая превенция. Например, по мнению профессора Н. Г. Кадникова «все остальные граждане информируются о возможности причинения вреда при попытках после совершения преступления скрыться и помешать свершиться правосудию» [2].

А для определенных категорий лиц, в частности для сотрудников полиции и других правоохранительных органов, задержание преступника — правовая, служебная обязанность. При этом стоит отметить, что данное задержание, в определенных условиях и при наличии определенных ситуативных признаков сопровождается применением уполномоченным лицом специальных средств, боевой и специальной техники, которое регламентируется внутренними служебными инструкциями, положениями, уставами.

Нормативное закрепление правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, имеет важное практическое значение.

Во-первых, данная норма создает определенные гарантии от необоснованного привлечения к юридической ответственности за причиненный вред задерживающим лицом, во-вторых — это гарантия для лица, в отношении которого производится задержание, что не будут превышены меры, необходимые для его задержания и не будет причинен явно несоизмеримый вред, поскольку жизнь и здоровье любого лица, в том числе и совершившего преступление, охраняются законом.

Причинение вреда лицу, совершившему уголовное преступление, с условием соблюдения условий правомерности, является самостоятельным обстоятельством, исключающим преступность деяния. Поэтому нет никакой необходимости рассматривать его по аналогии с необходимой обороной, тем более что статья 3 Уголовного кодекса Российской Федерации не допускает применение аналогии в уголовном законе. Это является законодательной гарантией недопустимости привлечения к ответственности лиц, которые совершили подобные деяния для достижения общественно-полезных целей.

Несмотря на то, что задержание лица, совершившего преступление, и необходимая оборона имеют сходства, они различаются между собой по ряду признаков. Так, необходимая оборона осуществляется при наличии посягательства, а задержание — чаще всего после совершения преступного деяния. Задача необходимой обороны — пре-

сечь или предотвратить общественно опасное посягательство; цель задержания — доставить преступника в органы власти и пресечь возможность совершения им других преступлений. Во время необходимой обороны посягающий не всегда является субъектом преступления; при задержании лица, совершившего преступление, речь идет только о вменяемом лице, достигшем возраста уголовной ответственности. При необходимой обороне причинение вреда — не единственное средство устранить грозящую опасность, а при задержании преступника — единственное.

Изучив юридическую природу института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, полагаю, что наличие данной нормы в уголовном законе обосновано и актуально. Уголовно-правовые отношения между государством и лицом, совершившим преступление, не прекращаются после окончания преступного посягательства. Если лицо, совершившее преступление, необходимо доставить в органы власти, а он уклоняется от явки в органы следствия или суда, особенно когда совершено тяжкое или особо тяжкое преступление, то для преодоления противодействия ему может быть причинен вред. Поэтому возникает необходимость правового регулирования общественных отношений, возникающих при задержании лица, совершившего преступление и их детального регламентирования для эффективного правоприменения в дальнейшем.

Литература:

1. Арчибасова, Л.А. Защита прав лица, совершившего преступление, в уголовном законодательстве России: учебное пособие / Л.А. Арчибасова, Р.В. Черкасов, А.В. Кузнецов. — М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. — 98 с.
2. Кадников, Н.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Н.Г. Кадников. — М.: «Бизнес Ченел Интернешнл», 1998. — 17 с.

Обеспечение публичных и частных интересов при законодательном регулировании аудиторской тайны

Чупрова Елена Сергеевна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (г. Киров)

Ключевые слова: аудиторская деятельность, аудиторская тайна, налоговый контроль.

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» [1] под аудиторской деятельностью понимается «деятельность по проведению аудита и оказанию сопутствующих аудиту услуг, осуществляемая аудиторскими организациями, индивидуальными аудиторами». Аудит проводится в целях выражения мнения о достоверности финансовой отчетности аудируемого лица.

Неотъемлемым элементом аудиторской деятельности является аудиторская тайна. В соответствии с ч. 1 ст. 9

ФЗ № 307 к ней относятся «любые сведения и документы, полученные и (или) составленные аудиторской организацией и ее работниками, а также индивидуальным аудитором и работниками, с которыми им заключены трудовые договоры, при оказании услуг, предусмотренных Федеральным законом № 307, за исключением: сведений, разглашенных самим лицом, которому оказывались услуги, либо с его согласия; сведений о заключении договора оказания аудиторских услуг; сведений о величине оплаты ау-

диторских услуг». Соответственно, можно сделать вывод, что аудиторская тайна может быть разглашена с согласия аудируемого лица.

10 апреля 2018 года Государственной Думой был принят Федеральный закон № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статью 13 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» [2]. В первую очередь он направлен на противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, что, несомненно, защищает публичные интересы. Однако, с другой стороны, данный закон в значительной степени затрагивает частные интересы, а именно: предоставляется право федеральной службе по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) на доступ к сведениям, составляющим аудиторскую тайну, при «возникновении любых оснований полагать, что сделки или финансовые операции аудируемого лица могли или могут быть осуществлены в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма» (ст. 13 ФЗ № 307). Следовательно, возникает вопрос о сохранении в законодательстве Российской Федерации института аудиторской тайны, а также о соблюдении прав аудируемых лиц.

Ранее, до внесения изменений в статью 13 ФЗ № 107, аудитор должен был информировать Росфинмониторинг о возможных нарушениях, только в том случае, если руководитель аудируемой компании в течение 90 дней не принимал надлежащих мер, после поступления информации от аудитора. После внесения изменений, аудитор обязан незамедлительно сообщать о возможных нарушениях в федеральную службу, при этом ему запрещено сообщать об этом руководителю аудируемой организации.

В настоящее время закон «Об аудиторской деятельности» защищает права не только частных лиц, а отдает приоритет защите публичных интересов, позволяя осуществлять передачу сведений и документов, содержащих аудиторскую тайну, третьим лицам на основании закона. Тем не менее, данное обстоятельство не свидетельствует об упразднении института аудиторской тайны, который и в настоящее время продолжает выполнять свою базовую функцию по защите интересов частных лиц.

Так, в законодательстве содержится ряд норм, ограничивающих истребование документов, составляющих аудиторскую тайну. Например, согласно п. 4 ст. 82 НК РФ [3], при осуществлении налогового контроля не допускаются сбор, хранение, использование и распространение информации о налогоплательщике, полученной в нарушение требования об обеспечении конфиденциальности информации, составляющей аудиторскую тайну. Однако, ФЗ от 29 июля 2018 года № 231-ФЗ [4] НК был дополнен статьей 93.2, вступающей в силу с 1 января 2019 года и регламентирующей истребование документов у аудиторских

организаций. Вводимая статья содержит исключение для ст. 82 НК и позволяет осуществлять сбор, хранение и использование полученных от аудиторской организации документов в целях налогового контроля. На первый взгляд, ФЗ № 231 законодатель в очередной раз вводит приоритет публичных интересов над частными. Также как и в ФЗ № 107, вводимая статья не предусматривает информирование аудируемого лица, в отношении которого получен запрос. Впрочем, ст. 93.2 содержит определенные гарантии соблюдения прав аудируемых лиц. Во-первых, ограничивается субъектный состав лиц, которые вправе принимать решения об истребовании документов, к ним относятся: руководитель (заместителя руководителя) федеральной налоговой службы. Во-вторых, в качестве основания такого истребования вводится непредоставление налогоплательщиком сведений в установленном порядке, если они ранее были истребованы налоговым органом. В-третьих, вводится конкретный перечень обстоятельств, по которым такое истребование возможно: выездная налоговая проверка; проверка полноты исчисления и уплаты налогов в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами; запрос компетентного органа иностранного государства.

Положения п. 2 ст. 90 НК также посвящены вопросу аудиторской тайны. Согласно данной норме не могут допрашиваться в качестве свидетеля лица, которые получили информацию, необходимую для проведения налогового контроля, в связи с исполнением ими своих профессиональных обязанностей, и подобные сведения относятся к профессиональной тайне этих лиц, в частности аудитор.

Закон о банках и банковской деятельности (ст. 26) также содержит запрет на раскрытие аудиторскими организациями третьим лицам сведений об операциях, о счетах и вкладах кредитных организаций, их клиентов и корреспондентов, полученные этими аудиторскими организациями при оказании аудиторских услуг.

Таким образом, на основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что российский законодатель в процессе регулирования института аудиторской тайны, с одной стороны, идет по пути обеспечения приоритета публичных интересов над частными. Это в свою очередь обеспечит налоговым органам получение информации для выявления налоговых правонарушений из дополнительных источников, поспособствует борьбе с финансовыми преступлениями. Помимо этого, вводимые в законодательство изменения будут способствовать исполнению Российской Федерацией своих международных обязательств по предоставлению информации по запросам органов иностранных государств. С другой стороны, законодатель также вводит определенные гарантии для обеспечения частных интересов. Доступ уполномоченных органов к сведениям, составляющих аудиторскую тайну, не будет нарушать прав законопослушных налогоплательщиков, но в то же время, позволит сэкономить материальные и временные ресурсы государственным органам.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.12.2008 N 307-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об аудиторской деятельности»// «Российская газета», N 267, 31.12.2008.
2. Федеральный закон от 23.04.2018 N 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статью 13 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»// «Российская газета», N 88, 25.04.2018.
3. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 27.12.2018)// «Российская газета», N 148–149, 06.08.1998.
4. Федеральный закон от 29.07.2018 N 231-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации»// «Российская газета», N 165, 31.07.2018.

Общественная опасность как категория уголовного права

Шишкина Юлия Андреевна, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

В статье отражена правовая регламентация общественной опасности деяния в российском уголовном законодательстве. Автор рассматривает существующие точки зрения на общественную опасность. Дается трактовка такого понятия как «общественная опасность деяния».

Ключевые слова: общественная опасность, признаки преступления, уголовное право, отрасль права.

В отрасли уголовного права категория общественной опасности получила широкое практическое применение. Законодатель заложил общественную опасность в качестве признака преступления, основания деления преступных деяний на виды, предмета субъективного восприятия в институте вины, характеристики личности виновного при назначении наказания. Несмотря на столь весомую уголовно-правовую роль, общественная опасность не обрела официального определения. В то же время наличие разнообразных концепций общественной опасности скорее актуализирует, нежели снимает рассматриваемую проблему. В науке нельзя констатировать существование единого системного подхода к определению понятия общественной опасности, значения ее существенных характеристик при формировании и реализации ключевых уголовно-правовых институтов. Обозначенные обстоятельства свидетельствуют о высоком исследовательском потенциале заявленной тематики.

В наиболее известной теории общественной опасности, которую по праву можно считать классической, анализируемая категория относится к материальному признаку преступления. Теоретическая модель общественной опасности как материального признака преступления обнаруживает положительные места и противоречивые аспекты. Сложно усомниться в том, что общественная опасность отражает вредоносность соответствующего деяния. Всякое преступное посягательство разрушает одно из правоотношений, обеспечивающих существование и развитие значимых интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества [3, с. 75].

Вместе с тем согласно уголовно-правовой теории, разделяющей формальные и материальные признаки преступления, общественная опасность способна иметь место независимо от воли законодателя. Возникает справедливый вопрос о целесообразности ее нахождения в ряду признаков преступления. Общественная опасность, обосновываемая исследователями вне содержания преступления, несколько не нуждается в каком-либо подтверждении на уровне уголовного закона. В канве анализируемой теории вредоносные деяния одного рода еще до момента их криминализации способны достичь определенного уровня характера и степени общественной опасности. Исходя из этого, закрепление общественной опасности в качестве существенного признака преступления рискует потерять всякий смысл.

Содержание преступления образуют такие признаки, которые имеют взаимосвязанный и взаимообусловленный характер. Не является исключением и категория общественной опасности. Преступление общественно опасно только потому, что совершается виновно и запрещено уголовным законом под угрозой наказания. Тесная связь общественной опасности с виновностью, запрещенностью уголовным законом и угрозой наказания свидетельствует о системности понятия преступления. В отрыве друг от друга признаки преступления теряют свое социальное и юридическое значение. Таким образом, общественная опасность не может существовать автономно вне иных конструктивных признаков преступного деяния [6, с. 140].

В процессе принятия решения о необходимости установления уголовной ответственности за соответствующее

деяние автор предлагает сконцентрироваться на других предпосылках и факторах, среди которых: распространенность и типичность деяний; динамика совершения деяний с учетом их причин и условий; определение причиняемого такими деяниями материального и морального ущерба; степень эффективности борьбы с ними юридическими и иными средствами; установление наиболее характерных и опасных объективных и субъективных признаков деяний; возможность правового определения признаков деяния; установление общих личностных признаков субъектов деяний; общественное мнение различных социальных групп; определение возможностей системы уголовной юстиции в борьбе с определенными деяниями [2, с. 137].

Популярность теории, разделяющей признаки преступления на формальные и материальные, во многом объясняется желанием исследователей уравнивать значение общественной опасности с вредоносностью деяния. В уголовно-правовой доктрине сложилось устойчивое понимание общественной опасности в качестве вреда от совершаемого преступления. Со временем оно приобрело характер единственно возможного взгляда на содержание анализируемой категории.

В понятии преступления законодатель не случайно воспользовался семантическим значением категории общественной опасности. Если бы смысл общественной опасности исчерпывался сутью вредоносности, то преступление сложно было отграничить от иных правонарушений. Никто не станет отрицать вредоносность преступления посягательства на охраняемый объект.

Не вызывает возражений и тот факт, что вред интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества вполне может причиняться нарушением международного, гражданского, административного законодательства, допущением дисциплинарного проступка. Однако при совершении преступления вред приобретает принципиально другие качественно-количественные характеристики, позволяющие констатировать его трансформацию именно в общественную опасность совершенного деяния.

Отраслевая уникальность категории общественной опасности подтверждается дефиницией преступления. Каждый признак преступления в известной мере обусловлен сущностью общественной опасности. Так, признак виновности в уголовном законе определяется с позиции осознания (неосознания) общественной опасности своих действий (бездействия), предвидения (непредвидения) возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий и соответствующего волевого к ним отношения [5, с. 52].

Признак «запрещенность уголовным законом» означает официальное признание соответствующего деяния как общественно опасного посредством описания его криминообразующих признаков в УК РФ [1]. Заключение признака преступления подчеркивает, что только общественно опасное деяние находится под угрозой уголовного наказания. Исходя из изложенного, несмотря

на формально-материальную сущность всех без исключения признаков преступления, свою уголовно-правовую «материальность» виновность, запрещенность законом и угроза наказанием приобретают при условии констатации в соответствующем деянии свойств общественной опасности.

На уровне правоприменения сама постановка вопроса об оценке содеянного с позиции уголовного законодательства предполагает необходимость установления в учиненном действии (бездействии) общественной опасности. Процесс квалификации деяния, причиняющего вред охраняемым интересам, завершается одним из юридически значимых заключений, напрямую связанных с категорией общественной опасности. Наиболее распространенным итогом уголовно-правовой квалификации является положительное решение вопроса об общественной опасности деяния, означающее выявление признаков соответствующего преступления.

Постпреступное позитивное поведение виновного и определенные объективные факторы в дальнейшем могут свидетельствовать о снижении степени общественной опасности деяния, что служит основанием для освобождения лица от уголовной ответственности или наказания. Когда устанавливаются признаки «некачественного» субъекта преступления (невменяемость, недостижение возраста уголовной ответственности, отставание в развитии, не связанном с психическим расстройством) или невиновное причинение вреда, вопрос о признании соответствующего деяния общественно опасным решается отрицательно. В редких случаях совершенное действие (бездействие) признается, хотя формально и содержащим признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющим общественной опасности. При наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, социально-правовое значение совершенного поступка оценивается исходя из его прямого противопоставления общественно опасному посягательству.

Таким образом, общественная опасность выступает единственным сущностным признаком преступления, определяющим природу всей отрасли уголовного права. Полученный вывод основывается на трех важных аспектах. Во-первых, признак общественной опасности присущ исключительно преступлению и не дублируется в других отраслях права при характеристике правонарушений. Во-вторых, общественная опасность обуславливает содержание всех признаков преступления, наделяя их свойством «материальности». В-третьих, уголовное право дает оценку только таким деяниям, которые являются общественно опасными, вызывают сомнения с позиции общественной опасности или противостоят общественно опасным посягательствам на охраняемые объекты [4, с. 60].

Установленное значение общественной опасности в отрасли уголовного права может послужить основой для дальнейшего развития теории общественной опасности,

а также решения частных вопросов, касающихся взаимобусловленности признаков преступления, обоснования природы вредоносных поступков, не обладающих свой-

ствами общественной опасности, отграничения преступления от иного правонарушения, механизма установления малозначительности деяния.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Герасимов, А.М. Общественная опасность и ее значение в отрасли уголовного права / А.М. Герасимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 4 (123). — с. 136–143.
3. Петрушенков, А.Н. Проблемы реализации общественной опасности преступления в особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / А.Н. Петрушенков // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 2. — с. 75–83.
4. Смирнов, А.М. Отражение общественной опасности деяния в российском уголовном законодательстве / А.М. Смирнов // Дневник науки. — 2018. — № 10 (22). — с. 60–65.
5. Хамташу, Р.Ш. Трактровка общественной опасности в советском уголовном праве довоенного периода / Р.Ш. Хамташу // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — № 1 (68). — с. 51–54.
6. Хмелевская, Т.А. Законодательная градация уголовно-противоправных деяний по признаку общественной опасности / Т.А. Хмелевская // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2018. — № 37. — с. 139–143.

Особенности женской подростковой преступности в России

Шляйгер Анна Вильгельмовна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются особенности и причины, способствующие совершению преступления несовершеннолетними лицами женского пола; анализируется влияние института семьи на преступное поведение девушек.

Ключевые слова: женская преступность, женская подростковая преступность, криминологический анализ, обособленный объект криминологии.

Женская преступность выступает составной частью общей преступности, относится к исторически изменчивым явлениям. Ей присущи многочисленные особенности, которые являются результатом особого социального положения женщины в обществе и особенностями ее психики и физиологии.

Как отмечает Ю.М. Антонян, «преступность женщин отличается от преступности мужчин своими масштабами, характером преступлений и их последствиями, способами и орудиями совершения, выбором жертвы преступного посягательства, влиянием на правонарушения семейно-бытовых и сопутствующих им обстоятельств» [3, с. 299]. Эти особенности связаны с исторически обусловленным местом женщины в системе общественных отношений, ее социальными ролями и функциями, биологической и психологической спецификой. Верно и высказывание о том, что структура женской преступности не повторяет мужскую, она специфична и в значительной мере определяется теми видами преступлений, которые наиболее присущи женщинам [5, с. 118]. Такие формулировки обоснования женской преступности у нас не вызывают вопросов.

Длительное время соотношение женской и мужской преступности оставалось устойчивым и составляло примерно 1:9 и 1:8. В начале 90-х гг. XX в. число преступлений, совершенных женщинами, стало возрастать. При этом увеличилась доля женщин, которые совершали тяжкие и насильственные преступления.

Рассматривая названную проблему, И.И. Карпец утверждал, что женщины нередко совершают насильственные преступления. Однако среди женщин более распространены хищения, присвоение, растрата, заражение венерической болезнью и уклонение от лечения. Немалое место занимали так называемые дела частного обвинения в части клеветы [2, с. 309]. Несложно заметить, что значительную часть преступлений в тот период женщины совершали в рамках своей профессиональной деятельности.

В последнее время наблюдается неуклонный рост женской преступности не только в России, но и во всём мире. Падение духовной культуры, изменение нравственных ценностей, трансформация роли женщины в обществе — вот основные факторы, провоцирующие женщин на преступления. Совершаемые ими преступления имеют ряд

специфических особенностей, которые характеризуются большей необдуманностью и эмоциональностью.

Кроме того, в последние годы наблюдается также омоложение женской преступности. Так, в 2013 году несовершеннолетними лицами женского пола было совершено 6699 преступлений, в 2014 году — 5913 преступлений, в 2015 году — 6719 преступлений, в 2016 году — 5569 преступлений, в 2017 году — 4168 преступлений [9].

Несмотря на некоторое снижение уровня преступности несовершеннолетних лиц женского пола, нельзя полагать, что данное явление не представляет общественной опасности.

Как указывает Е. О. Филиппова: «Проблема преступности несовершеннолетних женского пола приобрела сегодня особую остроту, так как по исследованиям многих учёных в структуре преступности несовершеннолетних, удельный вес женской преступности несовершеннолетних составляет в среднем около 20%. Социализация личности, по утверждению психологов и педагогов начинается в раннем детстве, а активное формирование индивида, идентифицирующего себя с мужчиной или женщиной, происходит в подростковом возрасте и почти завершается к 17–18 годам. Гендерные различия юношей и девушек подросткового возраста, связанные с их социальными ролями и социально-психологическими статусами, наряду с возрастными особенностями позволяют объяснить личностные качества, которые принимают участие в формировании антиобщественного поведения молодых преступников женского и мужского пола» [6, с. 84].

Женская подростковая преступность имеет свои особенности и довольно часто выделяется в качестве обособленного объекта криминологии.

Во время формирования криминологической науки многие исследователи рассматривали преступность женщин с биологических позиций. Позднее ученые стали учитывать не только биологические особенности, но и социальное положение, и социальную роль женщин в этой сфере.

По мнению Я. И. Гилинского, несовершеннолетним преступницам свойственны замкнутость, скрытность, травмированность жизненными обстоятельствами, связанные с наличием неблагоприятных условий формирования личности [1, с. 85]. Соглашаясь с Я. И. Гилинским, Н. Б. Моттаева также связывает особенности женской подростковой преступности с половыми, возрастными, психическими отличиями несовершеннолетних.

Однако не стоит игнорировать и социальные причины женской подростковой преступности.

Так, Е. С. Мурзак, среди отклонений, которые могут выступать в качестве причин совершения преступлений, выделяет гиперкинетическое расстройство поведения, не социализированное расстройство поведения, социализированное расстройство поведения, делинквентное поведение, раннюю алкоголизацию и наркотизацию, девиации сексуального характера и т. д. [4, с. 286].

Кроме того, следует согласиться с мнением ученых в том, что «социальные причины и условия в большин-

стве случаев являются одними из базовых детерминант криминального поведения женщины, развивающегося впоследствии с помощью субъективно-индивидуальных причин» [7, с. 11].

Становление девочки как личности, прежде всего, происходит в семье.

Как отмечает С. А. Попова, семья имеет две плоскости взаимосвязанных отношений: «муж — жена», «родители — дети» [7, с. 11]. В каждой из названных плоскостей семейных взаимоотношений возможны деформации, отражающиеся на формировании личности девочки, девушки-подростка. Следствием этого могут быть отставание в развитии интеллекта, нарушения психического здоровья, плохая успеваемость в школе, совершение аморальных и противоправных проступков.

В связи с изложенным В. И. Шиян отмечает, что отсутствие надлежащих семейных контактов для девочек особенно пагубно. Почти все отвергнутые семьей девочки слишком рано начинают половую жизнь, становятся легкой сексуальной добычей более взрослых парней, быстро деморализуются, их интимные связи приобретают беспорядочный характер. Параллельно они вовлекаются в употребление алкоголя или наркотиков (по последним исследованиям, с 9–11 лет) [8, с. 37].

В результате у них происходит потеря интереса, а впоследствии и неспособность к учебе и труду. Оторвавшимся от семьи, школы, вышедшим за пределы нормального человеческого общения девушкам очень трудно, иногда и невозможно вернуться к обычной жизни, завоевать уважение окружающих.

Материальное положение семей также имеет огромное значение в криминогенном поведении несовершеннолетних девочек. Имущественные затруднения, в особенности в неполных семьях, формируют у подростков зависть, жадность, хитрость, эгоизм и как следствие — противоправные устремления, чаще корыстного порядка.

Следующая особенность женской подростковой преступности заключается в том, что женская преступность несовершеннолетних направлена на довольно узкий круг объектов, охраняемых уголовным законодательством. Это можно объяснить тем, что многие преступления для несовершеннолетних недоступны в силу половых, возрастных и психологических особенностей.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что женская подростковая преступность имеет свои особенности и выделяется в качестве обособленного объекта криминологии. Особенности рассмотренной преступности связаны не только с половыми, возрастными, психическими отличиями, но и социальными факторами. Так, большое влияние в становлении девочки как личности, оказывает семья.

Однако, несмотря на особенности, при изучении подростковой женской преступности стоит в большей степени опираться на признаки, присущие женской преступности, но ни в коем случае не игнорируя возрастные особенности анализируемой категории лиц.

Литература:

1. Гишинский, Я. И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // КриминалистЪ. — 2010. — № 2. — с. 84–90.
2. Карпец, И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. — 432 с.
3. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: ЮристЪ, 2006. — 512 с.
4. Мурзак, Е. С. Преступность несовершеннолетних. Психологические особенности поведения несовершеннолетних преступников // Профессиональное образование и общество. — 2017. — № 2. — с. 285–294.
5. Одинцова, Л. Н. Современный портрет преступниц-женщин, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 25–26 октября 2017 г. / Отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2017. с. 118.
6. Очкасов, Н. О., Филиппова Е. О. проблемы преступности несовершеннолетних женского пола // Наука среди нас. — 2018. — № 1 (5). — с. 342.
7. Попова, С. А. Криминологический анализ детерминант женской насильственной преступности // Российский следователь. — 2007. — № 23.
8. Шиян, В. И. Нравственно-психологическая характеристика личности корыстных преступниц // Российский следователь. — 2012. — № 17. — с. 37.
9. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 16 (254) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 01.05.2019. Дата выхода в свет: 08.05.2019.
Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.